

Сельма Лагерлеф

СВЯТАЯ НОЧЬ

Когда мне было пять лет, меня постигло очень большое горе. Более сильного я, кажется, не знала с тех пор. Умерла моя бабушка. До самой своей кончины она проводила свои дни, сидя в своей комнате, на угловом диване, и рассказывая нам сказки.

Бабушка сидела и рассказывала – с утра до вечера – а мы, дети, тихо сидели возле нее и слушали. Чудесная это была жизнь! Никаким другим детям не жилось так, как нам.

Лишь немного сохранилось у меня в памяти о моей бабушке. Помню, что у нее были красивые, белые, как снег, волосы, что она ходила, совсем сгорбившись, и постоянно вязала чулок.

Помню еще, что, кончив рассказывать какую-нибудь сказку, она обыкновенно клала мне на голову руку и говорила:

– И все это такая же правда, как то, что мы сейчас видим друг друга.

Помню я и то, что она умела петь чудесные песни, но пела она их не часто. В одной из этих песен речь шла о рыцаре и о морской царевне, и у нее был припев: «Ветер холодный, холодный над морем подул».

Помню еще маленькую молитву и псалом, которым она меня выучила.

Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось лишь бледное, смутное воспоминание. Только одну из них я помню так хорошо, что могла бы пересказать ее. Это маленькая легенда о Рождестве Христовом.

Вот почти все, что я могу припомнить о своей бабушке, кроме того, что я помню лучше всего, – ощущение великой утраты, когда она покинула нас.

Я помню то утро, когда диван в углу оказался пустым, и было невозможно представить, когда же кончится этот день. Этого я не забуду никогда.

И помню я, как нас, детей, подвели к усопшей, чтоб мы простились с ней и поцеловали ее руку. Мы боялись целовать покойницу, но кто-то сказал нам, что ведь это последний раз, когда мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

И я помню, как сказки и песни вместе с бабушкой уехали с нашего двора, уложенные в длинный, черный ящик, и никогда больше они не возвращались.

Что-то ушло тогда из жизни. Точно навсегда заперли дверь в широкий, прекрасный, волшебный мир, в котором мы прежде свободно бродили. И никого не нашлось, кто сумел бы отпереть эту дверь.

Мы постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить так, как все другие дети, и могло уже казаться, что мы больше не тоскуем о бабушке и не вспоминаем о ней.

Но даже и в эту минуту, спустя сорок лет, когда я сижу и вспоминаю легенды о Христе, слышанные мною на Востоке, в моей памяти встает сказание о Рождестве Христовом, которое любила рассказывать бабушка. И мне хочется самой рассказать его и включить и его в мой сборник.

Это было в Рождественский сочельник, когда все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Мы были, кажется, одни во всем доме. Нас не взяли, потому что одна из нас была слишком мала, другая слишком стара. И обе мы горевали о том, что не можем побывать на торжественной службе и увидеть сияние рождественских свечей.

И когда мы сидели в своем одиночестве, бабушка начала рассказывать.

– Когда-то один человек, – сказала она, – в темную ночь вышел на улицу, чтобы раздобыть огня. Он переходил от хижины к хижине и стучался. – Помогите мне, добрые люди! – говорил он. – Моя жена только что родила ребенка, и мне надо развести огонь, чтобы согреть ее и младенца.

Но была глубокая ночь и все люди спали. Никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец, он заметил вдали мерцающее пламя. Он направился в ту сторону и увидел, что огонь разведен под открытым небом. Множество белых овец спали вокруг костра, а старый пастух сидел и стерег свое стадо.

Когда человек, который искал огня, подошел к овцам, он увидел, что у ног пастуха лежат и спят три собаки. При его приближении все три проснулись и раскрыли свои широкие пасти, точно собираясь залаять, но не издали ни единого звука. Он видел, как шерсть дыбом поднялась у них на спине, как их острые белые зубы ослепительно засверкали в свете костра, и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна схватила его за ногу, другая – за руку, третья вцепилась ему в горло. Но челюсти и зубы не повиновались собакам, и, не причинив ему ни малейшего вреда, они отошли в сторону.

Он хотел идти теперь дальше. Но овцы лежали так тесно друг возле друга, спина к спине, что он не мог пробраться между ними. Тогда он по их спинам пошел вперед, к костру. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась.

До сих пор бабушка вела рассказ не останавливаясь, но тут я не могла удержаться, чтобы ее не перебить.

– Отчего же, бабушка, они продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? – спросила я.

– Это ты скоро узнаешь, – сказала бабушка и продолжала свое повествование. – Когда человек подошел достаточно близко к огню, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, грубый и неприветливый со всеми. И, когда он увидел, что к нему приближается незнакомец, он схватил длинный, остроконечный посох, с которым ходил всегда за стадом, и бросил в него. И посох со свистом полетел прямо в незнакомца, но, не ударив его, отклонился в сторону и пролетел мимо, на другой конец поля.

Когда бабушка дошла до этого места, я снова прервала ее.

– Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка ничего не ответила мне и продолжала свой рассказ:

– Человек подошел тогда к пастуху и сказал ему: «Друг, помоги мне, дай мне огня! Моя жена только что родила ребенка, и мне надо развести огонь, чтобы согреть ее и младенца!»

Старик предпочел бы ответить отказом, но когда он вспомнил, что собаки не могли укусить этого человека, овцы не разбежались от него и посох не задел его, ему стало не по себе, и он не посмел отказать ему в просьбе.

– Бери сколько тебе нужно! – сказал пастух.

Но костер почти догорел, и не оставалось больше ни одного полена, ни одного сучка, лежала только большая куча жару; у незнакомца же не было ни лопаты, ни совка, которыми он мог бы набрать себе красных угольков.

Увидев это, пастух повторил:

– Бери сколько тебе нужно! – и радовался при мысли, что человек не может унести с собой огня.

Но тот наклонился, выбрал угли из пепла голыми руками и положил их в полу своей одежды. И угли не обожгли ему рук, когда он брал их, и не прожгли его одежды; он понес их, словно это были яблоки или орехи.

Тут я в третий раз перебила рассказчицу:

– Бабушка, отчего угольки не обожгли его?

– Узнаешь потом, – сказала бабушка и стала рассказывать дальше.

– Когда злой и сердитый пастух увидел все это, он очень удивился: «Что это за ночь, в которую собаки не кусают, овцы не пугаются, посох не убивает и огонь не жжет?» – Он остановил незнакомца и спросил его:

– Что это за ночь такая? И отчего все животные и вещи так милостивы к тебе?

– Я не могу тебе этого объяснить, раз ты сам этого не видишь! – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и согреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять этого человека из виду, пока ему не станет ясно, что все это значит. Он встал и пошел следить за ним до самого его обиталища. И пастух увидел, что у незнакомца нет даже хижины для жилья, что жена его и новорожденный младенец лежат в горной пещере, где нет ничего, кроме голых, холодных каменных стен.

Пастух подумал, что бедный невинный младенец может насмерть замерзнуть в этой пещере, и, хотя он был суровым человеком, он растрогался до глубины души, и решил помочь малютке. Сняв с плеч свою котомку, он вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот уложил на нее младенца.

И в тот самый миг, когда оказалось, что и он тоже может быть милосерден, глаза его открылись, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что вокруг него стоят плотным кольцом ангелочки с серебряными крылышками. И каждый из них держит в руках арфу, и все они поют громкими голосами о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от греха.

Тогда пастух понял, почему все в природе так радовалось в эту ночь, и никто не мог причинить зла отцу ребенка.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду. Они сидели в пещере, спускались с горы и летали в поднебесье; они шли по дороге громадными толпами и, когда проходили мимо, останавливались и бросали взоры на младенца. И повсюду царили ликование, радость, пение и веселье...

Все это пастух увидел среди ночной тьмы, в которой раньше ничего не мог разглядеть. И он, обрадовавшись, что глаза его открылись, упал на колени и стал благодарить Бога.

При этих словах бабушка вздохнула и сказала:

– Но то, что видел пастух, мы тоже могли бы увидеть, потому что ангелы летают в поднебесье каждую Рождественскую ночь. Если бы мы только умели смотреть.

И, положив мне руку на голову, бабушка прибавила:

– Запомни это, потому что это такая же правда, как то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в солнце и луне, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!

Легенды о Христе

Видение Императора

Это было в то время, когда Август был императором в Риме, а Ирод – царем в Иудее.

И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. Такой темной ночи никто никогда еще не видел; можно было подумать, что вся земля очутилась под какими-то мрачными сводами. Невозможно было отличить воду от суши; нельзя было не заблудиться даже на самой знакомой дороге. Да иначе и быть не могло, ибо с неба не падало ни одного луча света. Все звезды оставались дома, в своих жилищах, и ласковая луна не показывала своего лика.

И столь же глубоки, как мрак, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка, листья осины перестали дрожать. Если б кто пошел к морю, то услышал бы, что волны не бьются больше о берег; если б кто пошел в пустыню, песок не хрустел бы под его ногами. Все окаменело, все стало недвижимо, чтобы не нарушать тишину святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не падала, цветы не смели испускать свое благоухание.

В эту ночь хищные звери не выходили на охоту, змеи не жалили, собаки не лаяли. Но самое чудесное было то, что ни один из неодушевленных предметов не нарушал святости этой ночи своим содействием какому-нибудь злему делу: отмычки не отпирали замков, нож был не в состоянии пролить кровь.

В эту самую ночь небольшая кучка людей вышла из императорского дворца на Палатинском холме в Риме и направилась через Форум к Капитолию. Незадолго перед тем, на закате дня, сенаторы спросили императора, не возражает ли он против их намерения воздвигнуть ему храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, будет ли угодно богам, если рядом с их храмом будет выситься храм, сооруженный в его честь, и потому решил принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать волю богов. Теперь, в сопровождении нескольких приближенных, он и отправился совершить это жертвоприношение.

Августа несли на носилках, потому что он был стар, и подняться по высоким лестницам Капитолия было ему уже не под силу. Он сам держал клетку с голубями, которых намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов; его окружали только самые близкие друзья. Факельщики шли впереди, как бы прокладывая путь среди ночного мрака, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, ножи, священный огонь и все, что требовалось для жертвоприношения.

Император весело беседовал дорогой со своими приближенными и потому никто из них не заметил беспредельного безмолвия и тишины ночи. Только когда они поднялись на самую верхнюю часть Капитолия и достигли места, предназначенного для сооружения храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи, и потому, что на краю скалы император и его свита увидели какое-то странное существо. Сначала они приняли его за старый, искривленный ствол оливкового дерева, затем им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец, они поняли, что это была старая Сивилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды и времени гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь здесь императора, все бы разбежалось по домам и попряталось в свои постели. – Это та, – шептали они друг другу, – которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Зачем вышла она именно в эту ночь из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, пишущая свои пророчества на листьях деревьев, знающая, что ветер отнесет их тому, кому они предназначаются?

Они так перепугались, что, сделай Сивилла хоть малейшее движение, они тотчас же упали бы на колени и приникли бы челом к земле. Но она сидела неподвижно, точно была бездыханна. Совсем согнувшись, сидела она на самом краю скалы и, полуприкрыв глаза руками, всматривалась в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы лучше рассмотреть нечто, происходящее бесконечно далеко. Значит, она могла что-то видеть в такую темную ночь!

В это мгновение император и вся его свита заметили, как густ был ночной мрак. Ничего не было видно даже на расстоянии руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Но они

задыхались от неподвижного воздуха, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и висели бессильно. Они чувствовали, что должно совершиться что-то ужасное. Однако никто из свиты не хотел обнаружить своего страха, все говорили императору, что это счастливое знамение: вся вселенная затаила дыхание, чтобы поклониться новому богу.

Они убеждали Августа поспешить с жертвоприношением и говорили, что древняя Сивилла для того, вероятно, покинула свою пещеру, чтобы приветствовать императора.

В действительности же внимание Сивиллы было так поглощено представшим перед ней видением, что едва ли она заметила, как Август прибыл на Капитолий. Мысленно она перенеслась в далекую страну, и ей чудилось, будто она бредет по обширной равнине. В темноте она натыкалась на какие-то предметы, которые принимала за кочки. Она наклонилась и ощупала их рукой. Нет, это были не кочки, а овцы. Она блуждала среди огромных стад спящих овец. Но вот она заметила костер пастухов. Он горел среди поля, и она стала пробираться к нему. Пастухи расположились возле костра и спали, а подле них лежали длинные, заостренные посохи, которыми они обыкновенно защищали стада от хищных зверей. Но вот эти зверьки, со сверкающими глазами и пушистыми хвостами, что подкрадываются тихонько к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не запускали в них своих посохов, собаки продолжали спать, овцы не разбежались, и дикие звери легли спокойно рядом с людьми.

Вот что развертывалось перед взорами Сивиллы, но ничего не знала она о том, что происходит позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели огонь, насыпали куренья, и император вынул из клетки одного голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его вдруг так ослабели, что не могли удержать птицу. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и, высоко взлетев, исчез в ночной тьме.

Когда это случилось, царедворцы подозрительно взглянули на древнюю Сивиллу. Они подумали, что она виновата в этой неудаче.

Могли ли они знать, что Сивилле все время чудилось, будто она стоит у костра пастухов и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди мертвенно-безмолвной ночи? Сивилла услышала эту музыку задолго до того, как, наконец, поняла, что она несется не с земли, а с неба. Она подняла голову и увидела во мраке скользящие по небу светлые, лучезарные создания. Это были небольшие хоры ангелов, которые, как бы ища что-то, летали со сладкозвучным пением над широкой равниной.

Пока Сивилла внимала ангельским песням, император снова готовился принести жертву. Он омыл руки, вычистил жертвенник и велел подать другого голубя. Но хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать птицу, гладкое тельце выскользнуло из его руки, и голубь взвился к небу и скрылся в непроглядном мраке.

Императора охватил ужас. Он пал на колени перед пустым жертвенником и стал молиться своему духу-покровителю. Он просил его отвратить бедствия, которые, видимо, предвещала эта ночь.

Но и это прошло для Сивиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое становилось все сильней и сильней. Наконец, оно зазвучало так громко, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светозарные сонмы серебристых ангелов длинными трепетными вереницами, подобно перелетным птицам, прорезывали ночную тьму. У одних были в руках лютни и гусли, у других цитры и арфы, и пение их звенело так же радостно, как детский смех, и так же беспечно, как щебетание жаворонков. Услышав это, пастухи встали и направились к нагорному городку, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Они стали взбираться по тесной, извилистой тропинке, и древняя Сивилла следила за ними. Внезапно гора озарилась светом. Как раз над нею зажглась большая, яркая звезда, и, как серебро, заблестал в ее сиянии городок на вершине горы. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов устремились туда с ликующими кликами, и пастухи ускорили шаги, так что почти бежали бегом. Достигнув города, они увидели, что ангелы собрались над низким хлевом близ городских ворот. Это было жалкое строение с соломенной крышей, прилепившееся к скале. Над этим хлевом сияла звезда, и сюда стекалось все больше и больше ангелов. Одни садились на соломенную кровлю или опускались на отвесную скалу за строением; другие, раскинув крылья, реяли над ним. И от их лучезарных крыльев весь воздух светился ярким светом.

В тот самый миг, как над нагорным городком зажглась звезда, вся природа пробудилась, и люди, стоявшие на высотах Капитолия, не могли не заметить этого. Они почувствовали, как свежий ласкающий ветерок пронесся в

воздухе, как потоки благоуханий разлились вокруг них. Деревья зашелестели, Тибр зарокотал, засияли звезды, и луна поднялась внезапно на небе и осветила мир. А с облаков вспорхнули два голубя и сели на плечи императору. Когда произошло это чудо, Август поднялся в горделивой радости, друзья же его и рабы бросились на колени. «Ave Caesar!» – воскликнули они. «Твой дух ответил тебе. Ты тот бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия».

И восторженные крики, которые славили императора, были так громки, что дошли, наконец, до слуха старой Сивиллы и отвлекли ее от видений. Она поднялась со своего места на краю скалы и направилась к кучке людей. Казалось, темная туча поднялась из бездны и понеслась на горную вершину. Сивилла была ужасна в своей старости: спутанные волосы висели вокруг ее головы жидкими космами, суставы рук и ног были вздуты, потемневшая кожа покрывала тело неисчислимыми морщинами, как кора покрывает дерево.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она взяла его за локоть, другой указала ему на далекий восток.

– Взгляни! – повелела она, и император поднял глаза и взглянул. Пространство открылось перед его взорами, и они проникли в дальнюю восточную страну. И он увидел убогий хлев под крутым утесом и в открытых дверях несколько коленопреклоненных пастухов. В самом же хлеве увидел он юную мать, стоявшую на коленях перед новорожденным младенцем, который лежал на связке соломы на полу.

И своими большими, узловатыми пальцами Сивилла указала на этого бедного младенца.

– Ave Caesar! – воскликнула она с язвительным смехом. – Вот тот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия!

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной. Но мощный дух предвидения снизошел на Сивиллу. Ее тусклые глаза загорелись, руки простерлись к небу, голос изменился, точно он принадлежал не ей; в нем появилась такая звучность и сила, что его можно было бы слышать по всей вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, прочитала в звездах: – На Капитолии будут поклоняться обновителю мира – будь он Христос или Антихрист – но не рожденным из праха.

Сказав это, она прошла мимо пораженных ужасом людей, медленно спустилась с вершины горы и исчезла.

На следующий день Август строго запретил народу сооружать ему памятник на Капитолии.

Взамен его он воздвиг там святилище в честь новорожденного бога-младенца и назвал его Алтарь Неба – Ara coelli.

Колодец Мудрецов

Стояло лето. По древней Иудее, по завядшим кустам терновника и по желтой от зноя траве ходила Засуха, угрюмая, с ввалившимися глазами.

Солнце бросало прямые лучи на горы, лишённые тени; малейший ветерок поднимал с бело-серой почвы густые облака известковой пыли; стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха ходила и осматривала запасы воды. Она направилась к прудам Соломона и с досадой увидела, что еще множество воды заключают они в своих скалистых берегах. Затем она спустилась к знаменитому колодцу Давида, близ Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда она медленно поплелась по большой проезжей дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим.

Пройдя около половины пути, она увидела Колодец Мудрецов, вырытый у самого края дороги, и тотчас же заметила, что он вот-вот иссякнет. Засуха присела на сруб колодца, состоящий из одного цельного, большого, выдолбленного камня, и заглянула в колодец. Светлое водное зеркало, обыкновенно видневшееся близ самого отверстия, опустилось глубоко вниз, и тина и ил со дна загрязнили и замутили его.

Когда колодец увидел в своем тусклом зеркале отражение загорелого лица Засухи, на дне его послышался жалобный всплеск.

– Желала бы я знать, когда же это тебе придет конец! – сказала Засуха. – Ведь ты уж, конечно, не найдешь теперь под почвой ни одной водной жилки, которая могла бы просочиться и дать тебе новую жизнь. А о дожде, слава Богу, раньше двух-трех месяцев и речи быть не может.

– Можешь быть спокойна, – со вздохом ответил колодец. – Мне ничто не поможет. Разве только что из самого рая забьет вдруг ключ.

– Ну, так я не оставлю тебя, пока все не будет кончено, – сказала Засуха.

Она видела, что старому колодцу осталось недолго жить и хотела насладиться тем, как жизнь будет покидать его капля за каплей.

Она уселась поудобней на сруб и с радостью стала прислушиваться к тому, как колодец вздыхал в глубине. Большое удовольствие испытывала она, видя, как жаждущие странники подходят к колодцу, опускают в него свои ведра до самого дна и вытаскивают их обратно лишь с несколькими каплями смешанной с тиной воды.

Так прошел весь день, и когда спустился сумрак, Засуха снова заглянула в колодец. Внизу еще блестело немножко воды.

– Я здесь останусь на всю ночь, – крикнула она. – Можешь не торопиться! Когда станет так светло, что мне будет можно снова заглянуть в тебя, тогда, наверное, в тебе уже не будет ни капли.

Засуха прикорнула на крыше колодца. На Иудею сошла знойная ночь, еще более жестокая и мучительная, чем день. Собаки и шакалы выли, не переставая, и им вторили из своих душных стойл томимые жаждой ослы и коровы. Поднимавшийся порой ветер не приносил прохлады, а был зноен и душлив, как горячее дыхание огромного спящего чудовища.

Но звезды сверкали волшебным, как никогда, и маленький блестящий серп молодого месяца заливал серые холмы чудным, зеленовато-голубым светом. И в этом сиянии Засуха увидела длинный караван, приближавшийся к холму, где находился Колодец Мудрецов.

Засуха сидела и, глядя на караван, снова наслаждалась мыслью обо всей той жажде, что идет к колодцу и не найдет ни одной капли воды, чтобы утолить себя. В караване было столько верблюдов и их вожатых, что они могли бы вычерпать весь колодец, если бы даже он был совсем полный. Но вдруг ей стало казаться, что в этом караване, путешествующем среди ночи, есть что-то необычайное, таинственное. Все верблюды появились перед ней на вершине холма, отвесно поднимавшегося над горизонтом, точно спустились с неба. Они казались крупней обыкновенных верблюдов и слишком уж легко несли свой громадный груз.

В то же время не могло быть сомнения, что это были настоящие верблюды и живые люди: ведь она видела их совершенно ясно. Она могла даже разглядеть, что трое передних были дромадеры с серой, лоснящейся шерстью.

На них была богатая упряжь, они были покрыты коврами с бахромой, и всадниками их были красивые и знатные вельможи.

Весь караван остановился у колодца; дромадеры с резкими криками опустились на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды остались стоять, к ним подходили остальные и скоро они образовали бесконечную вереницу высоких шей и горбов и причудливо нагроможденных вьюков.

Три всадника, ехавшие на дромадерах, подошли к Засухе и приветствовали ее, приложив руку ко лбу и к сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно белые одеяния и огромные чалмы, в верхнем углу которых была прикреплена звезда, сиявшая таким ярким блеском, точно ее сняли прямо с неба.

– Мы прибыли из дальней страны, – сказал один из чужеземцев, – и просим тебя сказать нам, действительно ли это Колодец Мудрецов.

– Он так еще называется сегодня, – сказала в ответ Засуха, – но завтра здесь не будет больше колодца. Он должен умереть в эту ночь.

– Я это понимаю, так как вижу здесь тебя, – сказал чужеземец. – Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не могут иссякнуть? Иначе, зачем бы ему носить это имя?

– Я знаю, он священен, – сказала Засуха, – но что из этого? Все три мудреца, от которых он получил свое название, давно в раю.

Три путешественника переглянулись.

– Ты, действительно, знаешь историю этого древнего колодца? – спросили они.

– Я знаю историю всех колодцев и источников, всех ручьев и родников – гордо ответила Засуха.

– Так сделай нам удовольствие, расскажи нам о священном Колодце Мудрецов! – попросили чужеземцы. И они сели на землю вокруг Засухи, стародавнего врага всего живущего на земле, и стали слушать.

Засуха откашлялась, выпрямилась, как сказочник, на своем высоком сиденье и приступила к повествованию.

– В Габесе, мидийском городе, лежащем у самой пустыни и поэтому часто служившем мне желанным приютом, жили много-много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. В то же время они были очень бедны – странное, казалось бы, обстоятельство, ибо в Габесе знание было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного, ибо один из них был очень стар, другой поражен проказой, третий же был черный, толстогубый негр. Люди считали первого слишком старым для того, чтоб от него можно было чему-нибудь научиться, второго они избегали из боязни заразы; речам же третьего они не хотели внимать, потому что были уверены, что никогда еще мудрость не являлась из Эфиопии.

Между тем общее несчастье объединило трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних и тех же ворот храма, ночью спали на одной и той же кровле. Таким образом, они имели, по крайней мере, возможность коротать время, рассказывая друг другу обо всем чудесном, что им приходилось видеть в своей жизни.

Однажды ночью, когда они спали рядышком на крыше, густо заросшей красным, душистым маком, самый старый из них проснулся и, едва открыв глаза, принялся будить обоих товарищей.

– Хвала нашей бедности, принуждающей нас спать на открытом воздухе! – сказал он им. – Проснитесь и поднимите взоры к небу!

– Что и говорить, – продолжала Засуха, смягчив немного голос. – Это такая была ночь, что не забыть ее никому, кто только ее видел. Было так светло, что небо, похожее обыкновенно на твердый свод, казалось глубоким, прозрачным и, как море, полным волн. Свет вздымался в нем, приливал и отливал, а звезды, казалось, плавали на различной глубине, одни в самых волнах света, другие на их поверхности.

Но совсем далеко и высоко-высоко пред тремя мудрецами показалось какое-то темное пятно. И это пятно понеслось из глубины неба и стало все более и более приближаться. Приближаясь, оно светлело, но светлело так, как светлеют розы – да повелит им всем Господь Бог увянуть! – когда они распускаются. Пятно делалось все крупнее, темная оболочка его постепенно расходилась, и ярко засветились ее первые четыре лепестка.

Наконец, поравнявшись с самой близкой из звезд, это пятно остановилось. Краешки темной оболочки совсем отогнулись в стороны, и из середины стали развертываться один за другим лепестки дивно-лучезарного, розоватого светила, перед которым побледнели все звезды небосклона.

Когда бедняки увидели это, мудрость их подсказала им, что в этот час родился на земле царь, который превзойдет своим могуществом и славой царя Кира и Александра Македонского. И они сказали друг другу:

– Пойдем к родителям новорожденного и скажем им, что мы видели! Может статься, мы получим от них в награду кошелек с червонцами или золотое запястье.

Мудрецы взяли свои длинные дорожные посохи и отправились в путь. Они прошли через город и вышли в городские ворота, но тут остановились на минуту в нерешимости, ибо перед ними расстилалась великая, сухая, восхитительная пустыня, которой люди так боятся. Но вдруг они увидели, что новая звезда отбросила на песок пустыни узкую полосу света, как бы манящую их за собой, и, исполнившись надежды, они двинулись вперед за звездой-путеводительницей.

Всю ночь шли они по бесконечной песчаной пустыне, беседуя о новорожденном царе, которого, конечно, найдут в золотой колыбели, играющим драгоценными камнями. И часы ночи прошли незаметно в беседах о том, как они предстанут пред царем, отцом новорожденного, и пред царицей, его матерью, и как поведают им, что небо предрекает их сыну силу и могущество, красоту и счастье, какими не обладал царь Соломон...

Они гордились тем, что Бог избрал именно их и им указал звезду. Они говорили себе, что родители новорожденного должны дать им в награду, по меньшей мере, двадцать кошельков с золотом; а, может быть, они дадут им даже столько, что никогда уже больше не придется им знать нужды и лишения.

– Я, как лев, подстерегающий добычу, лежала в пустыне, – рассказывала Засуха, – и собиралась обрушиться на этих путников всеми пытками жажды, но они ускользнули от меня. Звезда вела их всю ночь; утром же, когда небо посветлело и все другие звезды померкли, она настойчиво продолжала гореть и сиять над пустыней, пока не привела путников к оазису, где они нашли родник и деревья со зрелыми плодами. Там они отдыхали весь день и двинулись далее лишь к ночи, когда снова увидели свет звезды, озаряющий собой пески пустыни.

– С точки зрения людей, – продолжала Засуха, – это было чудесное путешествие. Звезда вела их так, что им не приходилось терпеть ни голода, ни жажды. Она вела их мимо колючих кустарников, отводила от глубоких зыбучих песков, охраняла от жгучего солнца и знойных бурь пустыни. Мудрецы постоянно твердили друг другу:

– Бог хранит нас и благославляет наше странствие. Мы его послы.

– Но мало-помалу я все-таки приобрела власть над ними, – продолжала Засуха. – Сердца этих людей, путешествовавших со звездой, превратились в такую же мертвую пустыню, как та, по которой они шли. Они преисполнились бесплодной гордостью и опустошающей алчностью.

– Мы Божьи послы, – повторяли три мудреца, – отец новорожденного царя не излишне щедро наградит нас, если подарит нам целый караван, нагруженный золотом.

Наконец звезда провела их к прославленной реке Иордану и заставила подняться на холмы Иудейской страны. И однажды ночью она остановилась перед городком Вифлеемом, огни которого сверкали среди оливковых деревьев на одном из горных холмов.

Мудрецы стали озираться и искать, где же здесь дворцы, укрепленные башни, каменные стены и все, чему подобает быть в царской столице, но ничего такого не увидели. И что еще хуже: сияние звезды привело их даже не в город, а остановилось на краю дороги, перед какой-то жалкой пещерой. Туда проник через входное отверстие ее кроткий свет и три странника увидели младенца, которого мать баюкала у себя на коленях.

Но хотя мудрецы увидели теперь, что сияние звезды, словно венцом окружало головку младенца, они остались перед входом в пещеру. Они не вошли в нее, чтобы предсказать малютке славу и царскую власть, а повернули назад, ничем не выдав своего присутствия, и спустились вниз с холма.

– Неужели мы шли к нищим, столь же ничтожным и бедным, как мы сами? – говорили они.

– Для того ли вел нас сюда Бог, чтобы себе на посмеяние мы предрекли сыну пастуха величие и славу? Этот ребенок всю свою жизнь будет пасти здесь, в долине, свое овечьё стадо. – Вот какой будет его судьба.

Засуха умолкла и кивнула головой слушателям, как бы в подтверждение своих слов.

– Не права ли я? – как будто хотела она сказать. – Есть вещи безжизненнее песков пустыни, но ничего нет более бесплодного, чем человеческое сердце.

– Мудрецы отошли недалеко, – продолжала Засуха, – когда им пришло в голову, что, может быть, они заблудились, сбились с пути, указанного звездой. Они подняли глаза, чтоб снова найти по звезде истинный путь. Но оказалось, что звезда, за которой они следовали с востока, исчезла с небесного свода.

Трое чужеземцев вздрогнули при этих словах, их лица выражали глубокое страдание.

– Тут случилось, – продолжала рассказчица, – как считают люди, нечто в высшей мере радостное. Когда мудрецы увидели, что на небе нет больше звезды, они тотчас же поняли, что согрешили пред Богом. И с ними сделалось то же, – с содроганием сказала Засуха, – что делается с землей в осеннюю пору, когда начинаются сильные дожди. Они задрожали от ужаса, как земля содрогается от ударов молнии и раскатов грома, сердца их смягчились, смирение пробилось в их сердцах, как пробивается весной зеленая травка.

Три дня и три ночи бродили они по стране, чтобы отыскать младенца, которому должны были поклониться. Но звезда не показывалась им; они все больше и больше сбивались с пути и все сильнее охватывали их величайшая скорбь и отчаяние. На третью ночь они подошли к этому колодцу, чтобы утолить жажду. И тогда Бог сжалился над ними и простил им их грех. Наклонившись над водой, они увидели глубоко внизу отражение звезды, приведшей их с востока.

Тотчас же увидели они ее и на небе, и она снова привела их к Вифлеемской пещере. Там они преклонили колени пред младенцем и сказали:

– Мы приносим тебе золотые чаши, полные ладана и драгоценных благовоний. Ты будешь величайшим из царей, когда-либо правивших на земле от самого ее сотворения и до кончины мира.

Младенец положил свою ручку на их склоненные головы, и, когда они поднялись, оказалось, что он наделил их дарами, какими самый могущественный царь не мог бы их одарить. Ибо старый нищий обратился в цветущего юношу, прокаженный очистился, а негр стал прекрасным белолицым мужчиной. И говорят, что по возвращении они сделались царями, каждый в своей стране.

Засуха кончила свое повествование, и три чужеземца стали хвалить ее.

– Ты хорошо рассказала, – говорили они.

– Но меня удивляет, – сказал один из них, – что эти три мудреца ничего не сделали для колодца, показавшего им звезду. Неужели они совершенно забыли о таком благодеянии?

– Не должен ли этот колодец, – сказал другой чужеземец, – постоянно оставаться на своем месте для напоминания людям о том, что счастье, утраченное на вершинах горы, можно вновь обрести в глубинах смирения?

– Неужели умершие хуже живущих? – сказал третий. – Разве благодарность умирает в сердцах тех, кто обитает в раю?

Когда они сказали это, Засуха с воплем вскочила. Она узнала чужеземцев; она поняла, кто эти путешественники, и, как безумная, бросилась прочь, чтобы не видеть, как три мудреца подозвали своих слуг и подвели к колодцу своих верблюдов, нагруженных мехами, и бедный, умирающий колодец наполнили водой, привезенной ими из рая...

Вифлеемский младенец

В Вифлееме у городских ворот стоял на часах римский воин. На нем были латы и шлем; короткий меч висел у его пояса, а в руке он держал длинное копье. Целый день стоял он почти недвижимо, так что его издали можно было принять за железную статую. Горожане входили в ворота и выходили из них, нищие усаживались в тени под их сводами; продавцы фруктов и вина опускали свои корзины и бочонки на землю возле воина, но он лишь едва поворачивал голову, чтобы взглянуть на них.

– Нечего тут и смотреть, – как будто хотел он сказать. – Какое мне дело до тех, кто работает и торгует, развозя кувшины с маслом и меха с вином! Я хотел бы увидеть войско, строящееся в ряды, чтоб идти на врага! Дайте мне увидеть храбрецов, смело устремляющихся вперед, чтоб взобраться на стены осаждаемого города! Ничто не веселит так моих взоров, как картины войны. Я томлюсь по зрелищу римских орлов, сверкающих в воздухе, по гулу медных труб, по блеску оружия, по кровавым следам победоносной битвы.

Сейчас же за городскими воротами начиналось великолепное поле, все заросшее лилиями. Воин стоял здесь каждый день, и взгляд его был направлен как раз в сторону этого поля, но ему и в голову не приходило хоть раз обратить внимание на необычайную красоту цветов. Порой он замечал, что прохожие останавливаются и любуются лилиями, и тогда он изумлялся тому, что они тратят свое время на такие ничтожные вещи.

– Эти люди, – думал он, – не знают, что действительно прекрасно.

И думая так, он уже не видел зеленеющих полей и холмов с оливковыми рощами, окружающих Вифлеем, а переносился мечтами в раскаленную пустыню знойной Ливии. Он видел легион солдат,двигающийся длинной шеренгой по желтому песку, на котором не остается следов. Нигде ни малейшей тени, чтоб укрыться от солнечных лучей, ни источника, чтоб утолить жажду. Не видно конца пустыне, ничто не говорит о том, что близка цель похода. Он видит, что солдаты, изнуренные жаждой и голодом, едва держатся на ногах. Они падают один за другим, словно сраженные палящим солнечным зноем. Но, несмотря на все это, войско упорно идет вперед, без колебаний, без малейшей мысли о том, чтобы изменить полководцу и повернуть назад.

– Вот что прекрасно! – думал воин. – Вот что достойно внимания храброго мужа.

Стоя на посту каждый день на одном и том же месте, солдат имел превосходную возможность наблюдать за прелестными детьми, игравшими вокруг него. Но с детьми было то же, что и с цветами. Дети не привлекали его сурового взора. – «Чему тут радоваться? – думал он, когда видел, что люди улыбаются, глядя на игры детей. – Странно, какие пустяки могут доставить им удовольствие».

Однажды, когда воин, как обычно, стоял у городских ворот на своем посту, он увидел маленького мальчика, лет трех от роду, прибежавшего поиграть на луг. Это был ребенок из бедной семьи, одетый лишь в овечью шкуру; он играл совсем один. Солдат стоял и, сам почти того не замечая, следил за этим мальчиком. Первое, что бросилось ему в глаза, это то, что малыш так легко бегал по лугу, точно носился по верхушкам травинок. Но, присмотревшись к его играм, воин еще более изумился. «Клянусь своим мечом! – сказал он, наконец, – этот ребенок играет не так, как другие дети! Чем это он занимается?»

Ребенок играл всего в нескольких шагах от воина, так что тот мог легко следить за тем, что делал мальчик. Он увидел, как ребенок протянул ручку, чтоб поймать пчелку, сидевшую в цветке и до того отягощенную цветочной пылью, что она была не в силах улететь. К великому удивлению воина, пчелка далась мальчику в руки, не пытаясь от него ускользнуть и не пуская в ход своего жала. Держа пчелку пальчиками, мальчик побежал к городской стене, в расщелине которой целый рой пчел устроил себе улей, и посадил ее туда. Оказав, таким образом, помощь одной пчелке, он тотчас же поспешил помочь другой. Весь день солдат только и видел, как ребенок ловил пчел и помогал им вернуться в улей.

– Глупее этого мальчика я, право же, никогда не видел, – думал про себя воин. – И как это ему приходит в голову хлопотать о пчелах, которые могут отлично сами о себе позаботиться, да вдобавок, того и гляди, ужалят его? Какой же человек выйдет из этого глупыша, если он вырастет большим?

Малыш приходил изо дня в день и играл на лугу, а воин невольно продолжал удивляться ему и его играм. «Не странно ли это? – думал он. – Вот я целых три года стою на посту у этих ворот, и ничто так не привлекало мое внимание, как этот ребенок».

Но не радостные чувства возбуждал в воине малютка. Наоборот, при виде его ему вспоминалось страшное прорицание древнего иудейского пророка, предсказавшего, что настанет время, когда на земле воцарится мир. Целое тысячелетие люди не будут проливать крови, не будут вести войн, а будут любить друг друга, как братья. Когда воин думал, что столь ужасное предсказание может осуществиться, дрожь пробегала по его телу, и, как бы ища опоры, он крепче сжимал свое копьё.

И чем больше воин наблюдал за ребенком и за его играми, тем чаще думал он о царстве тысячелетнего мира. Конечно, он не боялся, что это царство наступит теперь же, но ему не хотелось думать даже о далеком будущем, которое может отнять у воинов шум и радость битвы.

Однажды, когда мальчик играл среди цветов на зеленом лугу, сильный дождь с шумом хлынул из тучи. Заметив, какие крупные и тяжелые капли падают на нежные лилии, малыш, по-видимому, встревожился за судьбу своих прелестных подруг. Он подбежал к самой крупной и самой прекрасной из них и пригнул к земле жесткий стебель, поддерживавший цветы, так что дождевые капли стали падать на нижнюю сторону венчиков. И сделав так с одним цветком, он тотчас же поспешил к другому и таким же точно образом согнул его стебель, чтоб повернуть цветочные венчики к земле. А затем к третьему и четвертому, пока все цветы на лугу не были защищены от сильного дождя.

Воин смеялся про себя, следя за возней мальчика с цветами. «Боюсь, что лилии не будут ему благодарны за это, – подумал он. – Все стебли, конечно, поломаны. Нельзя так сгибать эти жесткие растения».

Но когда ливень, наконец, прекратился, воин увидел, что малютка бежит от одной лилии к другой и приподнимает их. К неописуемому изумлению солдата, ребенок выпрямлял жесткие стебли без малейшего труда и ни один из них не был сломан или поврежден. Дитя спешило от цветка к цветку, и вскоре все спасенные лилии засияли полным блеском над полем.

Когда воин увидел это, на него напали какой-то странный гнев и смущение, – «Что это за ребенок! – говорил он себе. – Что он за бессмыслицу придумал! Какой же мужчина выйдет из этого глупца, который не может видеть даже гибель какой-то лилии? Что же он будет делать, если его пошлют на войну? Что сделает он, если ему прикажут поджечь дом, переполненный женщинами и детьми, или пустить ко дну корабль, на котором вышел в море целый отряд?»

Снова пришло ему на память древнее пророчество, и он начал опасаться, что близится время, когда оно должно осуществиться. Раз мог появиться на свет такой ребенок, значит, это ужасное время вот-вот наступит. И теперь уже царит по всей земле мир, и, наверное, никогда больше не настанет день битвы. Все люди будут отныне такие же, как этот ребенок. Они не только будут бояться причинить вред друг другу – они не решатся погубить пчелу или цветок. Не будет больше совершаться великих подвигов, не будет славных побед, и ни один блистательный триумфатор не поднимется уже на Капитолий. И в мире не будет ничего, о чем мог бы мечтать храбрец.

И солдат, постоянно грезивший о новых войнах и мечтавший своими подвигами добиться власти и богатства, почувствовал такое раздражение против трехлетнего малютки, что когда тот пробежал мимо, погрозил ему копьём. Несколько дней спустя мальчик уже не пчелам и цветам оказывал помощь, а придумал нечто такое, что казалось солдату еще более ненужным и бессмысленным.

Было ужасно жарко, и солнечные лучи, падая на шлем и на панцирь солдата, до такой степени накалили их, словно на нем была огненная одежда. Прохожим казалось, что он должен страшно страдать от зноя. Глаза его налились кровью и готовы были выскочить из орбит, губы пересохли, но воин, привыкший стойко выдерживать палящий зной африканских пустынь, мужественно переносил страдания, и ему и в голову не приходило оставить свой пост. Напротив, ему было приятно показать прохожим, что он так силен и вынослив и не нуждается в защите от солнца. Когда он так стоял в карауле, чуть не сгорая заживо в этом пекле, мальчик вдруг подошел к нему. Он прекрасно знал, что солдат его недолюбливает, и обыкновенно держался на почтительном расстоянии от его копьё, но теперь

он все-таки приблизился к нему, долго и пристально смотрел на него и затем бросился бегом по дороге. Скоро он вернулся. Обе ручки его были сложены в виде чашечки, в которой он нес несколько капель воды.

– Неужели этому ребенку пришло в голову бежать для меня за водой? – подумал солдат, – Это самая настоящая глупость. Римскому ли легионеру не вынести легкого зноя! Что за надобность этому малышу лезть со своей помощью к тем, кто вовсе в ней не нуждается? Не хочу я его милосердия. Я желал бы, чтобы мир избавился от него и от всех ему подобных».

Мальчик шел очень тихо. Он крепко сжимал свои пальчики, чтоб не расплескать и не пролить ни капли. Подходя к солдату, он не спускал глаз с воды, которую нес, а потому и не видел, что тот стоит, сердито нахмурив лоб и бросая на него недружелюбные взгляды.

Наконец, мальчик остановился перед солдатом и протянул ему пригоршню с водой.

Пока ребенок шел, его тяжелые светлые кудри падали все ниже и ниже на его лоб и глазки. Несколько раз он встряхивал головкой, чтоб волосы не мешали ему взглянуть вверх. Когда, наконец, это удалось ему, и он заметил сердитое выражение на лице воина, он все-таки не испугался, не убежал, а с очаровательной улыбкой стал предлагать солдату освежиться принесенной водой. Но солдат не желал принимать благодеяние от этого ребенка, которого считал своим врагом. Он не глядел на его прелестное личико и продолжал стоять, суровый и неподвижный, делая вид, что не понимает намерений малыша.

Ребенок все так же доверчиво улыбался. Он стал на цыпочки и поднял ручки так высоко, как только мог, чтоб рослому солдату легче было достать воду.

Легионер почувствовал такое унижение при одной мысли, что ему хочет помочь ребенок, что он замахнулся на мальчика копьем, но в это самое мгновение зной и солнечные лучи с такой силой обрушились на воина, что красные круги пошли у него перед глазами, и он почувствовал, что мозг словно расплавился у него в голове. Он ужаснулся, что умрет от солнечного удара, если тотчас же не найдет себе какого-нибудь облегчения.

И, вне себя от страха перед грозившей ему опасностью, он бросил копье на землю, схватил обеими руками дитя, приподнял его и выпил всю влагу из его пригоршни.

Лишь несколько капель попало ему на язык, но больше ему и не было нужно. Как только он отведал воды, сладостная прохлада пробежала по его телу, он не чувствовал больше, что шлем и латы жгут и тяготят его. Лучи солнца утратили свою смертоносную силу. Пересохшие губы его снова сделались мягкими, и красные круги перестали пламенеть перед его глазами.

Едва успев опомниться, он спустил ребенка на землю, и тот снова побежал играть на лугу. Теперь только солдат пришел в себе и подумал:

«Что это за вода, которую мне принес ребенок? Это какой-то чудесный напиток. Мне, право, следовало бы сказать малышу спасибо».

Но так как он ненавидел мальчика, то отогнал от себя эти мысли. «Ведь он еще ребенок, – подумал он. – Он не знает, почему он поступает, так или иначе. Он просто играет в разные игры. Пчелы и лилии разве благодарят его? Не стоит думать об этом малыше. Он даже не сознает, что помог мне».

Он еще больше вознегодовал на ребенка, когда, спустя несколько минут, увидел в воротах начальника римских войск, стоявших в Вифлееме. «Ведь вот, – подумал он, – какой опасности я подвергался из-за дерзкой выдумки этого мальчугана! Если бы Вольтигий пришел одной только секундой раньше, он застал бы меня на посту с ребенком на руках».

А начальник подошел прямо к солдату и спросил, могут ли они здесь поговорить так, что бы никто их не подслушал. Ему нужно сообщить одну важную тайну.

– Отойдем шагов на десять от ворот, – сказал воин, – тогда никто нас не услышит.

– Ты знаешь, – сказал начальник, – что царь Ирод уже много раз пытался найти одного ребенка, живущего здесь, в Вифлееме. Пророки и первосвященники предсказали царю, что этот мальчик унаследует его престол и положит начало тысячелетнему царству святости и мира. Ты понимаешь, что Ироду очень хотелось бы избавиться от этого ребенка.

– Да, понимаю, – с жаром сказал воин, – но ведь ничего не может быть легче.

– Конечно, это было бы легко, – сказал военачальник, – если б только царь знал, к которому из всех младенцев Вифлеема относятся эти предсказания.

Лоб воина прорезали глубокие морщины.

– Жаль, – сказал он, – что прорицатели не могут дать ему точных указаний.

– Но теперь Ирод придумал хитрость, при помощи которой рассчитывает обезопасить себя от малолетнего царя мира, – продолжал военачальник. – Он обещает щедро одарить всякого, кто поможет ему в этом деле.

– Все, что прикажет Вольтигий, будет исполнено без ожидания награды или оплаты, – сказал солдат.

– Благодарю тебя, – ответил начальник. – Слушай же, что задумал царь. Он намеревается ознаменовать день рождения своего младшего сына праздником, на который будут приглашены вместе со своими матерями все вифлеемские мальчики в возрасте от двух до трех лет. И на этом празднике ...

Он оборвал речь и расхохотался, увидев выражение отвращения на лице солдата.

– Друг мой, – продолжал он, – тебе нечего бояться, что Ирод думает сделать нас няньками. Наклонись, и я на ухо доверю тебе его замысел.

Военачальник долго шепотом говорил что-то солдату и, когда кончил, прибавил:

– Мне, конечно, не надо говорить тебе, что ты ни словом не должен обмолвиться, если не хочешь, чтоб все предприятие рухнуло.

– Ты знаешь, Вольтигий, что на меня ты можешь положиться, – сказал солдат.

Когда начальник удалился, и воин снова остался один на своем посту, он стал искать глазами ребенка. Тот по-прежнему играл среди цветов, и солдат невольно поймал себя на мысли, что малютка двигается вокруг них так легко и красиво, как мотылек.

Вдруг воин рассмеялся.

«Этот ребенок теперь недолго будет надоедать мне. Он тоже будет приглашен сегодня вечером к Ироду на праздник».

Воин оставался на карауле весь день, пока не настал вечер и не пришло время запирать городские ворота на ночь.

Тогда он направился узкими и темными улицами к роскошному дворцу, принадлежавшему Ироду в Вифлееме.

Внутри этого громадного дворца был большой мощный двор, окруженный зданиями, вдоль которых тянулись, одна над другой, три открытых галереи. На верхней из них царь и распорядился устроить праздник для вифлеемских детей. Эта галерея по повелению царя превращена была в чудесный сад.

По крыше вились виноградные лозы, с которых свешивались тяжелые спелые гроздья, вдоль стен и колонн стояли маленькие гранатовые и апельсиновые деревья, ветви которых сгибались от тяжести плодов. Полы были усыпаны лепестками роз, образовавшими густой и мягкой ковер, а по балюстрадам, по карнизам крыши, по столам и низким скамьям вились гирлянды ослепительно белых лилий.

Среди этой рощи прятались мраморные бассейны, в прозрачной воде которых играли золотые и серебряные рыбки. По деревьям порхали разноцветные заморские птицы, а в клетке каркал без умолку старый ворон.

К началу праздника дети с матерями стали собираться в галерею. При самом входе во дворец малюток наряжали в белые одежды с пурпурной каймой и на темные кудрявые головки надевали венки из роз. Женщины входили, величественные в своих алых и голубых одеждах, в белых покрывалах, спускавшихся с высоких остроконечных головных уборов, украшенных золотыми монетами и цепочками. Одни несли детей на плече, другие вели их за руку, те же, чьи дети особенно робели и смущались, держали их на руках.

Женщины опустились на пол посреди галереи. Как только они уселись, явились рабы и расставили перед ними низенькие столики с изысканными яствами и напитками, как это принято на царских пиршествах, и все эти счастливые матери начали есть и пить, сохраняя горделивое достоинство, составляющее главную прелесть вифлеемских женщин.

Вдоль самых стен галереи, почти скрытые гирляндами цветов и склоняющимися под тяжестью плодов деревьями, были выстроены в два ряда воины в полном вооружении. Они стояли совершенно неподвижно, как будто им не было никакого дела до того, что происходит вокруг них. Женщины не могли не бросать время от времени удивленных взглядов на это полчище одетых в железо людей.

– К чему они тут? – шептали они друг другу. – Неужели Ирод воображает, что мы не умеем прилично вести себя? Или он думает, что для наблюдения за нами нужно такое множество воинов?

Но другие шептали в ответ, что так и должно быть у царя. Никогда сам Ирод не устраивает торжеств без того, чтобы весь его дворец не был переполнен воинами. Это для оказания гостям почета стоят здесь на карауле тяжело вооруженные легионеры.

В первые минуты праздника малютки были застенчивы и неуверенны; притихнув, они жались к матерям. Но скоро они оживились и потянулись ко всем чудесам, приготовленным для них Иродом.

Сказочную страну создал царь для своих маленьких гостей. Проходя по галерее, они находили улы, и ни одна сердитая пчелка не мешала им забирать оттуда мед. Им попадались деревья, склонявшие к ним свои отягченные плодами ветви. В одном уголке они нашли чародеев, в один миг наполнивших их карманы игрушками, а в другом – укротителя диких зверей, показавшего им двух тигров, таких ручных, что дети могли на них кататься верхом.

Однако в этом раю со всеми его чудесами ничто не привлекало такого внимания детей, как длинный ряд воинов, стоявших неподвижно вдоль стен галереи. Их блестящие шлемы, их строгие, гордые лица, их короткие мечи, вложенные в богато украшенные ножны, приковывали к себе взоры мальчиков.

Играя и шая, малыши не переставали следить за воинами. Они еще держались на почтительном расстоянии от них, но страстно хотели подойти к ним поближе, чтоб посмотреть, живые ли это люди, могут ли они двигаться.

Игры и праздничное веселье делались с каждой минутой все шумней и шумней, но солдаты стояли все так же неподвижно. Малышам казалось невероятным, чтоб люди могли стоять так близко от этих виноградных гроздьев и всех этих лакомств и не протянуть за ними рук.

Но вот один из детей оказался не в силах сдержать свое любопытство. Готовый каждую секунду обратиться в бегство, он приблизился к одной из закованных в латы фигур. Солдат оставался по-прежнему неподвижным. Тогда мальчик подошел к нему еще ближе и, наконец, очутился так близко от него, что мог потрогать его одежду и ремни его сандалий.

И вдруг, как будто это прикосновение ребенка было неслышанным преступлением, все железные статуи сразу ожили. В неописуемом бешенстве накинулись они на детей и стали хватать их. Одни размахивали ими над головой, как метательным оружием, и сбрасывали через перила галереи вниз, где дети находили себе смерть, ударяясь о мраморные плиты. Другие обнажали мечи и пронзали ими сердца малышей, третьи разбивали им головки о стены, а потом швыряли их на объятый ночью двор.

В первую минуту после нападения наступила мертвая тишина. Женщины окаменели от ужаса.

Но в следующий миг эти несчастные поняли, что произошло, и с диким воплем отчаяния бросились на воинов-палачей.

Вверху, на галерее, еще оставалось несколько детей, которых не схватили при первом натиске. Солдаты погнались за ними, а матери бросались на колени перед извергами и голыми руками ловили их обнаженные мечи, чтоб отвести смертельный удар. Некоторые женщины, дети которых были уже бездыханны, бросались на воинов, хватая их за горло и пытались задушить их, чтобы отомстить за своих малюток.

Среди этого дикого смятения, когда отчаянные вопли оглашали дворец и в нем совершалось самое жестокое кровопролитие, солдат, державший обыкновенно караул у городских ворот, стоял совершенно неподвижно у начала лестницы, ведущей вниз с галереи. Он не принимал участия в нападении и в убийствах; он поднимал свой меч только на тех женщин, которые, прижав к себе уцелевших детей, пытались спастись с ними по лестнице – и один его вид, мрачный и непреклонный, вселял в них такой страх, что они предпочитали ринуться вниз через перила или повернуть назад, лишь бы только не подвергать себя опасности пройти мимо этого солдата.

«Вольтигий был прав, назначив меня на этот пост, – думал солдат. – Какой-нибудь молодой, легкомысленный воин покинул бы свое место и вмешался бы в общую свалку. Поддайся я соблазну и уйди отсюда, по меньшей мере дюжина детей ускользнула бы от гибели».

Вдруг его внимание привлекла молодая женщина, которая, прижав к себе своего ребенка, стремительно приближалась к нему.

Ни один из легионеров, мимо которых она бежала, не мог ее остановить, потому что все они боролись с другими женщинами, и таким образом ей удалось добежать до самого конца галереи.

«Одна все-таки чуть было не спаслась! – подумал воин. – Ни она, ни ребенок не ранены. Не стой здесь я...»

Женщина так быстро бежала навстречу солдату, что казалось, будто она летит на крыльях, и он не успел разглядеть ни ее лица, ни ребенка. Он только направил на них свой меч, и с ребенком на руках она устремилась прямо на него. Воин ожидал, что в следующий же миг и она, и ее дитя, насквозь пронзенные, упадут на землю.

Но в эту минуту он вдруг услышал над своей головой злобное жужжание и тотчас же почувствовал сильную боль в глазу. Эта боль была такая острая и мучительная, что совершенно ошеломила его, и меч выпал из его рук.

Он схватился рукой за глаз, поймал пчелу и понял, что это она причинила ему ужасное страдание. Мгновенно нагнулся он и поднял меч, надеясь, что еще сможет остановить беглецов.

Но маленькая пчелка прекрасно сделала свое дело. За несколько коротких мгновений молодая мать успела пробежать мимо солдата и спуститься по лестнице, и, хотя он поспешил за ней изо всех сил, ему не удалось догнать ее. Она исчезла.

На следующее утро тот же воин вместе с несколькими товарищами стоял на карауле у самых городских ворот. Было еще рано, и тяжелые ворота только что отперли. Но, казалось, никто не ожидал, что их откроют в это утро – не видно было даже толп сельских рабочих, выходящих каждое утро из города. Все жители Вифлеема словно оцепенели от ужаса после кровавой бойни предшествующей ночи, и никто не решался выйти из дому.

«Клянусь своим мечом, – сказал солдат, пристально вглядываясь в узкую улицу, которая вела к воротам. – Вольтигий распорядился неразумно. Лучше было бы оставить ворота на запоре и приказать обыскать все дома в городе, пока не был бы найден мальчик, которому удалось ускользнуть живым с праздника. Вольтигий рассчитывает на то, что родители постараются увезти его из города, как только узнают, что ворота отперты, он надеется, что удастся захватить его в самых воротах. Но боюсь, что это неверный расчет. Ведь как легко им будет ребенка спрятать!»

И он старался угадать, попытаются ли родители спрятать ребенка в нагруженной на осла корзине с фруктами или в каком-нибудь громадном кувшине для масла, или провезти в караване среди вьюков.

Обдумывая, как его попытаются перехитрить, воин вдруг увидел мужчину и женщину, торопливо шедших по улице и приближающихся к воротам. Они боязливо озирались по сторонам, будто спасаясь от какой-то опасности. Мужчина нес в руках топор и держал его так крепко, точно решил силой проложить себе путь, если кто-нибудь вздумает остановить его.

Но воин смотрел не столько на мужчину, сколько на женщину. Ему казалось, что она такого же высокого роста, как молодая мать, ускользнувшая от него накануне. Он заметил также, что она перекинула через плечо край своей одежды. «Быть может, она сделала это, – подумал он, – чтобы скрыть, что несет на руках ребенка».

Чем ближе они подходили, тем отчетливей становился виден ребенок, которого женщина несла под одеждой. «Я уверен, что это та, которая спаслась вчера, – думал солдат. – Я не разглядел вчера ее лица, но я узнаю ее высокую фигуру. И вот она идет с ребенком на руках, даже не пытаясь его как следует спрятать. Не смел я надеяться на такой счастливый случай!»

Мужчина и женщина шли все так же торопливо к воротам. Они, очевидно, не ожидали, что их здесь остановят, и вздрогнули от испуга, когда воин заградил им путь своим копьём.

– Почему ты не даешь нам выйти в поле на работу? – спросил мужчина.

– Сейчас пройдешь, – сказал солдат, – я должен только сначала посмотреть, что прячет твоя жена под своей одеждой.

– Что же тут смотреть? – возразил мужчина. – Это только хлеб и вино, которыми мы должны питаться в течение дня.

– Может быть, ты и правду говоришь, – сказал солдат. – Но, если так, почему она отворачивается, почему она по доброй воле не хочет показать мне, что она несет.

– Я не хочу, чтоб ты это видел, – сказал мужчина. И советую тебе нас пропустить.

С этими словами он поднял вверх топор, но женщина тронула его за руку.

– Не заводи ссоры! – взмолилась она. – Я покажу ему, что несу, и уверена, что он не причинит никакого зла тому, что увидит.

И с гордой и доверчивой улыбкой она обернулась к солдату и отвернула край своей одежды.

Солдат тотчас же отпрянул назад и закрыл глаза, словно ослепленный ярким светом. То, что женщина прятала под своей одеждой, засияло перед ним такой ослепительной белизной, что сначала он не мог даже понять, что же это такое.

– Я думал, что ты держишь на руках ребенка, – сказал он.

– Ты видишь, что я несу, – отвечала женщина.

Теперь воин разглядел то, что ярко и ослепительно сияло. Это был лишь огромный букет белых лилий, таких же, какие цвели на поляне. Но блеск этих был гораздо ярче и лучезарнее. Солдат едва мог смотреть на них.

Он сунул руку в цветы, так как не мог отделаться от мысли, что эта женщина должна нести ребенка, но нащупал только прохладные стебли и лепестки лилий.

Он испытал горькое разочарование и гнев. Он охотно арестовал бы и мужчину, и женщину, но понимал, что для этого у него нет никакого повода.

Увидев его смущение, женщина сказала:

– Теперь ты нас пропустишь?

Воин молча отвел копьё, которым заграждал выход, и отошел в сторону. А женщина снова прикрыла цветы своим одеянием, с нежной улыбкой взглянув на то, что держала на руках.

– Я знала, что если ты только увидишь его, то не сможешь причинить нам зла, – сказала она воину.

Затем они поспешили прочь, а воин продолжал смотреть им вслед, пока они не скрылись из виду.

И когда он следил за ними взглядом, он опять почувствовал уверенность, что не букет лилий несла эта женщина на руках, а настоящего, живого ребенка.

Он еще стоял и смотрел вслед прохожим, когда услышал вдруг громкие крики. Это бежал к нему Вольтигий с несколькими солдатами.

– Задержи их! – кричали они. – Запри перед ними ворота! Не давай им уйти!

Подбежав к солдату, они рассказали ему, что напали на след спасенного младенца. Они только что обыскивали его дом, но он снова исчез. Они видели, как его родители бежали с ним из города. Отец – крепко сложенный седобородый мужчина с топором в руках, мать – высокого роста женщина. Она прятала ребенка под своей перекинутой через плечо верхней одеждой.

Когда Вольтигий рассказывал это, к воротам подъехал бедуин на прекрасном коне. Воин, не говоря ни слова, бросился к всаднику. Сильным толчком он сбросил его с коня, в мгновение ока вскочил в седло и помчался по дороге.

Несколько дней спустя воин медленно ехал ужасной каменистой пустыней, расположенной в южной части Иудеи. Он все еще продолжал преследовать трех вифлеемских беглецов и был вне себя от того, что не предвиделось конца этой погоне.

– Можно подумать, что эти люди способны провалиться сквозь землю, – ворчал он про себя, – сколько уже раз за эти дни я был так близко от них, что готовился бросить в ребенка камнем, и, каждый раз они от меня ускользали! Я начинаю думать, что мне никогда не удастся их нагнать.

Он стал уже терять мужество, как человек, которому кажется, что он борется с чем-то, что выше его сил. Он задумывался: может быть сами боги защищали от него этих людей.

«Это напрасный труд. Лучше бы мне вернуться, пока я еще не погиб от голода и жажды в этой необитаемой стране!» – говорил он себе все чаще.

Но его охватывал страх перед тем, что ожидает его по возвращении, если он вернется, не выполнив данного ему поручения. Ведь он уже два раза упустил младенца. Не может быть, чтобы Вольтигий или Ирод простили ему это.

«Пока Ирод знает, что один из вифлеемских младенцев еще жив, его по-прежнему будет мучить страх, – говорил себе воин. – Всего вероятней, что он попытается облегчить свои мучения тем, что прикажет распять меня на кресте».

Был знойный полдень, и воин ужасно страдал, пробираясь верхом по этой лишенной деревьев гористой местности, где дорога извивалась в глубоком ущелье, в которое не долетало ни малейшего ветерка. И конь, и всадник были готовы упасть от изнеможения.

Воин давно уже потерял всякий след беглецов и совсем упал духом.

«Надо мне отказаться от погони, – думал он. – Право же, не стоит их дольше преследовать. Они все равно должны погибнуть в этой ужасной пустыне».

Но вдруг он заметил в одной из скал, возвышавшихся близ дороги, сводчатый вход в пещеру. Он тотчас же повернул коня к этому отверстию.

«Отдохну немного здесь в прохладе, – подумал он. – Может быть, тогда с новыми силами я смогу продолжать погоню».

Когда он хотел войти в пещеру, его поразило нечто удивительное. По обеим сторонам входа росли два прекрасных куста лилий. Они стояли, высокие и стройные, густо усыпанные цветами, испускавшими сладкий запах меда, и множество пчел носилось и жужжало вокруг них.

Это было такое необыкновенное зрелище, что воин неожиданно для самого себя сорвал один из крупных белых цветов и взял его с собой в пещеру.

Пещера была не глубока и не темна, и, как только он вошел под ее свод, он увидел, что там уже находятся трое путников. Это были мужчина, женщина и ребенок, которые лежали на земле, погружившись в глубокий сон.

Сердце воина забило как никогда сильно при этом зрелище. Это были именно те беглецы, которых он так долго преследовал. Он тотчас же узнал их. И вот они лежали и спали, совершенно беззащитные, находясь всецело в его власти.

Быстро выхватил солдат меч из ножен и нагнулся над спящим младенцем.

Осторожно направил он меч в сердечко ребенка, намереваясь покончить с ним одним ударом.

Уже готовясь заколоть его, он остановился на миг, чтобы взглянуть в лицо младенцу. Теперь, когда он был уверен в победе, он захотел доставить себе жестокое наслаждение и посмотреть на свою жертву. Радость его еще усилилась, когда он узнал в ребенке крошечного мальчика, игравшего на его глазах с пчелами и лилиями на лугу у городских ворот.

«Недаром я всегда ненавидел его, – подумал солдат. – Ведь это князь мира, появление которого предвещали пророки».

Снова опустил он меч, и у него мелькнула мысль: «Когда я положу пред Иродом голову этого ребенка, он сделает меня начальником своих телохранителей».

Все более приближая острие меча к спящему младенцу, он ликовал в душе, говоря себе:

«На этот раз никто мне не помещает, никто не вырвет его из моей власти».

Но солдат все еще держал в руке лилию, сорванную им при входе в пещеру, и вдруг из ее венчика вылетела пчела и стала с жужжанием кружиться над его головой.

Воин вздрогнул. Он вспомнил пчел, которых маленький мальчик относил в их родной улей, и ему пришло в голову, что одна из этих пчел помогла мальчику спастись на празднике, устроенном Иродом.

Эта мысль поразила его. Он опустил меч, выпрямился и стоял, прислушиваясь к пчеле.

Ее жужжание наконец прекратилось. Солдат продолжал стоять неподвижно и все сильнее ощущал сладкий аромат, струившийся из лилии, которую он держал в руке.

Этот аромат напомнил ему о цветах, которые мальчик спасал от дождя и о том, что букет лилий скрыл от его взоров ребенка и дал ему спастись через городские ворота.

Он все больше задумывался и отвел в сторону свой меч.

– Пчелы и лилии отблагодарили мальчика за его благодеяния, – шепнул он сам себе.

Он припомнил, что и ему однажды помог этот ребенок, и густая краска залила его лицо.

– Может ли римский легионер забыть об оказанной ему услуге? – прошептал он.

Некоторое время он еще боролся с собой, Он думал об Ироде и о собственном своем желании уничтожить юного владыку мира.

«Мне не следует убивать этого младенца, спасшего мне жизнь», – решил он наконец.

И он нагнулся и положил свой меч возле ребенка для того, чтоб при своем пробуждении беглецы поняли, какой опасности они избежали.

В это время ребенок проснулся. Он лежал и смотрел на солдата своими прекрасными глазами, сиявшими, как звезды.

И воин преклонил перед ним колени.

– Владыка! – произнес он, – Ты всемогущ, Ты могучий победитель. Ты любимец богов. Ты тот, кто может спокойно попирать змей и скорпионов.

Он поцеловал его ножку и тихо вышел из пещеры.

Мальчик же лежал и смотрел ему вслед большими удивленными детскими глазами.

Бегство в Египет

Далеко, далеко, в одной из восточных пустынь, росла много лет тому назад очень старая и невероятно высокая пальма. Все, проходившие через пустыню, невольно останавливались и любовались ею, ибо она была гораздо выше и мощнее всех других пальм, и можно было сказать, что она превосходит своими размерами обелиски и пирамиды. И вот однажды, когда эта высокая пальма стояла в своем уединении и созерцала пустыню, она увидела нечто до того удивительное, что могучая, увенчанная листьями верхушка ее закачалась от изумления. Вдали, по краю пустыни, шли два одиноких путника. Они находились еще на таком расстоянии, откуда верблюды кажутся маленькими, как муравьи, но совершенно несомненно было, что это два человека. Два чуждых пришельца в пустыне – пальма хорошо знала постоянных путников пустыни – мужчина и женщина без проводника, без вьючных животных, без шатра и мехов для воды.

– Наверное, – сказала пальма сама себе, – эти двое пришли сюда, чтоб умереть.

Она быстро осмотрелась кругом.

– Удивляюсь, сказала она, – что львы еще не вышли на охоту за этой добычей. Насколько я вижу, ни один из них даже и не шевельнулся. Не вижу я и разбойников. Но они еще явятся.

«Семь раз должны они умереть, – думала пальма. – Их сожрут львы, змеи умертвят их своими укусами, жажда иссушит их, пески погребут их под собой, их убьют разбойники, спалит солнечный зной, страх уничтожит их».

И она попыталась думать о чем-нибудь другом. Участь этих людей возбудила в ней грусть.

Но на всем пространстве пустыни, расстилавшейся под пальмой, не было ничего, что не было бы ей знакомо уже тысячи лет. Ничто не могло приковать к себе ее внимания. Поневоле ее мысли снова вернулись к двум путникам.

– Клянусь засухой и бурей! – сказала пальма, призывая в свидетели самых опасных врагов жизни. – Женщина что-то несет на руках. Никак эти безумцы захватили с собой еще маленького ребенка!

Пальма, дальноркая, как большинство стариков, не ошиблась. Женщина несла на руках ребенка, который спал, прислонившись к ее плечу.

– Ребенок почти голенький! – сказала пальма. – Я вижу, что мать прикрыла его полкой своей одежды. Она схватила его, в чем он был, с постельки и стремительно бежала с ним.

Теперь я понимаю: эти люди – беглецы. Но все-таки они безумцы, – продолжала пальма. – Если только их не охраняют ангелы, им лучше было бы отдаться на произвол своих врагов, чем отправиться в пустыню.

Могу представить себе, как все это произошло. Отец стоял за работой, ребенок спал в колыбели, мать пошла за водой. Едва успела она отойти на несколько шагов от двери, как увидела приближающихся врагов. Она бросилась назад, схватила ребенка, крикнула мужу, чтобы он следовал за ней, и они побежали. И вот их бегство продолжается уже несколько дней; они, наверное, не отдыхали ни минуты. Да, именно так все это было; но я все-таки скажу, что если их не охраняют ангелы...

Они так испуганы, что пока еще не чувствуют ни усталости и никаких других страданий; но я вижу, как жажда горит в их глазах. Мне ли не знать лица человека, страдающего от жажды!

И когда пальма подумала о жажде, судорожная дрожь пробежала по длинному стволу, и бесчисленные перья ее длинных листьев съезжились, как от огня.

– Если б я была человеком, – сказала она себе, – никогда бы я не отважилась выйти в пустыню. Большая нужна смелость для путешествия по ней, если не имеешь корней, достающих до никогда не иссякающих родников. Здесь даже для пальмы опасно. Даже для такой пальмы, как я.

Если бы я могла дать им совет, я бы уговорила их вернуться. Никакие враги не могут быть так жестоки к ним, как пустыня. Может быть, они думают, что в пустыне легко живется, но я-то знаю, что мне самой порой приходится трудно. Помню, однажды, в моей молодости, ураган нанес на меня целую гору песка. Я едва не задохнулась. Если б я могла умереть, это был бы мой последний час.

Пальма продолжала думать вслух по привычке одиноких стариков.

– Какой-то дивный мелодический шелест слышу я в своих ветвях, – говорила она. – Все перья моих листьев трепещут. Не знаю, что со мной делается при виде этих бедных чужеземцев. Но эта печальная женщина так прекрасна. Она приводит мне на память самое чудесное из всего, пережитого мной.

И под мелодичный шелест своих листьев пальма стала вспоминать, как однажды, много-много лет назад, оазис посетили двое прекрасных путников. Это царица Савская явилась сюда в сопровождении мудрого Соломона. Прекрасная царица возвращалась в свою страну; царь проводил ее часть пути, и теперь они должны были расстаться.

– На память об этой минуте, – сказала тогда царица, – я посажу в землю финиковую косточку. Я хочу, чтоб из нее выросла пальма, которая будет подниматься все выше и жить, пока в Иудейской стране не появится царь еще более великий, чем Соломон. – И, сказав это, она посадила косточку и полила ее своими слезами.

– Почему я вспоминаю об этом как раз сегодня? – подумала пальма. – Неужели эта женщина своей красотой напоминает мне прекраснейшую из цариц, по слову которой я выросла и жила до нынешнего дня? Я слышу, что листья мои шелестят все сильнее и сильнее, и шелест их звучит печально, как погребальная песнь. Они словно предсказывают, что кто-то вскоре должен уйти из жизни. Хорошо, что это относится не ко мне, ведь я не могу умереть.

Пальма решила, что печальный шелест ее листьев предсказывает гибель этих одиноких странников.

Они и сами, вероятно, думали, что близится их последний час. Это видно было по выражению их лиц, когда они проходили мимо одного из верблюжьих скелетов, лежавших около дороги, по взглядам, которым они провожали двух коршунов, пролетавших мимо.

Иначе и быть не могло. Они должны погибнуть.

Путники заметили пальму и оазис и поспешили туда, надеясь найти воду. Но когда они подошли, отчаяние овладело ими, ибо родник совершенно высох. Женщина в изнеможении опустила ребенка на землю и села, плача, на берегу родника. Мужчина бросился на песок возле нее; он лежал и колотил сухую землю кулаками. Пальма слышала, как они говорили между собой о том, что должны погибнуть.

Она узнала также из их слов, что царь Ирод повелел умертвить всех вифлеемских мальчиков в возрасте от двух до трех лет, боясь, что среди них находится царь Иудейский, появление которого предсказали пророки.

– Все сильнее шелестят мои листья, – сказала пальма. – Эти бедные беглецы скоро увидят свой последний час.

Она понимала, что они оба боятся пустыни. Мужчина говорил, что лучше бы им было остаться и вступить с воинами в бой, чем бежать сюда. Он говорил, что тогда они нашли бы себе более легкую смерть.

– Бог придет нам на помощь, – сказала женщина.

– Мы здесь одни среди хищных зверей и змей, – возразил мужчина. – У нас нет пищи и нет воды. Как может Бог помочь?

Он в отчаянии рвал свою одежду и прижимался лицом к земле. Он потерял всякую надежду, как человек, смертельно раненый в сердце.

Женщина сидела, выпрямившись и охватив руками колени. Но взгляды, которые она кидала вглубь пустыни, говорили о безутешном, безграничном отчаянии.

Пальма слышала, как печальный шелест ее листьев становился все сильнее и сильнее. Вероятно, и женщина услышала его, потому что подняла голову. И в этот же миг она невольно протянула руки вверх.

– О, финики, финики! – воскликнула она. Такая страстная надежда почувствовалась в ее голосе, что старая пальма готова была пожалеть, что она ростом не с небольшой куст и что ее финики не так же легко сорвать, как ягоды терновника. Она прекрасно знала, что ее верхушка вся увешана гроздьями фиников, но как достать их людям на такой головокружительной высоте.

Мужчина еще раньше видел, как высоко висели финики. Он даже головы не поднял, а только попросил жену не мечтать о невозможном.

Но ребенок, предоставленный самому себе и игравший поодаль палочками и соломинками, услышал восклицание матери.

Ему, конечно, и в голову не приходило, что его мать не может получить всего, что ей только вздумается пожелать. Как только заговорили о финиках, он начал пристально смотреть на дерево.

Он ломал себе головку над тем, как бы ему достать финики. Лобик его наморщился под светлыми кудрями. Наконец, улыбка мелькнула на его личике. Мальчик придумал способ.

Он подошел к пальме и стал гладить ее своей ручкой, говоря нежным детским голоском:

– Пальма, нагнись! Пальма, нагнись! Но что это такое, что случилось? Листья пальмы зашумели, словно по ним пронесся ураган, и дрожь пробежала по ее длинному стволу. Пальма почувствовала, что ребенок сильнее ее. Она не могла ему противостоять.

И она склонилась своим высоким стволом перед младенцем, как склоняются люди перед царями. Могучей дугой нагнулась она к земле и, наконец, опустилась так низко, что верхушка ее с дрожащими листьями легла на песок пустыни.

Мальчик не выказал ни испуга, ни изумления; с радостным криком подбежал он ближе и стал срывать финики с верхушки старой пальмы.

Он нарвал много фиников, а дерево все еще продолжало лежать на земле, тогда мальчик снова подошел, снова ласково погладил его и нежно сказал:

– Пальма, поднимись! Поднимись, пальма! И громадное дерево тихо и благоговейно выпрямило свой гибкий ствол, и листья его зазвенели, точно арфы.

– Теперь я знаю, кому они играли погребальную песню, – сказала сама себе старая пальма, когда выпрямилась во весь рост. – Не этим людям они ее играли.

Но мужчина и женщина стояли на коленях и возносили хвалу Богу.

– Ты видел наше горе и избавил нас от него. Ты – Господь всемогущий, сгибающий ствол пальмы, как тростник! Кого из наших врагов нам страшиться, когда сила Твоя осеняет нас?

Вскоре после этого проезжал по пустыне караван, и путники увидели, что увенчанная листьями верхушка высокой пальмы высохла.

– Как могло это случиться? – сказал один из путешественников. – Ведь эта пальма не должна была умереть, пока не увидит царя, более великого, чем Соломон.

– Может быть, она и видела его, – ответил другой путник.

В Назарете

Как-то раз, когда Иисусу было всего пять лет, он сидел на крылечке мастерской своего отца в Назарете и из комка мягкой глины, которую дал ему гончар, живший на другой стороне улицы, лепил птиц. Он был очень счастлив: все дети в округе говорили ему, что гончар – человек суровый, что его нельзя тронуть ни нежными взглядами, ни сладкими речами, поэтому он никогда не решался просить у него чего-нибудь. Но вот – Иисус сам не знал, как это случилось. – Он только стоял на ступеньках своего крыльца и внимательно смотрел на работавшего соседа, – и гончар вышел вдруг из своей мастерской и дал ему огромный кусок глины.

На приступочке соседнего дома сидел Иуда, рыжий и безобразный мальчик с лицом в синяках. Его одежда висела ключьями из-за постоянных драк с уличными мальчишками. В эту минуту он сидел совсем спокойно и никого не задира, а так же, как Иисус, работал над кусочком глины. Эту глину он не сам достал: он и на глаза не посмел бы показаться гончару, потому что частенько бросал камнями в его хрупкий товар. Если бы Иуда попросил у гончара глины, тот прогнал бы его от себя палкой. Это Иисус поделился с ним своим запасом.

Дети лепили своих птичек и ставили их перед собой в кружок. Птички имели обычный вид: вместо ног – большой, круглый комочек, коротенькие хвостики, полное отсутствие шейки и едва заметные крылышки.

Но все-таки работа двух друзей очень отличалась. Птицы Иуды были так плохо сделаны, что не могли стоять и беспрестанно опрокидывались, и, как он ни старался, его маленькие, жесткие пальчики не могли сделать их чистенькими и красивыми. По временам он посматривал украдкой на Иисуса, чтобы понять, как ему удается сделать своих птичек такими гладкими и ровными, как дубовые листья в лесах Фавора.

Каждый раз, как Иисус заканчивал еще одну птичку, он чувствовал себя все счастливее и счастливее. Каждая новая птичка казалась ему прекрасней других, и он оглядывал их с гордостью и любовью. Они будут товарищами его игр, его маленькими братьями и сестрами, будут спать в его постельке, проводить с ним время, петь ему песенки, когда мать будет уходить из дома. Никогда уже теперь он не будет чувствовать себя одиноким.

Мимо мальчиков прошел рослый водонос, сгибаясь под тяжелым мехом, и следом за ним проехал верхом на осле торговец зеленью, окруженный пустыми корзинами. Водонос положил руку на светлокудрую головку Иисуса и стал его расспрашивать об его птичках.

И Иисус рассказал ему, что у каждой из них есть свое имя и что они умеют петь.

Все его птички прилетели к нему из чужих стран и рассказывают ему вещи, о которых знают только они да он. И так интересно говорил Иисус, что и водонос, и зеленщик забыли о своих делах и долго слушали его, не двигаясь с места.

Когда они, наконец, собрались уходить, Иисус показал на Иуду.

– Посмотрите, каких хорошеньких птичек сделал Иуда! – сказал он.

Тогда зеленщик придержал своего осла и добродушно спросил Иуду, есть ли у каждой из его птичек свое имя и умеют ли они петь. Но Иуда упрямо молчал, не отрывая глаз от работы, и зеленщик сердито отбросил ногой одну из его птичек и поехал дальше.

Так прошел день. Солнце так низко опустилось, что его лучи проходили теперь сквозь украшенные римским орлом низкие городские ворота в конце улицы. Кроваво-красные лучи заходящего солнца, скользя по узкой улице, окрашивали в яркий пурпур все вокруг. Посуда горшечника, доска, скрипевшая под пилою плотника, и белое покрывало, обрамлявшее лицо Марии – все стало огненно-багровым.

Но всего прекрасней сверкали лучи солнца в двух маленьких лужицах между большими, неровными каменными плитами мостовой.

И вдруг Иисус окунул ручку в ту лужицу, которая была к нему ближе. Ему пришла мысль окрасить своих серых птичек этим ярким солнечным сиянием, придававшим такой красивый цвет воде, стенам домов, всему, что его окружало.

Солнечные лучи радостно дали себя поймать, и, когда Иисус провел рукой по маленьким глиняным птичкам, они покрыли их алмазным блеском.

Иуда, время от времени поглядывал на Иисуса, чтобы посмотреть, много ли еще он сделал птичек и красивее ли они, чем у него. Он вскрикнул от восхищения, когда увидел, как Иисус раскрашивает своих глиняных птиц солнечным светом, играющим в лужицах на мостовой. Иуда тоже окунул руку в светящуюся воду и тоже хотел поймать солнечный луч.

Но луч не дался ему. Он ускользал из его пальцев. И как ни старался Иуда, лучи убегали от него, и ни одной капли краски не мог достать мальчик для своих птичек.

– Постой, Иуда! – сказал Иисус, – я сейчас помогу раскрасить твоих птичек.

– Нет! – сказал Иуда. – Не трогай их! Они хороши и так. – Он встал, закусив губы и нахмурив лоб. И вдруг он стал с яростью топтать своих птичек и одну за другой превратил он их в маленькие комки глины.

Уничтожив всех своих птиц, Иуда подошел к Иисусу, который сидел, лаская своих птичек, сверкавших, как драгоценные камни. С минуту рассматривал их Иуда, потом поднял ногу и раздавил одну из них.

Когда он увидел, что маленькая птичка превратилась в комок глины, его охватила радость, он начал хохотать и снова поднял ногу, чтоб раздавить еще одну.

– Иуда, – воскликнул Иисус, – что ты делаешь? Ты разве не знаешь, что эти птички живые и что они поют?

Но Иуда продолжал хохотать и топтать его птичек. У Иисуса не хватило бы сил удержать его. Он стал искать глазами мать. Она была недалеко, но прежде чем она могла подойти, Иуда успел бы уничтожить всех его птиц. Слезы выступили на глазах Иисуса. Иуда уже растоптал четырех его птичек. Оставалось только три!

Иисусу было горько, что птицы лежали так и не пытались спастись. Он захлопал в ладоши, чтобы спугнуть их, и крикнул:

– Улетайте! Улетайте!

И три оставшиеся птички замахали своими маленькими крылышками и, робко вспорхнув, взлетели на край крыши, где были уже в безопасности.

Когда Иуда увидел, что птички по приказу Иисуса расправили крылья и полетели, он зарыдал. Он рвал на себе волосы, как старые люди, которых ему приходилось видеть в великом горе и сокрушении, и бросился к ногам Иисуса.

Он валялся в пыли пред Иисусом, целовал его ножки и просил, чтоб Иисус растоптал его, как он, Иуда, растоптал его глиняных птичек.

Ибо Иуда любил Иисуса, восхищался им, боготворил и ненавидел его в одно и то же время.

Но Мария, все время следившая за игрой детей, встала, подняла Иуду с земли, посадила к себе на колени и приласкала его.

– Бедный ребенок! – сказала она ему. – Ты не понимаешь, что дерзнул на то, на что не может дерзнуть ни одно из живых существ. Никогда больше не делай этого, если не хочешь стать несчастнейшим из людей! Горе человеку, который хотел бы сравняться с тем, кому солнечный свет служит красками и кто может в мертвую глину вдохнуть дыхание жизни.

В Храме

Одна бедная семья – муж, жена и их маленький сын – осматривала однажды великий Иерусалимский храм. Ребенок был необыкновенно красив. Его волосы вились мягкими кудрями, а глаза сияли, как звезды.

Мальчика не брали в храм, пока он не подрос настолько, чтоб понимать окружающее. Теперь же родители водили его по храму и показывали ему все его чудеса. Там были длинные ряды колонн и золотые алтари, святые люди сидели здесь в окружении своих учеников. Можно было видеть здесь и первосвященника с нагрудником из драгоценных камней. Восхищение вызывали занавес из Вавилона, весь затканый золотыми розами и огромные медные врата, которые тридцать человек с трудом могли отворить и затворить.

Но мальчика, которому было только двенадцать лет, не особенно занимала вся эта роскошь. Мать объясняла ему, что все, что они с отцом ему показывают, это самые великие достопримечательности в мире. Она говорила, что нескоро придется ему увидеть что-нибудь подобное. В бедном Назарете, где они жили, кроме пыльных улиц, не на что было смотреть.

Ее убеждения мало, однако, помогали. Казалось, мальчик охотно убежал бы из великолепного храма, если бы мог вернуться на узкие улицы Назарета и отдаться там своим играм.

Но вот что было удивительно: чем более равнодушным выглядел сын, тем довольнее и веселее становились его родители. Они радостно кивали друг другу за его спиной, и на лицах их была написана радость.

Наконец, мальчик так устал, что мать сжалась над ним.

– Мы слишком долго ходили с тобой, – сказала она. – Отдохни немного!

Она села у одной из колонн и сказала ему, чтобы он лег на пол и положил голову к ней на колени. Он прилег и тотчас же задремал.

Увидев, что ребенок спит, жена сказала мужу:

– Никогда я ничего так не боялась, как той минуты, когда он войдет сюда, в Иерусалимский храм. Я думала, что, увидев Дом Господень, он пожелает остаться здесь навсегда.

– Я тоже боялся этого путешествия, – сказал муж. – При его рождении было много чудесных знамений, указывавших на то, что ему суждено сделаться могучим владыкой. Но что принес бы ему царский сан, кроме опасностей и забот? Я всегда говорил, что и для него, и для нас будет лучше всего, если он останется простым плотником в Назарете.

– С тех пор, как ему пошел пятый год, – задумчиво сказала мать, – с ним не случалось никаких чудес. И сам он ничего не помнит из того, что происходило с ним в его младенчестве. Теперь он совсем такой же ребенок, как и другие дети. Да будет на все воля Божия, но я почти начала надеяться, что Господь по своей милости изберет кого-нибудь другого для великих судеб и оставит мне моего сына.

– Что касается меня, – сказал муж, – я уверен, что если он ничего не узнает о знамениях и чудесах, происходивших в первые годы его жизни, то все пойдет хорошо.

– Я никогда не заговариваю с ним об этих чудесных вещах, – сказала жена. – Но я все время боюсь, что может случиться что-то такое, что заставит его понять, кто он. Больше всего боялась я вести его в этот храм.

– Ты можешь радоваться теперь, что опасность миновала, – сказал муж. – Скоро мы все опять будем в Назарете.

– Я боялась мудрецов в храме, – сказала женщина, – боялась пророков, сидящих здесь на своих циновках. Я думала, что, когда он предстанет пред ними, они встанут и преклонятся пред ним и будут приветствовать его как царя Иудейского. Странно, что они не замечают его дивной красоты. Никто из них никогда не видел такого ребенка.

Она помолчала, глядя на сына.

– Одного я не понимаю, – снова заговорила она. – Я думала, что когда он увидит этих судей, восседающих в святом доме и разбирающих распри людские, этих учителей, беседующих со своими учениками, и этих священников, служащих Господу, он очнется и воскликнет: – «Я рожден, чтобы жить здесь, среди этих судей, этих учителей, этих священнослужителей».

– Что же это за счастье для него – сидеть под этими колоннами? – возразил муж. – Уж гораздо лучше бродить по холмам и горам вокруг Назарета.

Мать тихо вздохнула.

– Он так счастлив дома, – сказала она. – Как он бывает доволен, когда сопровождает стада овец на далекие пастбища или бродит в поле и смотрит на труды поселян! Не могу я поверить, что мы нехорошо поступаем, стараясь удержать его около себя!

– Мы только избавляем его от величайших страданий, – сказал муж.

Они продолжали тихо беседовать, пока мальчик не проснулся.

– Ну что же, – сказала мать, – ты отдохнул? Теперь вставай, день склоняется к вечеру, и мы должны успеть вернуться к своим шатрам.

Они в это время находились в самой отдаленной от входа части здания.

Немного спустя им пришлось проходить через древнюю пещеру, сохранившуюся со времени первой постройки храма. Здесь, прислоненная к стене, стояла старинная медная труба, такая громадная и тяжелая, что никто не мог поднять ее и затрубить. Она стояла там, изогнутая, ржавая, покрытая, как снаружи, так и внутри, пылью и паутиной, сквозь которые едва была видна сеть древних письмен. Наверное, целое тысячелетие никто уж не пытался извлечь из нее звук.

Когда мальчик увидел громадную трубу, он остановился в изумлении.

– Что это такое? – спросил он.

– Эта большая труба зовется Голосом Властителя Мира, – ответила ему мать. – Ею сзывал Моисей детей Израиля, когда они рассеялись по пустыне. После него никто не мог исторгнуть из нее ни единого звука. Но кто сумеет это сделать, тот соберет под свое владычество все народы земли.

Рассказывая, мать улыбалась, так как думала, что это всего лишь старинная сказка, но мальчик стоял, как очарованный, возле большой трубы, пока мать не позвала его. Изо всего, что он видел до сих пор в храме, только эта труба произвела на него впечатление. Он хотел бы подольше побыть здесь, чтобы хорошенько рассмотреть ее.

Пройдя еще немного, они вышли на большой, широкий двор. Здесь, в толще холма, на котором стоял храм, была широкая, бездонная расщелина, образовавшаяся с незапамятных времен. Эту расщелину и царь Соломон, когда он строил храм, не пожелал засыпать. Он не перекинул через нее моста, не возвел ограждения вокруг нее. Вместо этого он протянул над расщелиной остро отточенный стальной клинок в несколько локтей длины, лезвием вверх. Проходили века за веками, совершались разные события, а клинок все еще висел над кручей. Теперь он совсем почти проржавел, его концы едва держались на противоположных сторонах расщелины, он дрожал и качался, когда кто-нибудь тяжелой поступью проходил через двор храма.

Когда мать с сыном обходили эту расщелину, мальчик спросил ее:

– Что это за мост?

– Он положен здесь царем Соломоном, – ответила мать, – и зовется Райским Мостом. Если кто-нибудь перейдет через расщелину по этому дрожащему клинку, острие которого тоньше солнечного луча, тот может быть уверен, что попадет в рай.

И она улыбнулась и поспешила дальше, но отрок остановился и продолжал рассматривать тонкий дрожащий стальной клинок, пока мать не позвала его.

Тогда он со вздохом повиновался ей, сожалея о том, что она не показала ему раньше этих чудесных вещей, чтобы он мог рассмотреть их как следует.

Они пошли дальше, не останавливаясь, и скоро достигли большого входного портика с колоннами, стоявшими по пять в ряд. Здесь, в углу, стояли две колонны черного мрамора, воздвигнутые на одном и том же пьедестале так близко одна к другой, что между ними едва можно было просунуть соломинку. Колонны были высокие и величественные, их капители были богато украшены изображениями голов невиданных животных. Но сверху до низу эти прекрасные колонны были покрыты царапинами и рубцами, время беспощадно повредило и испортило их. Даже каменные плиты пола вокруг них были совершенно стертые и на них были видны углубления – следы множества ног, прошедших здесь.

Мальчик снова остановил мать и спросил ее:

– Что это за колонны?

– Эти колонны наш праотец Авраам привез в Палестину из далекой Халдеи и назвал их Вратами Праведности. Между ними может пройти лишь тот, кто праведен перед Богом и никогда не совершал греха.

Ребенок остановился и стал смотреть на колонны широко раскрытыми глазами.

– Уж не хочешь ли ты попытаться пройти через эти врата? – сказала мать и засмеялась. – Ты видишь, как стерт здесь пол множеством людей, пытавшихся проникнуть в эту узкую щель; но поверь мне, это еще никому не удалось. Идем скорей! Я слышу гул медных ворот. Тридцать служителей храма закрывают их, упираясь плечами в тяжелые створы.

Всю ночь мальчик пролежал без сна в своем шатре. Перед его глазами стояли Врата Праведности, Райский Мост и Голос Властителя Мира. Никогда не приходилось ему раньше слышать о таких чудесных вещах. Они не выходили у него из головы.

На следующее утро он тоже не мог думать ни о чем другом. В это утро они собирались домой. У родителей было много дел. Они разбирали, укладывали вещи и должны были погрузить их на большого верблюда. Они должны были ехать вместе с многочисленными родственниками и соседями, и из-за того, что столько народа сразу отправлялось в путь, сборы, конечно, шли очень медленно.

Мальчик не помогал родителям, он сидел в стороне от общей возни и суеты и думал о трех чудесных вещах.

Вдруг ему пришло в голову, что он успеет еще сходить в храм и еще раз взглянуть на них. Сборы в дорогу еще не были окончены. Он успеет вернуться до отъезда.

Он побежал, не сказав никому о том, что он задумал. Ему казалось, что говорить об этом не нужно. Ведь он скоро вернется обратно!

Вскоре он уже достиг храма и вошел в портик, где стояли черные колонны-близнецы.

Как только он их увидел, глаза его засияли от радости. Он опустился возле них на пол и стал пристально смотреть на них.

Он думал о том, что пройти между этими двумя колоннами мог только тот, кто праведен перед Богом и никогда не совершал греха. И ему казалось, что никогда он не видел ничего столь чудесного.

Он думал, какое счастье было бы пройти между этими колоннами, но они стояли так близко одна к другой, что напрасно было и пытаться. Так он добрый час сидел неподвижно перед ними, но не заметил этого. Ему казалось, что он пробыл здесь всего лишь несколько коротких мгновений.

Но случилось так, что в великолепном портике, где сидел мальчик, собрались судьи Верховного совета, чтобы разобрать несколько тяжб. Весь портик был полон людей. Одни жаловались на то, что у них передвинули в поле межевые камни, другие на то, что у них из стада увели овец и поместили новым тавро, третьи жаловались на должников, которые не хотели платить долгов.

В числе других был богатый человек в длинной пурпурной одежде; он привлекал к суду бедную вдову, которая будто бы была должна ему несколько сиклей серебра. Бедная вдова плакала и говорила, что богач несправедливо обвиняет ее. Она уже заплатила ему однажды свой долг; теперь он хочет заставить ее уплатить его вторично, но она не в состоянии этого сделать. Она так бедна, что если судьи приговорят ее к уплате этих денег, то ей придется отдать в рабыни богачу свою дочь.

Главный судья обратился к богачу и спросил его:

– Решишься ли ты поклясться в том, что эта бедная женщина не уплатила тебе своего долга?

Богач с улыбкой ответил:

– Господин, я богатый человек. Зачем бы я стал утруждать себя и требовать денег у этой бедной вдовы, если бы я не имел права на это? Клянусь тебе, эта женщина не вернула мне долга. Это так же несомненно, как то, что никто никогда не пройдет Вратами Праведности.

Когда судьи услышали эту клятву, они поверили словам богача и решили, что бедная вдова должна в уплату долга отдать ему в рабыни свою дочь.

Мальчик сидел совсем близко и слышал все. Он думал про себя: «Как хорошо бы было, если бы кто-нибудь мог пройти через Врата Праведности. Этот богач наверное сказал неправду. Как мне жаль эту старую женщину, которой придется отдать в рабыни свою дочь!»

Он вскочил на пьедестал, на котором стояли колонны, и заглянул в просвет между ними.

– Ах, если б это было возможно! – подумал он.

Он так сокрушался о несчастной женщине. Он уже не думал о том, что тот, кто пройдет в эти ворота, – праведен и безгрешен. Только ради бедной женщины хотелось ему пройти в них.

Он просунул плечо в углубление между колоннами, словно желая проложить себе дорогу.

В тот же миг все люди, стоявшие под портиком, обернулись и взглянули на Врата Праведности. Ибо под его сводом раздался грохот, старые колонны загудели и раздвинулись в разные стороны и образовали такой большой промежуток, что гибкое тело мальчика легко проскользнуло между ними.

Всех охватило величайшее изумление и смятение. В первую минуту никто не знал, что делать. Люди стояли и в оцепенении смотрели на мальчика, совершившего такое великое чудо. Первым опомнился старейший из судей. Он приказал схватить богатого купца и привести его на суд. Он постановил, чтобы все имущество богача было отдано бедной вдове за ложную клятву в Божием храме.

Покончив с этим, судья спросил, где мальчик, прошедший через Врата Праведности; но когда его стали искать, его уже не было. В тот самый миг, как колонны снова сдвинулись, он точно очнулся от сна и вспомнил о родителях и об отъезде на родину. «Теперь мне надо скорей вернуться, – подумал он, – чтобы родителям не пришлось меня ждать».

Он совсем не знал, что целый час просидел у Врат Праведности. Ему казалось, что пробыл он здесь лишь несколько минут, и поэтому он решил, что еще успеет взглянуть на Райский Мост, прежде чем покинуть храм.

Торопливо проскользнул он через толпу народа и дошел до Райского Моста, находившегося в совершенно другой части громадного храма.

Когда он увидел острый стальной клинок, висящий над расщелиной, и вспомнил, что тот, кому удалось бы перейти по этому мосту, будет в раю, он подумал, что никогда не видел ничего более удивительного. И он сел на краю ущелья, чтобы лучше рассмотреть Райский мост.

Он сидел и думал, какое бы это было блаженство – попасть в рай и как бы хотел он суметь перейти через этот мост. Но он хорошо понимал, что нечего было даже пытаться это сделать.

Так, в мечтах и размышлениях, просидел он целых два часа, не замечая, как летит время.

На тот самом дворе, где находилась глубокая расщелина, был воздвигнут высокий жертвенник. Вокруг него ходили священнослужители в белых облачениях, поддерживая огонь на алтаре и принимая жертвенные дары. На дворе было много приносивших жертвы и еще больше присутствующих при служении Богу.

Был здесь и старый, бедный старик с ягненком, совсем крошечным и тощим, у которого, кроме того, была большая рана от укуса собаки.

Он подошел с этим ягненком к священнослужителям и стал просить у них разрешения принести его в жертву, но они ответили ему отказом. Они сказали, что не могут позволить предложить Господу такой ничтожный дар. Старик, заклиная их Божьим милосердием, просил принять ягненка, так как сын его лежит при смерти, а у него нет ничего другого, что он мог бы принести в жертву Богу ради его выздоровления.

– Вы должны мне позволить принести эту жертву, – говорил он, – иначе молитва моя не дойдет до Господа, и сын мой умрет.

– Поверь, мне очень жаль тебя, – сказал священник, – но закон воспрещает приносить в жертву раненых животных. Исполнить твою просьбу столь же невозможно, как перейти через Райский Мост.

Мальчик сидел так близко, что слышал все это. Он подумал: «Какая жалость, что никто не может перейти через мост. Быть может, сын этого бедного человека остался бы жив, если бы ягненок был принесен в жертву».

Старик в глубоком горе пошел к выходу из храма, но мальчик встал, подошел к дрожащему мосту и ступил на него ногой.

Не для того захотел он перейти через мост, чтобы обрести уверенность, что попадет в рай. Все мысли его были о бедном человеке, которому он хотел помочь.

Но он отдернул ногу, подумав: «Это невозможно. Клинок слишком старый и ржавый, он не выдержит меня».

Но мысли его снова перенесли к бедняку, сын которого лежал при смерти. Снова ступил он ногой на лезвие меча.

Мальчик вдруг заметил, что клинок перестал дрожать и, казалось, сделался под его ногой шире и надежнее.

А когда мальчик подвинулся еще на один шаг, он почувствовал, что воздух, его окружающий, поддерживает его и не дает ему упасть. Он нес мальчика, как если бы он был птицей и имел крылья.

Когда мальчик ступил на мост, из тонкого лезвия вырвался трепетный и сладостный звук. Услышав этот звук, один из стоявших во дворе обернулся. Он громко вскрикнул, и тогда обернулись все другие и увидели отрока, идущего по стальному клинку.

Великое смятение и изумление охватило всех присутствующих. Первыми опомнились священники. Они тотчас же послали за бедным человеком и, когда тот вернулся, сказали ему:

– Бог совершил чудо, чтобы показать нам, что ему угодно принять твой дар. Дай сюда твоего ягненка, мы принесем его в жертву!

После этого они спросили о мальчике, перешедшем через расщелину.

Но когда его стали искать, то не могли нигде найти.

Как только мальчик перешел через расщелину, он вспомнил об отъезде на родину и о своих родителях. Он не знал, что утро давно прошло и наступил день. Он думал: «Мне надо спешить обратно, чтоб им не пришлось меня ждать. Я только побегу еще раз взглянуть на Голос Властителя Мира».

И он проскользнул в толпе народа и легкой поступью поспешил в сумрачную галерею, где стояла прислоненная к стене медная труба.

Когда он увидел ее и подумал, что тот, кто сумеет извлечь из нее звук, соберет под своей властью все народы земли, – он забыл обо всем, опустился на каменный пол возле трубы и стал на нее смотреть.

Он думал о том, каким величием и могуществом обладал бы тот, кто подчинил бы себе всех людей на земле, и все существо его было охвачено одним желанием – затрубить в чудесную трубу. Но он был убежден, что это невозможно, и поэтому не смел и пытаться.

Так просидел он несколько часов, не замечая, как летит время. Он только думал о том, что должен был бы чувствовать человек, собравший под своей властью все народы земли.

В этой прохладной галерее сидел святой старец, окруженный учениками. Он обратился к одному из юношей, сидевших у его ног, и сказал ему, что он обманщик. Мудрость открыла ему, сказал старец, что этот юноша чужеземец, а не израильтянин. И святой спросил юношу, зачем он под чужим именем проник в число его учеников.

Тогда юноша-чужеземец встал и ответил, что он прошел пустыни и переплыл безбрежные моря, чтобы услышать истинную мудрость – учение о едином Боге.

– Моя душа изнывала от жажды познать истину, – сказал он святому. – Но я знал, что ты не захочешь учить меня, если я скажу тебе, что я не израильтянин. Чтобы утолить свою жажду, я солгал тебе. И я прошу тебя, позволь мне остаться.

Но учитель поднялся с места и воздел руки к небу.

– Ты не можешь остаться у меня, как не сможет никто протрубить в эту трубу, которую мы называем Голосом Властителя Мира. Ты не смел даже войти в эту часть храма, потому что ты язычник. Уходи отсюда, иначе другие мои ученики бросятся на тебя и растерзают тебя, так как твое присутствие оскверняет храм.

Но юноша не двигался и сказал:

– Я не пойду туда, где душа моя не найдет себе пищи. Лучше я умру у твоих ног.

Едва произнес он эти слова, как ученики святого вскочили, чтобы прогнать его прочь. И когда он стал защищаться, они повалили его наземь и хотели убить.

Мальчик сидел совсем близко, так что слышал и видел все. Он подумал: «Как жестоки эти люди. Если бы я только мог затрубить в эту чудесную трубу и спасти юношу!»

Он встал и положил руку на трубу. Не потому хотел он в эту минуту поднять ее к своим губам, чтобы стать великим властелином. Он лишь надеялся помочь человеку, жизни которого угрожала опасность.

И своими тонкими слабыми руками он обхватил медную трубу, пытаясь ее приподнять.

И вдруг он почувствовал, что громадная труба сама собою поднимается к его губам. И как только ондохнул в нее, мощный звук вырвался из нее и прогремел по всему обширному пространству храма.

Тогда все оглянулись и увидели, что это маленький мальчик держит в руках огромную трубу и извлекает из нее звуки, от которых дрожат своды и колонны.

И тотчас же опустили руки у всех тех, кто хотел побить юношу-чужеземца, а святой учитель сказал ему:

– Пойди садись здесь, у моих ног, где ты сидел и раньше! Бог совершил чудо, чтобы показать мне, что ему угодно, чтобы ты познал его учение.

К вечеру того же дня муж с женой поспешно возвращались в Иерусалим. Испуганные и встревоженные, они кричали каждому встречному.

– Мы потеряли нашего сына. Мы думали, что он ушел с нашими родственниками или соседями, но никто из них не видел его. Кто-нибудь из вас не заметил ли по дороге заблудившегося мальчика?

Те, что шли из Иерусалима, отвечали им:

– Вашего сына мы не видели. Но в Храме мы видели дивно прекрасного мальчика. Он похож на ангела Божия и прошел сквозь врата Праведности.

Они охотно рассказали бы все подробно, но у родителей не было времени их слушать.

Пройдя еще немного, они встретили других прохожих и у них тоже спросили о своем сыне.

Но люди, шедшие из Иерусалима, говорили только о мальчике необыкновенной красоты, словно сошедшем с небес на землю, который перешел через Райский Мост.

Эти люди охотно постояли бы еще и еще и еще раз рассказали бы о чудесном происшествии, но мужчине с женщиной некогда было их слушать: они торопились в город.

Они обошли улицу за улицей в поисках своего сына. Наконец они подошли к Храму.

Когда они проходили мимо Храма, женщина сказала:

– Раз уж мы здесь, зайдем и посмотрим, что это за мальчик, о котором все говорят.

Они вошли и спросили, где им увидеть чудесного мальчика.

– Ступайте туда, где сидят святые наставники со своими учениками! Там и мальчик. Старцы усадили его возле себя, они расспрашивают его, и он задает им вопросы, и все они дивятся ему. И весь народ стоит во дворе Храма, чтобы хоть одним глазом взглянуть на того, кто поднес к своим устам Голос Властителя Мира.

Мужчина и женщина пробрались сквозь толпу и увидели, что мальчик, сидевший среди мудрых учителей, был их сын.

Как только женщина узнала в нем свое дитя, она горько заплакала.

Мальчик, сидевший среди мудрых мужей, услышал плач и узнал голос своей матери. Он встал и пошел к ней. Отец и мать взяли мальчика и вместе с ним удалились из Храма.

Но мать все время продолжала плакать, и сын спросил ее:

– О чем ты плачешь? Ведь я пошел к тебе, как только услышал твой голос.

– Как же мне не плакать? – отвечала мать. – Я думала, что потеряла тебя.

Они вышли из города, уже наступила ночь, а мать все продолжала плакать.

– О чем ты теперь плачешь? – спросил мальчик. – Я ведь не знал, что день уже прошел. Я думал, что еще утро. А как только я услышал твой голос, я пришел к тебе.

– Как же мне не плакать? – возразила мать. – Я искала тебя весь день. Я думала, что навсегда потеряла тебя.

Они шли всю ночь.

Когда стало рассветать, мальчик, увидев лицо матери в слезах, сказал:

– Ты все еще плачешь? О чем? Я сделал это не ради своей славы, Бог помог мне совершить эти чудеса, потому что он хотел помочь этим трем несчастным. А как только я услышал твой голос, я вернулся к тебе.

– Сын мой, – ответила мать, – я плачу, потому что навеки теряю тебя. Никогда больше ты не будешь принадлежать мне. Отныне стремлением твоей жизни будет праведность, ты будешь мечтать о рае, и любовь твоя обратится на всех несчастных людей, населяющих землю.

Плат Святой Вероники

В один из последних годов царствования императора Тиберия какой-то бедный виноградарь с женой поселился в одинокой хижине на высотах Сабинских гор. Они были чужеземцы и жили очень уединенно; никто никогда не посещал их. Но однажды утром, отворив дверь, виноградарь увидел, к своему изумлению, что на пороге сидит, прижавшись к стене, старая женщина. Она куталась в простой серый плащ, и, судя по ее виду, была очень бедна. Однако когда женщина поднялась и сделала шаг навстречу виноградарю, она показалась ему настолько почтенной и благородной, что невольно вспомнились ему сказания о богинях, которые являлись людям в образе старых женщин.

– Друг мой, – сказала старуха виноградарю, – не удивляйся тому, что я спала эту ночь на твоём пороге. Мои родители жили в этой хижине, и здесь родилась я почти девяносто лет назад. Я думала, что найду ее необитаемой и брошенной. Я не знала, что в ней снова поселились люди.

– Не удивительно, что ты думала найти эту хижину, стоящую так высоко среди пустынных гор, необитаемой и брошенной, – сказал виноградарь. – Но я и жена моя родом из дальней страны, и, бедные чужеземцы, мы не смогли найти себе лучшего жилища. Ты же, наверное, голодна и утомлена после долгого пути, особенно трудного в твои преклонные годы. И тебе, верно, приятней, что в этой хижине живут люди, а не волки с Сабинских гор. У нас ты найдешь постель, на которой можешь отдохнуть, и чашку козьего молока с куском хлеба, если не побрезгаешь ими.

Старая женщина слегка улыбнулась, но эта улыбка была так мимолетна, что не могла рассеять выражения тяжелой скорби, лежавшего на ее лице.

– Я всю свою юность прожила в этих горах, – сказала она. – Я еще не забыла, как выгнать волка из его логова.

И она, действительно, выглядела еще крепкой и сильной, и виноградарь не сомневался, что у нее еще достаточно силы для борьбы с дикими лесными зверями.

Он повторил, однако, свое приглашение, и старая женщина вошла в хижину. Она села завтракать вместе с бедными людьми и без колебания приняла участие в трапезе. Она казалась очень довольной едой – грубым хлебом, размоченным в молоке, но муж и жена все-таки думали про себя: «Откуда могла забрести эта странница? Ей, наверное, чаще приходилось есть фазанов на серебряных блюдах, чем пить козье молоко из глиняных кружек».

По временам женщина поднимала глаза и осматривалась вокруг, как бы стараясь вспомнить, какой хижина была прежде.

Убогое обиталище с его голыми глинобитными стенами и земляным полом, конечно, мало изменилось с тех пор. Старая женщина даже показала теперешним хозяевам сохранившиеся еще на стене следы изображений собак и оленей, которые рисовал ее отец, чтобы позабавить своих маленьких детей. А под самым потолком, на полке, нашла даже черепки глиняного кувшина, в котором она обыкновенно держала молоко.

Но муж с женой думали про себя: «Возможно, она родилась в этой лачуге; но уж затем, наверное, ей приходилось заниматься гораздо более важными делами, чем доить коз, сбивать молоко и готовить сыр».

Они заметили также, что она часто уносилась мыслями куда-то далеко, а потом тяжело и сокрушенно вздыхала.

Наконец она встала из-за стола, ласково поблагодарила супругов за оказанное ей гостеприимство и пошла к двери.

Но ее бедность и одиночество так тронули виноградаря, что он воскликнул:

– Если я не ошибаюсь, ты вовсе не собиралась так скоро покинуть эту хижину, когда шла сюда ночью по горам. Если, действительно, ты так бедна, как кажется, то, вероятно, ты надеялась провести здесь все оставшиеся годы жизни... Но теперь ты хочешь уйти, потому что мы с женой поселились здесь.

Старая женщина не стала отрицать, что он угадал верно.

– Но эта хижина, стоявшая столько лет брошенной, принадлежит теперь тебе не меньше, чем мне, – сказала она.

– Я не имею никакого права прогонять тебя отсюда.

– Но ведь это хижина твоих родителей, – сказал виноградарь, – и у тебя, конечно, больше прав на нее, чем у нас. Кроме того, мы молоды, а ты стара. Поэтому ты здесь останешься, а мы уйдем.

Услышав эти слова, старая женщина очень удивилась. Стоя уже на пороге, она обернулась и пристально посмотрела на виноградаря, как будто стараясь правильно его понять.

Но тут вмешалась в разговор молодая женщина.

– Если бы мне было позволено дать свой совет, – сказала она мужу, – то я попросила бы тебя спросить эту старую женщину, не согласится ли она смотреть на нас, как на своих детей, и не позволит ли она нам остаться с ней и заботиться о ней. Что пользы ей в том, если мы уступим ей эту жалкую хижину, а затем покинем ее? Ведь так ужасно жить одной в этой глуши. И чем она сможет здесь питаться? Ведь это все равно, что обречь ее на голодную смерть.

Тут старая женщина приблизилась к мужу с женой и долго смотрела на них.

– Почему вы так говорите? – спросила она. – Почему вы так милосердны ко мне? Ведь вы чужеземцы.

Тогда молодая ответила ей:

– Это потому, что мы сами встретились однажды в жизни с великим милосердием.

Таким образом, старая женщина осталась жить в хижине виноградаря и скоро очень привязалась к молодым супругам. Однако она никогда не говорила им, кто она и откуда пришла, и они чувствовали, что ей было бы неприятно, если бы они стали ее расспрашивать.

Но, однажды вечером, окончив дневную работу, все трое сидели за ужином на большой площадке у входа в хижину, и вдруг увидели старика, поднимавшегося по тропинке.

Это был высокий и крепко сложенный мужчина, широкоплечий, как атлет. Лицо его было мрачно и сурово. Лоб выдавался вперед над глубоко запавшими глазами, а линии рта выражали горечь и презрение.

Осанка у него была прямая, движения быстрые. Одет он был просто, и виноградарь, увидев его, подумал: «Это старый легионер, уволившийся в отставку. Он теперь держит путь на родину».

Поравнявшись с сидевшими за ужином, незнакомец остановился в нерешительности. Виноградарь, знавший, что немного выше его хижины тропа кончается, отложил ложку и крикнул ему:

– Уж не заблудился ли ты, путник, что очутился здесь, возле нашей лачуги? Обыкновенно никто не забирается сюда, если у него нет дела к нам, живущим здесь.

В это время старик подошел ближе.

– Оно так и есть, – сказал он. – Я сбился с дороги и не знаю теперь, куда мне идти. Если ты позволишь мне отдохнуть здесь немного, а затем укажешь, как добраться до ближайшей деревни, я буду тебе очень благодарен.

С этими словами он присел на один из камней, лежавших перед хижинкой. Молодая женщина спросила его, не хочет ли он поужинать с ними, но он с улыбкой отклонил ее предложение. Но зато он с видимым удовольствием стал беседовать с ними, пока они ели. Он расспрашивал молодых супругов об их образе жизни, об их работе, и они отвечали ему весело и непринужденно.

Но вот виноградарь в свою очередь обратился к незнакомцу и стал его расспрашивать:

– Ты видишь, – сказал он, – в какой глуши и как одиноко мы живем. Вот уж с год мне ни с кем не приходилось встречаться, кроме пастухов и виноградарей. Не можешь ли ты, пришедший, вероятно, из военного лагеря, рассказать нам что-нибудь о Риме и об императоре?

Едва муж это сказал, как его жена заметила, что старая женщина бросила на него предостерегающий взгляд и сделала рукою знак, говоривший, что он должен быть осторожным в разговоре. Путник же ответил вполне дружелюбно:

– Ты, очевидно, принял меня за легионера и, действительно, не ошибся, хотя я давно уже оставил службу. В царствование Тиберия нам, воинам, немного было работы. А ведь когда-то он был великим полководцем. То была его счастливая пора. Теперь же он думает только о том, как уберечься от заговоров. Весь Рим только о том и говорит, что на прошлой неделе он по самому пустому подозрению велел схватить и казнить сенатора Тита.

– Бедный император! Он перестал понимать, что делает! – воскликнула молодая женщина. Она развела руками и с сожалением и удивлением покачала головой.

– Ты, действительно, права, – сказал незнакомец, и по лицу его пробежала мрачная тень. – Тиберий знает, что все его ненавидят, и это доводит его чуть не до безумия.

– Что ты говоришь? – отвечала женщина. – За что нам его ненавидеть? Мы только сожалеем, что он теперь уже не такой великий император, каким был в начале своего царствования.

– Ты ошибаешься, – сказал незнакомец. – Все презирают и ненавидят Тиберия. Да и как же иначе? Ведь он только жестокий и беспощадный тиран. И в Риме думают, что он станет еще более невыносимым, чем был.

– Так разве случилось что-нибудь такое, что может превратить его в еще более ужасное чудовище, чем теперь? – спросил виноградарь.

И снова жена его заметила, что старая женщина опять сделала ему знак быть осмотрительнее, но так осторожно, что он не увидел его.

Незнакомец ответил ему спокойно, но странная усмешка скользнула по его губам.

– Ты, может быть, слышал, что Тиберий имел раньше среди своих приближенных друга, которому мог довериться и который всегда говорил ему правду. Все прочие, живущие при его дворе, – льстецы и лицемеры, одинаково восхваляющие как добрые и благородные, так злые и коварные дела императора. Было, однако, как я сказал, одно существо, всегда оценивающее по достоинству его образ действий. Это существо, более мужественное, чем сенаторы и полководцы, – была старая кормилица императора, Фаустина.

– Да, я слышал о ней, – сказал виноградарь. – Мне говорили, что император очень высоко ценил ее.

– Да, Тиберий умел ценить ее преданность и верность. К этой бедной крестьянке, вышедшей когда-то из убогой хижины на Сабинских горах, он относился, как ко второй матери. Пока сам он пребывал в Риме, она жила в отдельном доме на Палатинском холме, чтобы быть всегда вблизи императора.

Ни одной из знатных матрон Рима не жилось лучше, чем ей. Ее носили по улицам в носилках, одевалась она – как императрица. Когда император переселился на остров Капри, она должна была сопровождать его туда, и там он купил ей виллу с множеством рабов и драгоценной утвари.

– Да, ей, должно быть, в самом деле, жилось хорошо, – сказал виноградарь.

Он один теперь поддерживал разговор с незнакомцем. Жена примолкла и с изумлением наблюдала перемену, происшедшую в старой женщине. С самого появления незнакомца та не проронила ни слова. Мягкости и приветливости ее как не бывало. Она отодвинула от себя пищу и, прижавшись к косяку двери, сидела, выпрямившись, и глядя в пространство, со строгим и окаменевшим лицом.

– Император хотел, чтоб она жила счастливо, – сказал незнакомец. – Но, несмотря на все его благодеяния, и она изменила ему.

Старая женщина вздрогнула при этих словах, но молодая успокаивающим жестом коснулась ее руки и заговорила своим задушевым, кротким голосом:

– Я все-таки не могу поверить, чтоб старая Фаустина была так счастлива при дворе, как ты говоришь, – сказала она, обращаясь к незнакомцу. – Я уверена, что она любила Тиберия, как собственного сына. Я могу представить себе, как гордилась она его благородной юностью, и как велико было ее горе, когда к старости он стал подозрительным и жестоким. Наверное, дня не проходило, чтоб она не увещевала и не предостерегала его. Ужасно тяжело было ей видеть, что мольбы ее остаются тщетными. И, наконец, она не в силах была видеть, как он все глубже и глубже падает.

Незнакомец, пораженный этими словами, наклонился немного вперед, чтобы увидеть лицо говорившей. Но молодая женщина не взглянула на него. Глаза ее были опущены, и она говорила совсем тихо и грустно.

– Быть может, ты права в том, что говоришь о Фаустине, – ответил он. – Она, действительно, не была счастлива при дворе. Но все-таки странно, что она покинула императора в глубокой старости после того, как всю свою жизнь была при нем.

– Что ты говоришь? – воскликнул виноградарь. – Неужели старая Фаустина покинула императора?

– Она тайком, никому ничего не сказав, скрылась с Капри, – ответил незнакомец. – Ушла такой же нищей, какой пришла. Не взяла с собой ничего из своих сокровищ.

– И император, действительно, не знает, куда она ушла? – спросила своим кротким голосом молодая женщина.

– Нет, никто не знает достоверно, куда она направила свой путь. Но все же считают вероятным, что она отправилась искать себе убежища в родных горах.

– И император не знает, почему она решила скрыться? – спросила молодая женщина.

– Нет, император ничего не знает об этом. Не может же он думать, что старая кормилица покинула его, потому что он однажды ее упрекнул, будто она, как и все другие, служит ему за подарки и награды. Она же знает, что Тиберий никогда не сомневался в ее бескорыстии. Он все еще надеялся, что она по доброй воле вернется к нему – ведь никто лучше ее не знает, что теперь он остался совсем без друзей.

– Я не знаю Фаустину, – сказала молодая женщина, – но думаю все-таки, что могу понять, почему она покинула императора. Фаустина выросла в этих горах в благочестии и простоте, и ее постоянно влекло сюда обратно. Но все же она, наверное, никогда не оставила бы императора, если б он не оскорбил ее. И я понимаю, что после этого она, наконец, сочла себя вправе подумать о самой себе, понимая, что жизнь ее близится к концу. Будь я бедной женщиной, родившейся в горах, я, вероятно, поступила бы так же. Я подумала бы, что сделала достаточно, целую жизнь посвятив своему господину. Я ушла бы, наконец, от роскоши и от императорских милостей, чтобы дать душе моей насладиться истиной и честью, прежде чем она покинет меня и направится в далекий путь.

Старик грустно посмотрел на молодую женщину.

– Ты не думаешь о том, что теперь император будет вести себя еще более ужасно. Ведь рядом с ним сейчас нет никого, кто мог бы его переубедить, когда им овладевают подозрительность и презрение к людям. Ты только подумай, – старик мрачным взглядом впился в глаза молодой женщины, – на всем свете нет теперь человека, которого бы он не ненавидел, которого бы не презирал.

Когда он произнес эти слова горького отчаяния, старая женщина сделала резкое движение и повернулась к незнакомцу, но молодая твердо взглянула ему в глаза и ответила:

– Тиберий знает, что Фаустина вернется к нему, как только он этого пожелает. Но она должна знать, что ее старым глазам не придется больше видеть при дворе порока и бесстыдства.

При этих словах все они поднялись, но виноградарь и его жена стали впереди старой женщины, как бы защищая ее.

Незнакомец не произнес больше ни слова, но устремил на старую женщину вопрошающий взгляд. «Это твое последнее слово?» – как будто хотел он сказать.

Губы старухи дрожали, и язык не повиновался ей.

– Если император любил свою старую прислужницу, пусть он даст ей покой в последние ее дни, – сказала молодая женщина.

Незнакомец еще медлил, но вдруг его сумрачное лицо просветлело.

– Друзья мои, – сказал он, – что бы ни говорили о Тиберии, есть все-таки одно, чему он научился лучше всех других – способности к самоотречению. Я должен сказать вам только еще одно: если эта старая женщина, о которой мы говорили, придет однажды в эту хижину, примите ее с радушием! Милость императора будет оказана всякому, кто окажет ей помощь.

Он закутался в свой плащ и удалился той же дорогой, какой пришел.

После этого случая виноградарь и его жена никогда больше не говорили со старой женщиной об императоре. Разговаривая между собой, они удивлялись, как, несмотря на глубокую старость, нашла она в себе силы отказаться от богатства и могущества, к которым привыкла.

– Не вернется ли она скоро опять к Тиберию? – спрашивали они себя. Она, конечно, все еще любит его. Она покинула его в надежде, что это заставит его одуматься и отказаться от жестокостей и несправедливости.

– Такой старый человек, как император, никогда не сможет начать жить по-новому, – говорил муж. – Как сможет он избавиться от презрения к людям? Кто сможет научить его любить людей? Без этого он никогда не исцелится от подозрительности и жестокости.

– Ты знаешь, что есть одно существо, которое могло бы помочь этому исцелению, – отвечала жена. – Я часто думаю, что было бы, если б эти двое встретились. Но пути Господни неисповедимы.

Старая женщина, по-видимому, совсем не тосковала по своей прежней жизни. Когда через некоторое время у молодой родился ребенок, Фаустина стала ходить за ним и казалась такой довольной, словно забыла все свои горести.

Каждые полгода, закутавшись в свой длинный серый плащ, она спускалась вниз, в Рим. Но там она ни к кому не заходила, а шла прямой дорогой к Форуму. Здесь она останавливалась перед маленьким храмом, воздвигнутым на одной из сторон богато украшенной площади.

Этот храм состоял, собственно, лишь из громадного жертвенника, стоявшего под открытым небом среди выложенного мрамором двора. На жертвеннике восседала богиня счастья, Фортуна, а у подножия стояло изваяние Тиберия. Вокруг двора шли помещения для жрецов, сараи для дров и стойла для жертвенных животных. Путь старой Фаустины никогда не шел далее этого храма, куда обыкновенно приходили желавшие помолиться о счастье Тиберия. Заглянув в храм и увидев, что статуи и богини, и императора увенчаны цветами, что жертвенный огонь пылает, что пред алтарем стоят благоговейные толпы молящихся, послушав тихие гимны жрецов, она повертывала назад и возвращалась в горы.

Таким образом, никого не расспрашивая, Фаустина узнавала, что Тиберий еще жив, и что все идет у него благополучно.

Но когда она в третий раз совершила это путешествие, она увидела нечто неожиданное. Приблизившись к маленькому храму, она нашла его пустым и заброшенным. Не пылал огонь перед изваяниями, и не видно было в храме ни одного молящегося.

На одной из стен жертвенника еще висело несколько засохших венков, но это было все, что осталось от его бывшего величия. Жрецы куда-то исчезли, и императорская статуя, никем не охраняемая, была повреждена и забрызгана грязью.

Фаустина обратилась к первому встречному.

– Что это значит? – спросила она. Разве Тиберий умер? Разве у нас теперь другой император?

– Нет, – ответил римлянин. – Тиберий все еще царствует, но мы перестали молиться о нем. Наши молитвы не могут больше помочь ему.

– Друг мой, – сказала старая женщина, – я живу далеко отсюда, в горах, куда не доходят вести о том, что делается на свете. Не скажешь ли ты мне, какое несчастье постигло императора?

– Самое ужасное из всех несчастий обрушилось на Тиберия, – отвечал прохожий. – Его поразил недуг, неизвестный раньше в Италии, но который, как говорят, нередко встречается на Востоке. Болезнь неизлечима, изменила лицо императора, голос его стал похож на рычание дикого зверя, у него гниют пальцы на руках и ногах. И против этого недуга нет, будто бы, никакого целительного средства. Полагают, что через несколько недель Тиберий умрет, если же нет, то его должны будут низложить, так как больной и убогий человек не может долее оставаться на престоле. Ты понимаешь, что судьба его решена. Теперь бессмысленно взывать к богам, прося у них счастья для него. Да и не стоит, – прибавил римлянин с легкой усмешкой. – Теперь нечего бояться его или на него надеяться. Так зачем же нам из-за него утруждать себя?

Он поклонился старухе и пошел, а Фаустина застыла на месте, словно оглушенная.

Впервые за всю свою жизнь она почувствовала себя обессиленной и выглядела старухой, побежденной своим возрастом. Она стояла, согнувшись, с трясущейся головой, а руки ее беспомощно ловили что-то в воздухе.

Ей хотелось поскорей уйти отсюда, но ноги ее плохо двигались, и она шла, спотыкаясь. Она смотрела по сторонам, ища чего-нибудь, на что могла бы опереться.

Через несколько минут невероятным напряжением воли она сумела-таки преодолеть свою слабость. Она снова выпрямилась и заставила себя идти твердой поступью по кишасшим народом улицам.

Спустя неделю старая Фаустина поднималась по крутым склонам острова Капри. Был знойный день, и снова удручающее ощущение старости и слабости стало овладевать ею, пока она взбиралась по извилистой дороге и высеченным в скалах ступеням, которые вели к вилле Тиберия.

Это чувство еще усилилось, когда она заметила, как изменилось все за время ее отсутствия. По этим ступеням всегда сновали вверх и вниз целые толпы народа. Здесь были сенаторы, которых несли в носилках великаны-ливийцы, послы из провинций в сопровождении длинных верениц рабов, искатели должностей, вельможи, приглашенные императором на пир.

Но сегодня все эти лестницы и переходы были совершенно пусты. Серо-зеленые ящерицы были единственными живыми существами, попадавшимися на пути Фаустины.

Она изумлялась, видя, что все уже начало приходить в упадок. Император был болен не больше двух месяцев, а между тем в трещинах между мраморными плитами уже пробивалась сорная трава. Благородные растения в прекрасных вазах успели уже засохнуть, а дерзкие разрушители, которых никто не остановил, уже разломали в нескольких местах балюстраду.

Но больше всего поразило ее полное отсутствие людей. Правда, посторонним воспрещалось появляться на острове, но здесь должны были еще находиться бесконечные толпы воинов и рабов, танцовщиц и музыкантов, поваров и прислужников за столом, дворцовых стражей и садовников, принадлежавших ко двору императора.

Лишь поднявшись на самую верхнюю террасу, Фаустина увидела двух старых рабов, сидевших на ступеньках перед виллой. Когда она приблизилась к ним, они встали и низко поклонились ей.

– Привет тебе, Фаустина! – сказал один из них. – Боги прислали тебя облегчить наше несчастье.

– Что это значит, Милон? – спросила Фаустина. – Почему здесь так пусто? Мне ведь сказали, что Тиберий все еще живет на Капри.

– Император разогнал всех своих рабов, так как он подозревает, что кто-то из нас дал ему отравленного вина, которое будто бы и вызвало его болезнь. Он прогнал бы и меня, и Тита, если бы мы не отказались повиноваться ему. Ты ведь знаешь, что мы всю свою жизнь служили императору и его матери.

– Я спрашиваю не только о рабах, – сказала Фаустина. – Где сенаторы и полководцы? Где приближенные императора и все льстивые искатели его милостей?

– Тиберий не желает больше показываться посторонним, – сказал раб. – Сенатор Люций и Макрон, начальник личной стражи, являются сюда каждый день и получают от него приказания. Кроме них никто не допускается к нему.

Фаустина поднялась по лестнице, чтобы войти в виллу. Раб пошел вперед, и дорогой она спросила его:

– Что говорят врачи о болезни Тиберия?

– Ни один из них не умеет лечить эту болезнь. Они даже не знают, ведет она за собой быструю или медленную смерть. Но вот что я скажу тебе, Фаустина: Тиберий непременно умрет, если будет, как теперь, отказываться от пищи, из боязни быть отравленным. И я знаю, что больной человек не в силах бодрствовать и днем и ночью, как это делает император, боясь быть убитым во сне. Если он будет так же доверять тебе, как в былые дни, то, может быть, тебе удастся убедить его есть и спать. Этим ты можешь на много дней продлить его жизнь.

Раб провел Фаустину через несколько переходов и дворов к террасе, на которой обыкновенно проводил время Тиберий, любясь видом на прелестные морские заливы и на гордый Везувий.

Когда Фаустина взойшла на террасу, она увидела там какое-то ужасное существо с распухшим, не похожим на человеческое, лицом. Руки и ноги его были обвязаны белыми бинтами, но из-под них торчали полусгнившие пальцы. Одежда этого человека была в пыли и грязи. Очевидно, этот несчастный не мог держаться на ногах, а вынужден был ползать по террасе. Он лежал с закрытыми глазами в самом дальнем углу, у балюстрады, и не пошевелился, когда раздались шаги раба и Фаустины.

Но Фаустина шепнула рабу, шедшему впереди нее:

– Что это, Милон! Как посмел этот человек забраться сюда, на императорскую террасу! Выпроводи его скорей отсюда!

Но не успела она договорить, как увидела, что раб склоняется до земли перед лежавшим здесь жалким существом.

– Цезарь Тиберий, – произнес он, – наконец-то я приношу тебе радостную весть!

Сказав это, раб обернулся к Фаустине, но, пораженный, отступил назад и не мог больше вымолвить ни слова.

Он увидел перед собой уже не гордую матрону, казавшуюся такой крепкой и сильной, что казалось – она достигнет долголетия Сивиллы.

В одно мгновение она сникла под гнетом старческой дряхлости, и раб увидел согбенную старуху с померкшим взором и ищущими опоры руками.

Фаустина уже слышала, что император ужасно изменился, однако она ни на минуту не переставала представлять его себе таким же сильным и могучим, каким он был, когда она видела его в последний раз. Кроме того, кто-то говорил ей, что болезнь, поразившая Тиберия, действует медленно и что нужны долгие годы, чтобы она могла совершенно обезобразить человека.

Но здесь болезнь пошла вперед так быстро, что в каких-то два месяца сделала императора неузнаваемым.

Шатаясь, подошла Фаустина к императору. Говорить она была не в силах и плакала, стоя возле него.

– Ты пришла, наконец, Фаустина? – сказал он, открывая глаз. – Пока я лежал здесь, мне все время казалось, что ты стоишь и плачешь надо мной. Я не решаюсь даже взглянуть на тебя из боязни, что это только игра моего воображения.

Тогда Фаустина села возле него. Она подняла его голову и положила ее к себе на колени.

Тиберий же продолжал лежать совсем тихо, не глядя на нее. Его охватило чувство сладостного покоя, и он тотчас же погрузился в спокойный сон.

Спустя несколько недель один из рабов императора подходил к одинокой хижине в Сабинских горах. Дело было к вечеру, и виноградарь стоял с женой в дверях, следя за заходящим солнцем. Раб свернул с тропинки и подошел к ним с приветствием. Затем он вынул из-за пояса туго набитый кошелек и подал его виноградарю.

– Это посылает тебе Фаустина, старая женщина, к которой вы были так добры, – сказал раб. – Она просит тебя купить на эти деньги собственный виноградник и построить себе дом не так высоко в горах, как это орлиное гнездо.

– Значит, старая Фаустина жива? – спросил виноградарь. – Мы искали ее по всем ущельям и болотам. Когда она не вернулась к нам, я думал, что она нашла себе смерть в этих диких горах.

– Ты разве не помнишь, – вмешалась жена, – я не хотела верить, что она умерла? Не говорила ли я тебе, что она вернулась к императору.

– Да, – согласился муж, – ты действительно говорила это, и я рад, что ты оказалась права – не потому только, что Фаустина снова стала такой богатой, что может спасти нас от нужды. Я рад также и за бедного императора.

Раб хотел тотчас же проститься с ними и уйти, чтобы успеть добраться до жилых мест, пока ночная тьма еще не окутала землю, но супруги непустили его.

– Ты должен остаться у нас до утра, – говорили они. – Мы не можем отпустить тебя, пока ты нам не расскажешь обо всем, что стало с Фаустиной. Почему вернулась она к императору? Какова была их встреча? Счастлива ли она теперь, когда судьба их снова соединила?

Раб уступил их просьбам. Он прошел вместе с ними в хижину и за ужином рассказал им о болезни императора и о возвращении Фаустины.

Кончив свой рассказ, раб увидел, что муж и жена сидят неподвижно, словно чем-то пораженные. Взоры их были обращены вниз, как будто они хотели скрыть свое волнение.

Наконец муж поднял голову и сказал жене:

– Не кажется ли тебе, что это перст Божий?

– Да, ответила жена. – Наверное, именно ради этого внушил нам Господь переплыть море и поселиться в этой хижине. Таково было, наверное, его предопределение, когда он привел старую женщину к нашему порогу.

Едва жена произнесла эти слова, как виноградарь снова обратился к рабу.

– Друг мой! – сказал он ему. – Я дам тебе поручение к Фаустине. Скажи ей следующее – слово в слово: «Приветствует тебя твой друг, виноградарь с Сабинских гор. Ты видела молодую женщину, мою супругу. Не казалось ли она тебе пленительно прекрасной и цветущей здоровьем? А между тем эта молодая женщина страдала некогда той же болезнью, которая теперь поразила Тиберию».

Раб невольно сделал жест удивления, но виноградарь продолжал, подчеркивая каждое слово:

– Если Фаустина откажется поверить моим словам, то скажи ей, что я и моя жена родом из Палестины, страны, где часто встречается эта болезнь! Закон предписывает там изгонять прокаженных из городов и деревень, так что им приходится жить в пустынных местах, искать себе приюта в гробницах и в пещерах. Скажи Фаустине, что моя

жена родилась от больных родителей в пещере, высеченной в скале. И пока она еще была ребенком, она оставалась здоровой, когда же она сделалась девушкой, ее поразил этот недуг.

Выслушав виноградаря, раб с улыбкой покачал головой и сказал ему:

– Как ты хочешь, чтобы Фаустина поверила тебе? Ведь она видела твою супругу здоровой и цветущей. И она хорошо знает, что от этой болезни нет исцеления.

Но виноградарь возразил ему:

– Было бы лучше всего, если б она поверила мне. Но у меня найдутся свидетели. Пусть пошлет она гонцов в Галилею, в город Назарет. Там всякий подтвердит, что я говорю правду.

– Может быть, какой-нибудь бог исцелил твою жену, совершив над ней чудо? – спросил раб.

– Да, – ответил виноградарь, – это именно так и было. Однажды между больными, обитавшими в пустыне, разнеслась дивная весть – в галилейском городе Назарете появился великий пророк. Он преисполнен силы Духа Божия и может исцелить страшную болезнь, возложив свою руку на ваше чело. Но несчастные больные не хотели этому верить. «Нас ничто не может исцелить, – говорили они. – Со времен великих пророков никто не может спасти ни одного из нас от этого несчастья».

Но среди больных была одна молодая девушка, которая поверила этому известию. Она ушла от остальных и стала искать дорогу в город Назарет, где обитал пророк. И однажды, когда она шла по широкой равнине, ей встретился человек высокого роста, с бледным лицом, с черными, мягко вьющимися волосами. Темные его глаза сияли, как звезды, и притягивали к себе. Но она еще издали крикнула ему.

– Не подходи ко мне, я могу заразить тебя, а скажи мне, где найти пророка из Назарета!

Но человек этот продолжал идти ей навстречу, и когда он уже подошел совсем близко, спросил ее:

– Зачем ты ищешь пророка из Назарета?

– Я ищу его, чтобы он возложил свою руку на мое чело и исцелил меня от моей болезни.

Тогда незнакомец приблизился и положил свою руку на ее чело. Но она сказала ему:

– Какая мне польза оттого, что ты положил на мое чело свою руку? Ведь ты же не пророк?

Тогда он улыбнулся ей и сказал:

– Иди теперь в город, лежащий вон там, на склоне горы, и покажись священникам.

Больная подумала про себя: «Он насмехается надо мной, потому что я верю в исцеление. От него видно я не узнаю того, что мне нужно».

И она пошла дальше. Вскоре она увидела человека, ехавшего по широкому полю на охоту, верхом на коне.

Когда он был уже так близко, что мог слышать ее, она крикнула ему:

– Не подходи ко мне, я могу заразить тебя! Скажи только, где мне найти пророка из Назарета?

– Что тебе нужно от пророка? – спросил ее всадник и стал медленно приближаться к ней.

– Мне нужно только, чтобы он возложил свою руку на мое чело и исцелил меня от моей болезни.

– От какой болезни хочешь ты излечиться? – спросил всадник. – Ты не нуждаешься во враче.

– Не видишь ты разве, что я прокаженная? – крикнула она. – Я рождена от больных родителей в горной пещере.

Но всадник подъезжал все ближе и ближе к ней, ибо она была свежа и прекрасна, как только что распустившейся цветок.

– Ты прелестнейшая девушка во всей Иудее! – воскликнул он.

– Не глумись надо мной, как глумился и тот! – сказала она. – Я знаю, что лицо мое обезображено и что голос мой подобен рычанию дикого зверя.

Но он глубоко заглянул в ее глаза и сказал ей:

– Твой голос так же звонок, как весенний ручей, струющийся по камням, а лицо твое так же гладко, как мягкий шелк.

В эту минуту он подъехал к ней так близко, что она могла видеть себя в блестящих украшениях его седла.

– Поглядишь сюда вместо зеркала, – сказал он.

Она посмотрела и увидела лицо, нежное и мягкое, как только что раскрывшиеся крылышки бабочки.

– Что это я вижу? – сказала она. – Это не мое лицо.

– Нет, твое, – сказал всадник.

– Но голос у меня разве не хриплый? Не звучит ли он так, как скрип телег по каменистой дороге?

– Нет, он звучит, как самые нежные струны арфы, – ответил всадник.

Она обернулась назад и указала на убегающую вдаль дорогу.

– Не знаешь ли, кто этот человек, что скроется сейчас за этими двумя дубами? – спросила она.

– Это тот, о ком ты только что спрашивала, это пророк из Назарета, – отвечал всадник.

Тогда она всплеснула руками, и слезы полились из ее глаз.

– О, святой праведник! Ты носитель силы Божией! – воскликнула она. – Ты меня исцелил!

Всадник поднял девушку на седло, отвез ее в город, стоявший на склоне горы, отправился с ней к старейшинам и священникам и рассказал им про свою встречу с ней. Они подробно расспросили обо всем, но когда узнали, что девушка родилась в пустыне от больных родителей, не захотели верить в ее исцеление.

– Возвращайся туда, откуда ты пришла! – сказали они ей. – Если ты была больна, то останешься больной всю свою жизнь. Ты не смеешь приходить к нам в город, чтобы не заразить всех нас своей болезнью. Она же сказала им:

– Я знаю, что я здорова, потому что пророк из Назарета возложил свою руку на мое чело.

Услышав это, они воскликнули:

– Кто он такой, чтобы делать чистыми нечистых? Все это – дьявольское наваждение. Возвращайся к своим родным, иначе ты погубишь всех нас!

Они не хотели считать ее исцеленной и запретили ей оставаться в городе. Они постановили, что всякий, кто даст ей приют, будет тоже объявлен зараженным.

Когда священники изрекли этот приговор, девушка спросила человека, встретившего ее в поле:

– Куда же мне идти теперь? Неужели снова вернуться в пустыню к больным?

Но он посадил ее к себе в седло и сказал ей:

– Нет, ты не должна возвращаться к больным в их пещеры; мы уедем с тобой отсюда за море в другую страну, где нет законов для чистых и нечистых.

И они оба...

Но когда виноградарь дошел в своем рассказе до этого места, императорский раб поднялся и прервал его.

– Тебе незачем рассказывать дальше, – сказал он. – Ты хорошо знаешь эти горы, поэтому проводи меня немного, чтоб я еще сегодня пустился в обратный путь, не дожидаясь утра. Я должен немедленно, не теряя времени, сообщить все, что ты рассказал, императору и Фаустине.

Когда виноградарь проводил раба и вернулся к себе в хижину, жена его еще не спала.

– Я не могу уснуть, – сказала она. – Я все думаю, что эти двое обязательно должны встретиться: Тот, который любит всех людей, и тот, который их ненавидит. Кажется, эта встреча должна будет перевернуть весь мир.

Старая Фаустина прибыла в далекую Палестину на пути в Иерусалим. Она не хотела, чтобы кому-нибудь другому было поручено разыскать пророка и привезти его к императору. Она при этом думала так: «Того, что нам нужно от этого чужеземца, нельзя добиться силой или купить за деньги. Но, может быть, он исполнит нашу просьбу, если кто-нибудь падет к его ногам и расскажет, какое несчастье постигло Тиберия. И кто же может усерднее просить за императора, чем та, которая не меньше его самого страдает от его несчастья?»

Надежда спасти Тиберия придала силы старой женщине. Без особого утомления перенесла она долгое плавание до Яффы, а путь в Иерусалим совершала не в носилках, а верхом. Казалось, она переносит трудное путешествие так же легко, как знатные римляне, воины и рабы, составлявшие ее свиту.

Это путешествие от Яффы до Иерусалима наполнило сердце старой женщины радостью и светлой надеждой. Была весна, и долина Сарона, по которой они ехали в первый день пути, представляла собой сплошной яркий цветочный ковер. Да и на второй день, когда они очутились среди гор Иудеи, цветы не покидали их. Холмы разных очертаний, между которыми вилась дорога, были все засажены фруктовыми деревьями, стоявшими в полном цвету. Когда же путешественники уставали глядеть на бледно-розовые цветы персиков и абрикосов, взор их мог отдохнуть на молодых побегах винограда, которые разворачивались на темно-коричневых лозах. Они появлялись с такой быстротой, что рост их можно было, кажется, видеть глазами.

Но не одни только цветы и весенняя зелень делали это путешествие таким приятным. Больше всего привлекали внимание громадные толпы народа, направлявшиеся в это утро в Иерусалим. Путники стекались к городу со всех проселочных дорог, со всех тропинок, с одиноких вершин и из самых отдаленных уголков равнины. Выйдя на большую Иерусалимскую дорогу, отдельные странники соединялись в большие толпы и дальше радостно шли все вместе. Вокруг одного старца, ехавшего верхом на верблюде, шли его сыновья и дочери, зятья и невестки и все его внуки. Это была такая многочисленная семья, что она составила целый маленький отряд. Одну старушку, которая была слишком слаба для того, чтобы идти пешком, сыновья подняли на руки, и она, гордая своими детьми, дала себя нести сквозь почтительно расступавшуюся перед ней толпу.

Поистине, это утро могло бы влить радость даже в самые удрученные сердца. Небо было, правда, не совсем ясное, а подернутое тонким слоем сероватых облаков, но никому из путников не пришло бы и в голову огорчаться этим, так как таким образом был смягчен жгучий блеск солнца. Под этим затуманенным небом благоухание цветущих деревьев и развертывающейся листвы рассеивалось на дорогах и на полях. И этот прекрасный день, своим матовым светом и неподвижным воздухом напоминавший тишину и спокойствие ночи, казалось, создавал какое-то особое настроение этим спешившим толпам народа, так что все шли радостно и торжественно, напевая вполголоса древние гимны или играя на каких-то удивительных старинных инструментах, звуки которых были похожи на жужжанье мух или на стрекотанье кузнечика.

Старая Фаустина ехала среди всех этих людей, заражаясь их нетерпением и радостью. Она то и дело подгоняла своего коня и, обращаясь к молодому римлянину, ехавшему все время рядом с нею, сказала:

– Мне снился в эту ночь Тиберий. Он просил меня не задерживаться в пути и непременно сегодня достигнуть Иерусалима. Мне кажется, что боги хотели этим сном внушить мне, чтобы я приехала в город именно в это прекрасное утро.

В это время они были уже на вершине длинного горного хребта, и Фаустина невольно остановила своего коня. Перед ней лежала широкая и глубокая котловина, окруженная живописными холмами, а из темной, тенистой глубины этой долины поднималась могучая скала, на которой высился Иерусалим.

И тесный горный городок, своими башнями и стенами венчавший, словно драгоценной короной, плоскую вершину скалы, казался в этот день в тысячу раз обширней. Все окрестные холмы, поднимавшиеся вокруг долины, были покрыты разноцветными шатрами и кишели людьми.

Фаустина понимала, что все население страны собиралось в Иерусалим на какой-то большой праздник. Жители более отдаленных местностей прибыли заранее и успели раскинуть свои шатры. Те же, что жили по соседству с городом, еще только подходили. Со всех холмов стекались они, как непрерывный поток белых одеяний, песнопений и яркого праздничного веселья.

Старая женщина долго смотрела сверху на эти прибывающие массы людей и на длинные ряды их шатров. Затем она обратилась к молодому римлянину, ехавшему возле нее:

– Право же, Сульпиций, можно подумать, что весь народ собирается в Иерусалим.

– Это так и есть, – ответил римлянин, которого Тиберий назначил в провожатые Фаустине, потому что он прожил в Иудее несколько лет. – Они встречают теперь большой весенний праздник, и в это время все, и старые, и молодые, направляются в Иерусалим.

Фаустина на минуту задумалась.

– Я рада, что мы приехали в этот город в день народного праздника. Это служит предзнаменованием, что боги покровительствуют нашему путешествию. Не думаешь ли ты, что тот, кого мы ищем, пророк из Назарета, тоже придет в Иерусалим, чтобы принять участие в торжестве?

– Ты права, Фаустина, – сказал римлянин. – Он, вероятно, в Иерусалиме. Это, поистине, милость богов. Как ты ни сильна и ни крепка, ты все же можешь считать себя счастливой, что тебе не придется в поисках пророка совершить длинный и тяжелый путь в Галилею.

Он подъехал к двум проходившим мимо путникам, и спросил, не знают ли они, не в Иерусалиме ли теперь пророк из Назарета.

– Мы видели его здесь каждый год в это время, – ответил один из странников. – Наверное, и в этом году он пришел сюда, ибо он человек праведный и благочестивый.

Какая-то женщина протянула руку и указала на возвышенность, лежавшую к востоку от города.

– Видишь ты этот горный склон, поросший масличными деревьями? – сказала она. – Там галилеяне раскидывают обыкновенно свои шатры, и там получишь ты самые верные сведения о том, кого ищешь.

Они поехали дальше, спустились по извилистой тропинке до самого дна долины и начали затем подниматься по горе Сион, чтобы достигнуть города на вершине ее.

Круто взбегавшая вверх дорога была здесь ограждена низкими каменными стенками, на которых сидело и лежало бесконечное множество нищих и калек, просивших милостыню у путешественников.

Во время этого медленного подъема к Фаустине подошла одна из иудейских женщин.

– Смотри, – сказала она, указывая на одного из нищих, сидевших на стене, – это галилеянин. Я помню, что видела его среди учеников пророка. Он может сказать тебе, где найти того, кого ты ищешь.

Фаустина с Сульпицием подъехали к указанному ей человеку. Это был бедный старик с длинной бородой, в которой серебрилась седина. Лицо его было обожжено знойным солнцем, руки были в мозолях от работы. Он не просил милостыни, он был так поглощен печальными думами, что даже не взглянул на подъехавших всадников.

Он не услышал заговорившего с ним Сульпиция, так что римлянину пришлось несколько раз повторить свой вопрос.

– Друг мой, мне сказали, что ты галилеянин. Прошу тебя, скажи мне, где мне найти пророка из Назарета!

Галилеянин вздрогнул и дико посмотрел на римлянина. Когда же он понял, наконец, чего от него хотят, его охватили гнев и ужас.

– О чем ты говоришь? – вскричал он. – Почему ты меня спрашиваешь об этом человеке? Я ничего о нем не знаю. Я не галилеянин.

В разговор тогда вмешалась иудейская женщина.

– Ведь я же видела тебя вместе с ним, – заметила она. – Не бойся, скажи этой знатной римлянке, которая дружна с императором, где ей найти пророка.

Но испуганный старик раздражался все больше и больше.

– Все, должно быть, сошли с ума сегодня? – воскликнул он. – Не одержимы ли все злым духом, что один за другим подходят ко мне и спрашивают о пророке? Почему никто не верит мне, когда я говорю, что не знаю его? Я пришел не из его города и никогда его не видел.

Его запальчивость привлекла к нему общее внимание, и двое нищих, сидевших рядом с ним на стене, тоже стали оспаривать его слова.

– Конечно, ты один из его учеников, – сказали они. – Мы все знаем, что ты вместе с ним пришел из Галилеи.

Но он поднял руки к небу и воскликнул:

– Из-за этого человека я сегодня не мог остаться в Иерусалиме, а теперь вы даже здесь, среди нищих, не хотите оставить меня в покое. Почему вы не хотите поверить мне, когда я говорю, что никогда его не видел?

Фаустина отвернулась от него, пожав плечами.

– Поедем дальше! – сказала она. – Этот человек, наверное, безумен. От него мы ничего не узнаем.

Они продолжали подниматься в гору. Фаустина была уже в каких-нибудь двух шагах от городских ворот, когда иудейка, желавшая помочь ей найти пророка, крикнула, чтобы она придержала коня. Она натянула поводья и увидела, что совсем у ног ее коня на дороге лежал человек. Было чудом, что его, распростертого в пыли, как раз в таком месте, где было особенно тесно, не растоптали ни животные, ни люди.

Он лежал на спине и неподвижно смотрел вверх угасшим, ничего не видящим взором. Он не шевелился, хотя верблюды ступали совсем рядом с ним своими тяжелыми ногами. Одежда на нем была бедная, вся запыленная и испачканная землей. Он так обильно посыпал себя песком, что, казалось, будто он хочет закопаться, чтобы легче было его переехать или затоптать.

– Что это значит? Зачем этот человек лежит на дороге? – спросила Фаустина.

В это время лежавший начал кричать прохожим:

– Будьте милосердны, братья и сестры, гоните прямо на меня ваших коней и вьючных животных! Не обходите меня! Растопчите меня в прах! Я предал неповинную кровь. Растопчите меня!

Сулпиций схватил за повод коня Фаустины и отвел его в сторону.

– Это кающийся грешник, – сказал он. – Не задерживайся из-за него! Это странные люди! Пусть они идут своим путем.

Человек, лежавший в пыли, продолжал взывать:

– Своими ногами ступите мне на сердце! Пусть верблюды растопчут мою грудь! Пусть ослы вонзят в мои глаза свои копыта!

Но Фаустина не в силах была проехать мимо этого несчастного, не попытавшись заставить его встать. Она все еще стояла возле него.

Иудейка, которая и раньше хотела ей услужить, снова протиснулась к ней.

– Этот человек также один из учеников пророка, – сказала она. – Хочешь, я спрошу его об учителе?

Фаустина утвердительно кивнула головой, и женщина нагнулась к лежавшему на земле человеку.

– Что сделали вы, галилеяне, со своим учителем? – спросила она. – Я встречаю многих из вас сегодня, бредущих порознь по дорогам и тропам, а его не вижу нигде.

Когда женщина произнесла эти слова, человек, лежавший на дороге, приподнялся на колени.

– Какой злой дух внушил тебе спросить меня о нем? – спросил он голосом, полным отчаяния. – Ты же видишь, что я зарылся в песок, чтоб меня растоптали. Разве мало тебе этого? Зачем же ты спрашиваешь меня, что я с ним сделал?

– Не понимаю, в чем ты упрекаешь меня, – ответила женщина. – Ведь я только хочу узнать, где твой учитель.

Когда она повторила свой вопрос, галилеянин вскочил на ноги и зажал руками уши.

– Горе тебе, не дающей мне умереть спокойно! – воскликнул он.

Он кинулся сквозь толпу, теснившуюся у ворот, и умчался прочь с воплем отчаяния; как темные крылья, развевалась вокруг него его изодранная в клочья одежда.

– Мне сдается, что мы попали к какому-то безумному народу, – сказала Фаустина, увидев, как бежит этот несчастный. Она несколько пала духом после встречи с этими учениками пророка. Разве может человек, среди учеников которого так много безумцев, сделать что-нибудь для императора?

Иудейская женщина тоже казалась огорченной и очень серьезно сказала Фаустине:

– Госпожа, торопись разыскать того, кого ты хочешь найти! Боюсь, что с ним случилось что-то недоброе, потому что его ученики словно лишились разума и не могут слышать упоминаний о нем.

Фаустина и ее свита миновали наконец ворота города и очутились на узких, темных улицах, заполненных людьми. Ехать дальше по городу было почти невозможно. Всадникам приходилось останавливаться на каждом шагу. Рабы и воины тщетно старались расчистить дорогу. Люди продолжали нестись вперед густым, неудержимым потоком.

– Право же, – сказала Фаустина, обращаясь к Сулпицию, – улицы Рима в сравнении с этими улочками – просто тихие сады.

Сулпиций скоро понял, что их ожидают почти непреодолимые препятствия.

– Идти по этим кишасим людьми улицам, пожалуй, легче, чем ехать верхом, – сказал он. – Если только ты не очень устала, я посоветовал бы тебе пешком дойти до дворца наместника. Правда, это довольно далеко отсюда, но на лошадях едва ли мы доберемся туда не ранее полуночи.

Фаустина сейчас же согласилась с ним. Она сошла с коня и поручила его одному из рабов. Затем они продолжали путь по городу пешком.

Это было гораздо лучше. Они довольно скоро дошли до центра города, и Сулпиций указал Фаустине на улицу, бывшую несколько шире других, к которой они уже приближались.

– Посмотри, Фаустина, – говорил он, – только бы нам попасть на эту улицу – тогда мы будем недалеко от нашей цели. Она приведет нас прямо к дворцу наместника.

Но только они хотели повернуть на эту улицу, пред ними встало неожиданное препятствие.

В тот самый момент, когда Фаустина подошла к улице, ведущей от дворца наместника к Вратам Справедливости и на Голгофу, по ней двигалось шествие с преступником, осужденным на распятие.

Впереди бесновалась толпа молодых людей, спешивших насладиться зрелищем казни. Они опрометью неслись по улице, размахивая руками и издавая дикий рев и визг, в восторге от того, что натешатся зрелищем, которое не каждый день приходится видеть.

За ними шли группы людей в длинных одеяниях, которые, по-видимому, принадлежали к самым знатным и почетным лицам в городе. Затем шли женщины, многие из которых горько плакали, потом целый сонм нищих и калек, издававших пронзительные вопли.

– О Боже, – восклицали они, – спаси его! Пошли своего ангела и спаси его! Ниспошли ему помощь в эту страшную минуту.

Наконец показалось несколько римских воинов на могучих конях. Они следили за тем, чтобы никто из народа не приблизился к осужденному и не сделал попытки его освободить.

Следом за ними шли палачи, которые вели человека, осужденного на распятие. Они взвалили ему на плечи большой, тяжелый деревянный крест, но несчастный был слишком слаб для этой ноши. Крест так давил его, что его тело совсем пригнулось к земле. Голова его была склонена так низко, что никто не мог видеть его лица.

Фаустина стояла на углу узкого переулочка и смотрела на тяжкий путь приговоренного к смерти. С изумлением заметила она, что он был одет в пурпурный плащ, а на голову ему был надет терновый венец.

– Кто этот человек? – спросила она.

– Он хотел сделаться царем, – ответил ей один из стоявших с ней рядом.

– В таком случае он должен умереть из-за цели, которой не стоит домогаться, – с грустью промолвила Фаустина.

Осужденный изнемогал под тяжестью креста. Он двигался вперед все медленней и медленней. Тогда палачи обвязали его веревкой и начали тянуть за нее, чтобы заставить его идти скорее. Но когда они потянули за веревку, осужденный упал и остался лежать на земле, придавленный крестом.

Поднялся страшный шум. Римские всадники лишь с величайшим трудом оттеснили народ назад. Они обнажили мечи, угрожая ими нескольким женщинам, бросившимся вперед, чтобы помочь упавшему встать. Палачи ударами и пинками старались заставить его подняться, но из-за тяжести креста он не мог этого сделать. Наконец, палачи сами сняли с него крест.

Тогда несчастный поднял голову, и старая Фаустина увидела его лицо. Щеки были в багровых полосах, а со лба, израненного терновым венцом, капала кровь. Волосы висели спутанными прядями, слипшись от пота и крови. Рот был крепко сомкнут, но губы дрожали, как бы силясь подавить вопль. Глаза, полные слез, остановились и почти утасли от изнеможения и от перенесенных страданий.

Но за лицом этого полумертвого человека старой женщине, словно в видении, открылось другое лицо, прекрасное и бледное, с дивными и благородными чертами и величественным взором – и все существо Фаустины охватили глубокая скорбь и сострадание к мукам и унижениям этого чуждого ей человека.

– О, что с тобой сделали, бедный ты мой! – воскликнула она, делая шаг к нему навстречу, и глаза ее наполнились слезами. Она забыла о своей собственной печали и тревоге при виде страданий этого измученного человека. Ей казалось, что сердце ее разорвется от сострадания. Как и другие женщины, она была готова броситься к нему, чтобы вырвать его из рук его палачей.

Осужденный видел, как она к нему подходила, и пополз навстречу. Он точно надеялся найти у нее защиту от всех своих гонителей и мучителей. Он обнял ее колени и прижался к ней, как ребенок, ищущий спасения у матери.

Старая женщина наклонилась над ним, из глаз ее потоком хлынули слезы; но в то же время она почувствовала самую блаженную радость, видя, что он пришел к ней, ища защиты. Она обвила одной рукой его шею, и как мать прежде всего спешит осушить слезы на глазах ребенка, так и она провела по его лицу своим платком из прохладной, тонкой льняной ткани, чтоб отереть с него слезы и кровь.

Но в эту минуту палачи кончили возиться с крестом. Они подошли и потащили за собой приговоренного. Досадуя на промедление, они с дикой поспешностью поволокли его. Он застонал, когда его уводили от найденного им пристанища, но не оказал сопротивления.

Фаустина обхватила его, стараясь удержать, а когда ее слабые, старые руки оказались бессильны сделать это, и она увидела, что его уводят, ей показалось, что у нее вырвали из объятий ее собственного ребенка, и она закричала:

– Нет, нет! Не отнимайте его у меня! Он не должен умереть! Не может он умереть!

Невыразимая скорбь и страшный гнев овладели ею. Она хотела бежать вслед за ним, хотела вступить в борьбу с палачами и вырвать его из их рук.

Но едва Фаустина сделала шаг, у нее закружилась голова, она почувствовала дурноту. Сульпиций поспешил поддержать ее, чтобы не дать ей упасть.

На углу улицы он увидел маленькую, темную лавчонку и внес туда на руках Фаустину. Там не было ни стула, ни скамьи, но лавочник был человек сострадательный. Он принес циновку и устроил для старой женщины ложе на каменном полу.

Она не потеряла сознания, но голова у нее так сильно кружилась, что она не могла держаться на ногах и должна была лечь.

– Она совершила сегодня длинный путь, а шум и давка в городе вконец утомили ее, – сказал Сульпиций лавочнику.

– Она очень преклонных лет, а как бы человек ни был крепок, старость все-таки одерживает верх над ним.

– Да даже и не для особенно старых людей день сегодня трудный, – сказал лавочник. – Воздух так удушлив, что почти невозможно дышать. Я не удивлюсь, если разразится сильная гроза.

Сульпиций наклонился над Фаустиной. Она успокоилась и заснула, спокойно и ровно дыша, после всего перенесенного волнения и утомления.

Он отошел и, ожидая ее пробуждения, стал в дверях лавки, наблюдая уличную толпу и движение.

У римского наместника в Иудее Пилата была молодая жена; в ночь накануне того дня, когда Фаустина въехала в Иерусалим, она видела необыкновенные сны.

Ей снилось, что она стоит на кровле своего дома и смотрит оттуда вниз на большой красивый двор, выложенный по восточному обычаю мрамором и обсаженный благородными растениями.

Но на дворе, видела она, почему-то собрались слепые и увечные, какие только были на свете. Она видела перед собой больных чумой, с телом, вздутым от волдырей, прокаженных с изъеденными болезнью лицами, расслабленных, лишенных возможности двигаться и беспомощно лежавших на земле, видела других несчастных, изнемогающих от страданий и болезней.

И все они теснились у входа, чтобы войти во дворец, а некоторые из стоявших впереди громко стучали кулаками в двери.

Наконец, она увидела, что дверь отворилась; на порог вышел раб и спросил их, что им тут нужно.

Они ответили ему:

– Мы ищем великого пророка, которого Бог послал на землю. Где пророк из Назарета? Где тот, кто может избавить нас от всех наших страданий?

Тогда раб ответил им равнодушным и презрительным тоном, каким обыкновенно говорят дворцовые слуги, отказывая бедным просителям:

– Вы напрасно будете искать своего пророка. Пилат предал его смерти.

Тогда между этими больными поднялись такие рыдания и вопли скорби, такой скрежет зубовой, что молодая женщина не в силах была их слышать. Сердце ее разрывалось от сострадания, и жгучие слезы лились у нее из глаз. Но как только она начала плакать, она тотчас же проснулась.

Снова заснула она и снова увидела во сне, что стоит на кровле своего дома и смотрит оттуда вниз на двор, огромный, как базарная площадь.

И видит, что весь этот двор заполнен людьми, лишенными рассудка, безумными и одержимыми духами. И она увидела между ними раздетых до нага и закутавшихся в свои длинные волосы, и таких, которые сплели себе венцы из соломы и плащи из травы и мнили себя царями, и таких, которые ползали по земле и воображали, что они звери, и таких, которые не переставая плакали от горя, а назвать это горе не могли, и таких, которые таскали тяжелые камни, уверяя, что это золото, и таких, которые думали, что их устами говорят злые духи.

Она увидела, как все они старались протиснуться к воротам дворца, а те, что стояли впереди всех, стучались и ломились в них.

Наконец, дверь отворилась, на порог вышел раб и спросил их:

– Что вам нужно?

Тогда все они начали шуметь и говорить:

– Где великий пророк из Назарета, тот, что послан Богом и должен вернуть нам нашу душу и наш разум?

Жена наместника слышала, как раб отвечал самым равнодушным тоном:

– Не найдете вы великого пророка, сколько не ищите. Пилат предал его смерти.

При этих словах все безумные испустили вопль, похожий на рев диких зверей, и в своем отчаянии стали рвать ногтями тело, так что кровь полилась на камни. И когда молодая женщина увидела всю глубину их мучений, она начала ломать руки и тяжело стонать. И ее собственные стоны разбудили ее.

Но она опять заснула и во сне еще раз очутилась на кровле своего дома. И вокруг нее сидели ее рабыни, развлекая ее игрой на кимвалах и лютях, с миндальных деревьев сыпались на нее лепестки белых цветов, и воздух благоухал от аромата вьющихся роз.

И когда она так сидела, какой– то голос сказал ей:

– Подойди к балюстраде, окружающей кровлю, и посмотри вниз на мраморный двор. Но она стала отказываться во сне, говоря:

– Не хочу я видеть новых несчастных, что толпятся этой ночью на моем дворе.

В ту же минуту до нее донесся лязг цепей, громыхание тяжелых молотов и стук дерева о дерево. Рабыни перестали петь и играть, подбежали к ограде кровли и заглянули вниз. И сама она тоже не могла оставаться на месте; она пошла посмотреть на двор.

И она увидела, что двор ее дома полон несчастных узников со всего света. Она увидела тех, что сидят всю жизнь в темных тюремных ямах, закованные в тяжелые железные цепи. Она увидела, как те, что были гребцами на военных кораблях, шли со своими тяжелыми, обитыми железом веслами. И те, что были осуждены на распятие, шли, волоча за собой свои кресты, те же, которых должны были обезглавить, шли с топорами и плахами. Она увидела тех, что были уведены в рабство в чужие страны, и глаза их горели тоской по родине. Она увидела всех жалких рабов, которые должны были работать, как вьючные животные, по спинам которых струилась кровь от ударов бичом.

И все эти несчастные ломились в дверь, издавая вопли, исходившие как бы из одной огромной груди:

– Отворите, отворите!

Тогда раб, охранявший вход, вышел из двери и спросил их:

– Что вам нужно?

И они отвечали, подобно другим:

– Мы ищем великого пророка из Назарета, который пришел на землю, чтобы дать свободу узникам и счастье рабам.

Раб ответил им усталым и равнодушным тоном:

– Вы не найдете его здесь. Пилат предал его смерти.

Когда эти слова коснулись слуха несчастных, они ответили на них таким взрывом проклятий и отчаяния, что женщине показалось, будто она слышит, как задрожали небо и земля. Она почувствовала, что леденеет от страха, и такая дрожь охватила все ее тело, что она проснулась.

Когда она совсем пришла в себя, она села на своем ложе и сказала сама себе:

– Я не хочу больше видеть снов. Я буду бодрствовать всю ночь, чтобы мне не видеть больше этих ужасов.

Но почти в то же мгновение сон снова одолел ее, она опустила голову на подушку и заснула.

Снова увидела она, что сидит на кровле своего дома, а маленький сын ее бегаёт тут же и играет в мяч.

Но вот неведомый голос сказал ей:

– Подойди к балюстраде, окружающей кровлю, и посмотри, что за люди стоят там и чего они ждут!

А она сказала во сне себе:

– Довольно горя видела я в эту ночь. Я не в силах видеть больше и не встану со своего места.

Но в эту минуту мяч, которым играл ее мальчик, перелетел через балюстраду, и малютка побежал и влез на перила. Тогда мать испугалась, побежала за ребенком и схватила его.

Но при этом она невольно бросила взор вниз и еще раз увидела, что двор полон людей.

Со всего света собрались там раненые на войне. Они явились с изувеченными телами, с отрубленными руками и ногами, с большими, зияющими ранами, из которых потоками струилась кровь, так что весь двор был залит ею.

И рядом с ними толпились здесь все, кто потеряли на поле битвы своих близких. Тут были сироты, плакавшие о своих кормильцах, молодые девушки, звавшие своих женихов, и старые женщины, рыдавшие о своих сыновьях.

Стоявшие впереди всех ломились в дверь, и привратник вышел, как и раньше, и отворил ее.

Он спросил у этой толпы несчастных:

– Чего вы ищете в этом доме? И они отвечали:

– Мы ищем великого пророка из Назарета, который прекратит усобицы и войны и водворит мир на земле. Мы ищем того, кто копьё перекует в косы и мечи в серпы.

Тогда раб ответил с некоторым нетерпением:

– Не приходите сюда больше и не докучайте мне! Я уже много раз повторял, что великого пророка нет здесь. Пилат предал его смерти.

Сказав это, он запер дверь. Но женщина подумала о всех воплях, которые теперь раздадутся.

– Я не хочу их слышать, – сказала она и отбежала от балюстрады. В ту же минуту она проснулась и увидела, что в испуге вскочила с своего ложа и теперь стояла на холодном каменном полу.

Снова подумала она, что не хочет больше видеть снов и не будет спать в эту ночь, но сон опять-таки одержал верх над ней, она закрыла глаза и задремала.

Опять сидела она во сне на крыше своего дома, а рядом с ней был ее муж. И она рассказывала ему о всех своих сновидениях, а он смеялся над ней.

И опять услышала она голос, говоривший ей:

– Пойди и взгляни на людей, которые чего-то ждут на твоём дворе!

Но она подумала: «Я не хочу их видеть. Я и так уж в эту ночь видела слишком много несчастных».

В ту же минуту она услышала три громких удара в дверь, и муж ее подошел к балюстраде, чтобы посмотреть, кто это хочет войти к нему в дом.

Но едва он успел перегнуться через перила, как тотчас же поманил к себе жену.

– Знаешь ты этого человека? – спросил он ее, указывая пальцем вниз.

Взглянув туда, она увидела, что весь двор полон всадников и коней. Рабы разгружали вьючных ослов и верблюдов. Видно было, что прибыл какой-то знатный путешественник.

Приехавший стоял у самой входной двери. Это был высокий, широкоплечий старик с мрачным и угрюмым выражением лица.

Жена наместника сразу узнала чужеземца.

– Это цезарь Тиберий прибыл в Иерусалим, – шепнула она мужу. – Это не может быть никто другой.

– Мне тоже кажется, что это он, – сказал муж и приложил палец к губам в знак того, что нужно молчать и слушать, что будут говорить на дворе.

Они увидели, что вышел привратник и спросил незнакомца:

– Кого ты ищешь?

И путешественник отвечал:

– Я ищу великого пророка из Назарета, который владеет чудесной силой. Его призывает к себе император Тиберий для того, чтобы он избавил его от ужасного недуга, не поддающегося лечению никаких врачей.

Когда он кончил, раб низко склонился перед ним и сказал:

– Не гневайся, господин, но твое желание не может быть исполнено.

Тогда император обернулся к своим рабам, ожидавшим на дворе, и сделал им знак.

И рабы поспешили вперед; у одних руки были полны драгоценных камней, другие держали чаши, насыпанные доверху жемчугом, третьи тащили мешки с золотыми монетами.

Император обратился к привратнику и сказал:

– Все это будет принадлежать пророку, если он поможет Тиберию. Этого хватит, чтобы наделить богатством всех бедных на земле.

Но привратник склонился еще ниже и ответил:

– Господин, не гневайся на слугу своего, но твое требование не может быть исполнено.

Тогда император снова сделал знак своим рабам, и двое из них выступили вперед с богато расшитым одеянием, на котором сверкал нагрудник из драгоценных камней.

И сказал император рабу:

– Смотри! Я предлагаю ему власть над Иудеей. Он будет вершителем судеб своего народа. Пусть только он последует за мной и исцелит Тиберию!

Но раб склонился до земли и сказал:

– Господин, не в моей власти помочь тебе. Тогда император еще раз подал знак, и рабы его выступили вперед с пурпурной мантией и золотым венцом.

– Смотри, – сказал он, – такова воля императора: он обещает назначить его своим преемником и сделать его владыкой мира. Он получит власть управлять всей землей по законам своего Бога. Пусть только он прострет свою руку и исцелит Тиберию!

Тогда раб пал ниц перед императором и жалобно простонал:

– Господин, не в моей власти исполнить твою волю. Нет здесь больше того, кого ты ищешь. Пилат предал его смерти.

Когда молодая женщина проснулась, солнце стояло уже высоко, и ее рабыни окружали ее ложе, чтобы помочь ей одеться.

Она была очень молчалива, пока ее одевали, но, наконец, спросила рабыню, причесывающую ее, встал ли ее муж. Та ответила, что его вызвали судить какого-то преступника.

– Я хотела бы поговорить с мужем, – сказала молодая женщина.

– Госпожа, – возразила рабыня, – теперь, во время разбора дела, это едва ли возможно. Мы доложим тебе, как только дело будет кончено.

Она опять погрузилась в молчание и долго сидела так. Затем спросила:

– Не слышал ли кто-нибудь из вас о пророке из Назарета?

– Как странно, госпожа, что ты спрашиваешь о нем как раз сегодня, – сказала другая. – Ведь именно его иудеи привели сюда, к наместнику, чтобы он подверг его допросу.

Жена Пилата тотчас же приказала, чтобы они пошли разузнать, в чем обвиняется пророк из Назарета, и одна из рабынь удалилась. Вернувшись, она сказала:

– Они обвиняют его в том, что он будто бы хотел объявить себя царем этой страны, и просят наместника приговорить его к распятию.

Услышав это, жена наместника очень испугалась и сказала:

– Я должна переговорить со своим супругом, иначе случится страшное несчастье.

Когда рабыни опять сказали ей, что это невозможно, она начала дрожать и плакать. И одна из них была тронута ее слезами и сказала:

– Если тебе, госпожа, угодно послать правителю записку, я попытаюсь передать ее ему.

Молодая женщина тотчас же взяла стиль и написала несколько слов на восковой дощечке, и эта дощечка была передана Пилату.

Но с ним самим жене не пришлось увидаться наедине в течение всего дня, потому что, когда он отпустил иудеев и они повели осужденного на место казни, наступил час обеда, а к обеду Пилат пригласил нескольких римлян, бывших в это время в Иерусалиме: начальника императорских войск, молодого учителя ораторского искусства и некоторых других.

Обед был не очень веселым, так как жена Пилата сидела расстроенная и не принимала участия в беседе.

Когда гости спросили ее, не больна ли и не огорчена ли она чем-нибудь, наместник рассказал со смехом о записке, которую она прислала ему утром. И он стал подшучивать над тем, как она могла подумать, что римский наместник станет в своих поступках руководствоваться женскими снами.

Она тихо и печально ответила:

– Я убеждена, что это был не просто сон, а предостережение, ниспосланное Богом. Ты должен был бы, по крайней мере, хоть на один этот день отсрочить эту казнь.

Все видели, что она серьезно огорчена. Она не поддавалась утешениям, как ни старались гости развлечь ее беседой и заставить забыть ночные сновидения.

Но спустя некоторое время один из гостей поднял голову и сказал:

– Что это значит? Неужели мы так засиделись за столом и не заметили, что наступил вечер?

Все оглянулись и увидели, что все покрыл какой-то легкий сумрак. Особенно удивительно было то, что вся пестрая игра красок, переливающихся на предметах и живых существах, тихо погасла, так что все казалось теперь одноцветно-серым. Лица сидевших за столом тоже утратили свою окраску.

– Мы, право, похожи на мертвецов, – сказал, содрогнувшись, молодой ритор. – Щеки у нас совсем серые, а губы почернели.

По мере того как сгущался мрак, усиливался и ужас молодой женщины.

– Ах, друг мой, – воскликнула она, наконец, – неужели ты и теперь не видишь, что бессмертные хотят предостеречь тебя? Они разгневались на то, что ты приговорил к страшной смерти святого и ни в чем неповинного человека. Мне думается, что, если теперь его уже пригвоздили к кресту, он все-таки еще не умер. Повели снять его с креста! Я своими собственными руками перевяжу его раны! Уступи мне, верни ему жизнь!

Но Пилат ответил со смехом:

– Ты, конечно, права в том, что это – знамение, посланное богами. Но если они заставили солнце померкнуть, то уж никак не из-за того, что какой-то иудейский лжеучитель осужден на распятие. Мы скорее можем ожидать важных событий, касающихся всей империи. Кто знает, сколько старику Тиберию...

Он не закончил, потому что тьма так сгустилась, что он не мог даже видеть стоявшей перед ним чаши с вином. Он оборвал речь, чтобы приказать рабам немедленно внести несколько светильников.

Когда стало настолько светло, что он мог разглядеть лица своих гостей, он заметил, что всеми ими овладело дурное настроение.

– Вот видишь! – с недовольством сказал он жене. – Мне кажется, что тебе удалось спутнуть наше застольное веселье. Но раз ты уже не можешь сегодня думать ни о чем другом, то расскажи нам, что тебе приснилось! Мы послушаем и попытаемся истолковать смысл твоих снов.

Молодая женщина сейчас же согласилась. И пока она рассказывала одно за другим свои сновидения, гости становились все серьезнее. Они перестали осушать свои кубки, и лица их омрачились. Единственный, кто продолжал смеяться и называть все это глупостями, был сам наместник Пилат.

Когда рассказ был кончен, молодой ритор сказал:

– Да, это нечто большее, чем простой сон, так как я видел сегодня, конечно, не самого императора, а его старого друга, Фаустину. Она въезжала в город. Меня только удивляет, что она до сих пор не явилась еще в твой дворец.

– Действительно, ходят слухи, что императора поразил какой-то ужасный недуг, – заметил военачальник. – Мне тоже кажется возможным, что сон твоей жены был предостережением богов.

– Нет ничего невероятного в том, что Тиберий послал кого-нибудь за пророком, чтобы просить у него помощи, – прибавил молодой ритор.

Военачальник с очень серьезным видом обратился к Пилату:

– Если императору действительно пришла мысль призвать к себе этого чудотворца, то было бы лучше и для тебя, и для всех нас, чтобы его застали еще в живых.

Пилат ответил почти с гневом:

– Уж не эта ли тьма сделала вас детьми? Можно подумать, что все вы превратились в толкователей снов и пророков.

Но начальник войск продолжал настаивать:

– Может быть, удалось бы еще спасти этого человека, если бы ты спешно послал гонца.

– Вы хотите сделать меня посмешищем в глазах народа, – ответил Пилат. – Подумайте, что стало бы с правосудием и порядком в стране, если бы узнали, что наместник помиловал преступника, потому что его супруга видела зловещий сон?

– Но ведь правда, а не сон то, что я видел в Иерусалиме Фаустину, – сказал молодой ритор.

– Я сам буду отвечать перед императором за свои действия, – сказал Пилат. – Он поймет, что этот мечтатель, беспрекословно позволявший моим воинам мучить себя, был бы бессилён помочь ему.

В тот самый миг, как были произнесены эти слова, дом задрожал от непонятного гула, похожего на могучие раскаты грома, и все почувствовали колебание земли. Дворец Пилата остался невредим, но в течение нескольких минут после подземного удара отовсюду слышался ужасающий грохот обваливающихся домов и падающих колонн.

Лишь только можно было расслышать человеческий голос, наместник позвал к себе раба:

– Беги к месту казни и повели от моего имени снять с креста пророка из Назарета!

Раб бросился исполнять поручение. Гости перешли из обеденного покоя в перистиль, чтобы быть под открытым небом на случай, если землетрясение повторится. В ожидании возвращения раба никто не решался выговорить ни слова.

Раб очень скоро вернулся и остановился перед наместником.

– Ты застал его еще живым? – спросил Пилат.

– Господин, он умер, и в тот самый миг, как он испустил дух, и произошло землетрясение.

Едва сказал он это, как раздался сильный стук в наружную дверь. Все вздрогнули и вскочили, как если бы земля снова затряслась.

Тотчас явился один из рабов.

– Это благородная Фаустина и Сульпиций, приближенные императора. Они прибыли просить тебя помочь им разыскать пророка из Назарета.

Тихий шорох прошел по перистиллю, и слышались легкие шаги. Когда наместник оглянулся, он увидел, что друзья покинули его, как человека, с которым стряслась беда.

Старая Фаустина снова прибыла на Капри и явилась к императору. Она рассказала обо всем случившемся и, пока говорила, она едва решалась взглянуть на него. За время ее отсутствия болезнь страшно продвинулась вперед, и Фаустина думала: «Если б у богов было сколько-нибудь милосердия, они дали бы мне умереть прежде, чем я скажу этому несчастному страдальцу, что для него нет никакой надежды».

К ее удивлению, Тиберий слушал ее с величайшим равнодушием. Когда она рассказала ему, что великий чудотворец был распят в тот самый день, когда она приехала в Иерусалим, и как близка была возможность спасти его, она заплакала, подавленная разочарованием. Но Тиберий только сказал:

– Так ты, действительно, сокрушаешься об этом? Ах, Фаустина, значит, целая жизнь, проведенная в Риме, не отняла у тебя веры в волшебников и чудодеев, веры, которую ты приобрела еще в детстве в Сабинских горах?

Тогда старая женщина поняла, что Тиберий никогда всерьез не ожидал помощи от пророка из Назарета.

– Так ради чего же ты позволил мне совершить путешествие в эту далекую страну, если все время считал его бесполезным?

– Ты мой единственный друг, – сказал император. – Зачем стал бы я отказывать тебе в твоей просьбе, пока еще в моей власти исполнить ее?

Но Фаустине не понравилось, что император не поверил ей.

– Опять твоя обычная хитрость, – сказала она, уже готовая вспылить. – Это то, что я больше всего не люблю в тебе.

– Тебе не следовало возвращаться ко мне, – возразил Тиберий. – Лучше оставалась бы ты в своих родных горах!

Одну минуту казалось, что у этих двух друзей, у которых так часто бывали нелады, снова произойдет ссора; но гнев Фаустины скоро утих. Прошли те времена, когда она могла не на шутку поссориться с императором. Она снова понизила голос.

Однако она все-таки не могла совершенно отказаться от попытки доказать Тиберию, что была права.

– Но этот человек действительно был пророк, – сказала она. – Я видела его. Когда его глаза встретились с моими, я подумала, что он – Бог. Это безумие, что я не могла помешать ему идти на смерть.

– Я рад, что ты дала ему умереть, – сказал Тиберий. – Он был оскорбителем Цезаря и бунтовщиком.

Фаустина опять была готова рассердиться.

– Я говорила о нем со многими из его друзей в Иерусалиме, – сказала она. – Он не совершил преступлений, в которых его обвинили.

– Если он и не совершил именно этих преступлений, то, наверное, был не лучше всех других людей, – устало промолвил император. – Где тот человек, который в течение своей жизни тысячу раз не заслужил бы смерти?

Но эти слова императора побудили Фаустину предпринять шаг, на который она до сих пор не решалась.

– Так я покажу тебе свидетельство его чудесной силы, – сказала она. – Я только что рассказывала тебе, что отерла ему лицо своим платком. Это тот самый платок, который я держу теперь в своей руке. Хочешь взглянуть на него?

Она развернула перед императором свой платок, и он увидел на нем бледный отпечаток человеческого лица.

Голос Фаустины дрожал от волнения, когда она заговорила опять:

– Этот человек видел, что я люблю его, и что сердце мое полно сострадания и веры в него. Не знаю, какой силой он смог оставить мне свое изображение. Но глаза мои наполняются слезами, когда я смотрю на него.

Император наклонился и стал рассматривать изображение, которое как будто было сделано кровью, слезами и черными тенями скорби. Постепенно перед ним выступило все лицо, каким оно запечатлелось на платке. Он увидел кровь на челе, колючий терновый венец, волосы, слипшиеся от кровавого пота, и уста, словно трепетавшие от страдания.

Все ниже и ниже наклонялся император над этим изображением. Все отчетливей и отчетливей выступал перед ним лик. Из-за смутных, как тени, очертаний перед ним засияли таившейся в них жизнью глаза. И, повествуя ему об ужаснейших муках, они в то же время явили ему чистоту и величие, каких никогда еще он не видел.

Он лежал на своем ложе, поглощая глазами это изображение.

– Человек ли это? – произнес он тихим, из глубины идущим голосом. – Человек ли это?

Снова умолк император и весь ушел в созерцание. Слезы заструились по его щекам.

– Я скорблю о твоей смерти, о ты, неведомый, – прошептал он. – Фаустина! – воскликнул он вдруг, – Зачем ты дала этому человеку умереть? Он исцелил бы меня!

И снова погрузился он в созерцание изображения.

– О человек! – сказал он, спустя некоторое время. – Если уж я не могу получить от тебя исцеления, то могу, по крайней мере, отомстить за тебя. Тяжело обрушится моя рука на тех, кто отнял тебя у меня.

Опять лежал он долго молча, но затем соскользнул на пол и стал на колени перед изображением.

– Ты – Человек, – сказал Тиберий. – Ты – то, чего я никогда не надеялся увидеть. – И, указывая на свое обезображенное лицо, на свои полусгнившие руки, прибавил – Я и все мы – дикие звери и чудовища, но ты – Человек!

Он так низко склонил голову перед изображением на платке, что она коснулась пола. – Смилостивься надо мной, о, неведомый! – произнес он, и слезы его оросили каменные плиты.

– Если бы ты остался жить, один взгляд на тебя даровал бы мне исцеление, – сказал он.

Бедная Фаустина испугалась того, что наделала. Было бы благоразумней, думала она, не показывать императору этого изображения. Она с самого начала боялась, что, если он увидит это лицо, скорби его не будет пределов.

И в отчаянии от горя императора она потянула к себе платок, чтобы император перестал смотреть на изображение пророка.

Тогда император поднял голову. И что же? Черты его лица преобразились; он был теперь совсем таким, как до болезни. Казалось, болезнь коренилась и получала себе пищу в той ненависти и в том презрении к людям, которые жили в сердце императора, и должна была исчезнуть в тот самый миг, как он познал любовь и сострадание.

На следующий день Тиберий повелел послать трех гонцов.

Первый гонец отправился в Рим и передал сенату приказ императора произвести расследование того, как Пилат управляет Палестиной, и подвергнуть его наказанию, если окажется, что он притесняет народ и присуждает невинных к смерти.

Второй гонец отправился к виноградарю и его жене, чтобы поблагодарить и вознаградить их за совет, данный императору, а также рассказать обо всем происшедшем. Выслушав все до конца, они тихо заплакали, а муж сказал:

– Я всю свою жизнь не перестану думать о том, что случилось бы, если б они оба – пророк и император – встретились.

Но жена возразила:

– Этого не могло произойти. Слишком велико было бы это событие. Господь Бог знал, что мир не мог бы его вынести.

Третий гонец отправился в Палестину и привез оттуда на остров Капри нескольких учеников Христа, и они начали проповедовать здесь учение, которое принес в мир Распятый на кресте.

Когда эти проповедники прибыли на Капри, старая Фаустина лежала на смертном одре. Но они успели еще до ее кончины приобщить ее к вере великого пророка и крестили ее. При крещении она получила имя Вероники, что значит – «истинное изображение», потому что ей было суждено принести людям истинный образ Спасителя.

Красношейка

Это было в то время, когда Бог творил мир, когда он создавал не только небо и землю, но также всех животных и все растения и тут же нарекал им имена.

Много рассказов сохранилось о том времени, и если бы все они были нам известны, мы получили бы объяснение всего того на свете, что теперь не можем понять.

Однажды, когда Господь Бог сидел в раю и окрашивал птичек, у него кончились все краски, так что щегленок остался бы неокрашенным, если бы Господь не вытер об его перышки все свои кисти.

И тогда же осел получил свои длинные уши за то, что никак не мог запомнить, какое ему было дано имя. Он забывал его, как только делал несколько шагов по райским лугам, и три раза возвращался и спрашивал, как же его зовут. Наконец, Господь Бог, потеряв терпенье, взял его за уши и сказал: – Осел твое имя, осел, осел!

И, говоря это, он тянул его за уши для того, чтобы он лучше слышал и запомнил свое имя.

И в тот же самый день была наказана пчела. Как только Бог создал пчелу, она тотчас же начала собирать мед, а животные и люди, услышав, как он сладко пахнет, стали подходить, чтобы попробовать его. Но пчела хотела все сохранить для себя одной и стала отгонять прочь своим ядовитым жалом всех, приближавшихся к ее сотам. Господь Бог увидел это, позвал к себе пчелу и сказал ей: «Ты получила от меня дар собирать мед, самую сладкую вещь в мире, но я не давал тебе права быть жестокосердной к твоим ближним. Помни же, что как только ты ужалишь кого-нибудь, кто захочет отведать твоего меду, ты умрешь!»

Тогда же и сверчок ослеп, и муравей потерял свои крылья. Много чудесного произошло в этот день!

Господь, великий и милостивый, весь день творил и призывал к жизни различные создания, и под вечер Ему пришла мысль создать маленькую серую птичку.

– Помни, что твое имя Красношейка! – сказал Господь птичке, создав ее. Он посадил ее на ладонь и она улетела.

Птичка полетала кругом, полюбовалась прекрасной землей, на которой ей суждено было жить, и ей захотелось взглянуть и на себя. Тогда она увидела, что вся серенькая и что шейка у нее тоже серая. Красношейка поворачивалась во все стороны и смотрела на свое отражение в воде, но не могла найти у себя ни одного красного перышка.

Птичка полетела обратно к Господу.

Господь сидел, милостивый и кроткий, и из рук Его вылетали бабочки и порхали вокруг Его головы; голуби ворковали у Него на плечах, а у ног Его распускались розы, лилии и маргаритки.

У маленькой пташки сильно билось от страха сердечко, но, описывая в воздухе легкие круги, она все-таки подлетала все ближе и ближе к Господу и, наконец, опустилась на Его руку.

Тогда Господь спросил, зачем она вернулась.

– Я только хотела спросить у Тебя об одной вещи, – сказала птичка.

– Что же ты хочешь знать? – сказал Господь.

– Почему я должна называться Красношейкой, когда я вся серая от клюва и до кончика хвоста? Почему мое имя Красношейка, когда у меня нет ни одного красного перышка?

Птичка умоляюще взглянула на Господа своими черными глазками и затем повернула головку. Она увидела вокруг себя фазанов, совсем красных, покрытых золотистым налетом, попугаев с пышными красными ожерельями, петухов с красными гребешками, не говоря уже о бабочках, золотых рыбках и розах. И она подумала, как мало нужно, всего лишь одну капельку краски на ее шейку, чтоб она сделалась красивой птичкой и по праву носила свое имя.

– Почему я называюсь Красношейкой, если я вся серая? – снова спросила она, ожидая, что Господь ей скажет: «Ах, дорогая. Я забыл окрасить перышки на твоей шейке в красный цвет. Подожди минутку, сейчас Я это исправлю».

Но Господь только тихо улыбнулся и сказал:

– Я назвал тебя Красношейкой, и ты всегда будешь носить это имя. Но ты сама должна заслужить красные перышки на своей шейке.

И Господь поднял руку и снова пустил птичку летать по белому свету.

Красношейка полетела по раю, глубоко задумавшись. Что может сделать такая маленькая птичка, как она, чтобы добыть себе красные перышки?

Она могла придумать только одно – свить себе гнездо в кусте шиповника. Она поселилась среди шипов, в самой середине куста. Она, казалось, надеялась, что лепесток цветка пристанет к ее горлышку и передаст ему свой цвет.

Бесконечное множество лет протекло с того дня, который был самым счастливым днем вселенной.

Давно уже животные и люди покинули рай и разошлись по всей земле. Люди научились возделывать землю и плавать по морям; делать себе одежду и украшения, строить величественные храмы и огромные города, как Фивы, Рим, Иерусалим.

И вот наступил другой день, которому тоже было суждено на долгие времена оставить память о себе в истории человечества. Утром этого дня Красношейка сидела на невысоком холмике за стенами Иерусалима и пела своим птенчикам, сидевшим в гнездышке в самой середине куста диких роз.

Красношейка рассказывала своим детям о чудесном дне творения и о том, как Господь давал всем имена. Эту историю рассказывала своим птенцам каждая Красношейка, начиная с самой первой, которая слышала слово Божие и вылетела из Его руки.

– И вот видите, – печально закончила она, – столько прошло лет с того дня, столько распустилось роз, столько птенчиков вылупилось из яиц, что никто не мог бы сосчитать их, а Красношейка так и осталась маленькой серенькой птичкой. Все еще не удалось ей заслужить себе красные перышки.

Малютки широко раскрыли свои клювы и спросили, неужели их предки не старались совершить какой-нибудь подвиг, чтобы добыть эти бесценные красные перышки.

– Мы все делали, что могли, – сказала мать, – но все терпели неудачу. Самая первая Красношейка встретила однажды другую птичку, такую же, как она, и полюбила ее так сильно, что почувствовала огонь в своей груди. «Ах, – подумала она, – теперь я понимаю: Господу угодно, чтоб я полюбила горячо-горячо, и тогда пламя любви, живущей в моем сердце, окрасит мне перья в красный цвет». Но она осталась без красных перышек, как и все другие после нее, как останетесь без них и вы.

Птенчики грустно защебетали, они начали уже горевать, что красным перышкам не суждено украсить их щеки и пушистых грудок.

– Мы надеялись и на то, что наше пение окрасит наши перышки, – продолжала мать-Красношейка. – Уже самая первая Красношейка пела так, что грудь у нее трепетала от вдохновения и восторга, и в ней опять родилась надежда. «Ах, – думала она, – огонь и пылкость, с которыми я пою и которые живут в моей душе – вот что окрасит в красный цвет мою грудь и шейку». Но она тоже ошиблась, как и все другие после нее и как суждено ошибаться и вам.

Снова послышался печальный писк из полуголых горлышек птенцов.

– Мы надеялись также на наше мужество и храбрость, – продолжала птичка. – Уже самая первая Красношейка храбро сражалась с другими птицами, и грудь ее пламенела воинской отвагой. «Ах, – думала она, – мои перышки окрасит в красный цвет жажда битвы и победы, пламенеющая в моем сердце». Но ее постигло разочарование, как и всех других после нее и как будете разочарованы и вы.

Птенчики отважно щебетали, что они тоже попытаются добыть красных перышек, но мать с грустью отвечала им, что это невозможно. На что могут они надеяться, когда стольким замечательным предкам не удалось достигнуть цели? Что еще могут они сделать – ведь оказывается недостаточно любить, петь и сражаться? Что могут они еще...

Птичка остановилась на полуслове, потому что из ворот Иерусалима вышла многолюдная процессия, направлявшаяся к холму, где было гнездышко Красношейки.

Тут были всадники на гордых конях, воины с длинными копьями, палачи с гвоздями и молотками; тут важно шествовали священники и судьи, шли горько плачущие женщины и множество отвратительно завывающих уличных бродяг.

Маленькая серая птичка сидела, дрожа всем телом, на краю своего гнезда. Она боялась, что толпа растопчет куст шиповника и уничтожит ее птенчиков.

– Берегитесь, – говорила она беззащитным малюткам. – Прижмитесь друг к другу и не шевелитесь! Вот прямо на нас идет лошадь! Вот приближается воин в подбитых железом сандалиях! Вот вся эта дикая толпа несется на нас! Но вдруг птичка умолкла и притихла. Она словно забыла об опасности, которая угрожала ей и ее птенцам. Внезапно она слетела вниз, в гнездо и прикрыла птенцов крыльями.

– Нет, это слишком ужасно, – сказала она, – Я не хочу, чтобы вы это видели. Они будут распинать трех разбойников.

И она раскрыла крылья, так что птенцы ничего не могли видеть. Они только слышали гулкие удары молотков, жалобные вопли казнимых и дикие крики народа.

Красношейка следила за всем происходившим, и глазки ее расширялись от ужаса. Она не могла оторвать взгляда от трех несчастных.

– До чего жестоки люди! – подумала она – Мало того, что они пригвоздили этих страдальцев к кресту, одному из них они надели на голову венец из колючего терна.

– Я вижу, что терновые иглы изранили ему лоб, и по нему течет кровь, – продолжала птичка. – А между тем этот человек так прекрасен, взор его так кроток, что его нельзя не любить. Точно стрела пронзает мне сердце, когда я смотрю на его мучения.

Маленькая птица все сильнее и сильнее жалела распятого в терновом венце. «Была бы я орлом, моим братом, – думала она, – я вырвала бы гвозди из рук этого страдальца и своими крепкими когтями отогнала бы прочь его мучителей».

Красношейка видела, как капает кровь с лица распятого, и не могла больше усидеть в своем гнезде.

– Хотя я и мала, и слаба, я должна что-нибудь сделать для этого несчастного мученика, – подумала она. И она выпорхнула из гнезда и взлетела вверх, описывая в воздухе широкие круги над головой распятого.

Она кружилась некоторое время над ним, не решаясь подлететь ближе, – ведь она была робкая маленькая птичка, никогда не приближавшаяся к человеку. Но мало-помалу она набралась храбрости, подлетела прямо к страдальцу и вырвала клювом один из шипов, вонзившихся в его чело.

В это время на ее шейку упала капля крови распятого. Она быстро растеклась и окрасила собой все нежные перышки на шейке и грудке птички.

Распятый открыл глаза и шепнул Красношейке: «В награду за свое милосердие ты получила то, о чем мечтало твое племя с самого дня сотворения мира».

Как только птичка вернулась в свое гнездо, птенчики закричали:

– У тебя шейка красная, и перышки на твоей груди краснее розы!

– Это только капля крови с чела бедного страдальца, – сказала птичка. – Она исчезнет, как только я выкупаюсь в ручье.

Но сколько ни купалась птичка, красный цвет не исчезал с ее шейки, а когда ее птенчики выросли, красный, как кровь, цвет засверкал и на их перышках, как сверкает он и поныне на горлышке и грудке всякой Красношейки.

Господь и апостол Петр

Это случилось в то время, когда Господь и апостол Петр только что явились в рай после многих скорбных лет странствий по земле и бесчисленных страданий и невзгод.

Не трудно представить, какая это была радость для апостола Петра. Ведь сидеть на вершине райской горы и созерцать оттуда мир Божий – это совсем не то, что скитаться, подобно нищему, от двери к двери. И прохаживаться по чудесным райским садам намного лучше, чем бродить по земле и не знать, будет ли у тебя кров в бурную ночь или ты будешь вынужден тащиться по дороге в холод и мрак.

Можно себе представить, какая это была радость – прийти, наконец, после таких тяжелых страданий туда, куда стремился. Ведь апостол Петр далеко не всегда был уверен в том, что все кончится благополучно. Нередко он мучился сомнениями и беспокойством. Бедный апостол Петр порой не мог понять, ради чего они должны переносить столько бедствий, если Господь – владыка вселенной?!

А теперь никогда больше он не будет томиться тоской. Можно себе представить, какое он испытывал счастье.

Теперь он мог с улыбкой вспомнить все злоключения и страдания, которые ему с Господом пришлось пережить, и всю тяжесть их существования.

Был во время их странствий один печальный день, когда апостол Петр уже думал, что страдания превосходят его силы. Тогда Господь взял его с собой и стал подниматься на высокую гору, не говоря ему, зачем они туда идут.

Они миновали города, лежавшие у подножья горы, и замки, стоявшие выше. Они прошли мимо крестьянских дворов и пастушьих хижин и оставили позади себя последнюю лачугу дровосека.

Наконец они достигли совершенно обнаженной вершины горы. Здесь не росло ни кустарников, ни деревьев, и стояла только лачуга какого-то отшельника, которую он выстроил, чтобы давать в ней приют бедным странникам.

Затем они прошли через снежные равнины, где лежали погруженные в спячку животные, и достигли дико нагроможденных пустынных ледников, среди которых едва ли могла пробраться и серна.

Здесь, на этой высоте, Господь нашел на льду маленькую замерзшую красногрудую птичку. Он поднял маленькую малиновку и спрятал ее в складках своей одежды. И апостол Петр вспомнил, что он задал тогда себе вопрос, не пойдет ли им эта птичка на обед.

Долго шли они по скользким ледяным глыбам, и апостолу Петру казалось, что никогда еще он не был ближе к царству смерти; ледяное дыхание ветра и мрачный, как смерть, туман окружали их, и, насколько он мог видеть и слышать, не было здесь, кроме них, ни одного живого существа. А между тем они успели подняться еще только до середины горы.

Тогда апостол Петр стал просить Господа вернуться назад.

– Подожди, – сказал Господь, – я хочу показать тебе нечто, что даст тебе мужество переносить все лишения.

Поэтому они двинулись дальше сквозь мглу и стужу, пока не достигли высокой отвесной стены, преградившей им путь.

– Эта стена окружает всю гору, – сказал Господь, – и ты нигде не сможешь перебраться через нее. Ни один из живущих на земле не может увидеть, что находится за ней, ибо здесь находится преддверие рая, а там, за стеной, обитают души праведников.

Но на лице апостола Петра невольно выразилось недоверие.

– Там не мрак и не стужа, как здесь, – сказал Господь. – Там вечно зеленое лето и яркий блеск солнца и звезд.

Но апостол Петр не мог заставить себя поверить ему.

Тогда Господь вынул птичку, которую подобрал на ледяной равнине и, откинувшись назад, перебросил ее через стену, так что она очутилась по ту ее сторону.

И тотчас же апостол Петр услышал радостное, ликующее щебетание; он с изумлением узнал пение малиновки.

Тогда он обернулся к Господу и сказал:

– Сойдем опять на землю и будем терпеть все, что нужно претерпеть, ибо я вижу теперь, что ты говоришь истину и что есть такое место, где жизнь побеждает смерть.

И они спустились с горы и снова начали свои скитания.

После этого апостол Петр в течение долгих лет ни о чем не мечтал, кроме рая, и все думал о стране, лежащей за стеной. И вот теперь, наконец, он здесь: ему незачем больше томиться по этой стране. Целыми днями он может теперь полными пригоршнями черпать себе блаженство из ее неиссякаемых источников.

Но не прошло и двух недель, как однажды к сидевшему на престоле Господу вдруг приблизился ангел, положил перед ним семь поклонов и поведал, что с апостолом Петром случилось, должно быть, какое-то большое несчастье. Он не ест и не пьет, и глаза у него красны, словно он не спал уже несколько ночей.

Услышав это, Господь поднялся и пошел разыскивать апостола Петра.

Он нашел его на дальней окраине рая. Апостол Петр лежал на земле, словно он был так изнеможен, что не в силах был стоять. Одежда его была разорвана, голова посыпана пеплом.

Увидев его в таком горе, Господь сел рядом с ним и заговорил так же, как говаривал в то время, когда они еще продолжали странствовать по земной юдоли страданий.

– Что тебя так печалит, Петр? – спросил Господь.

Но горе так овладело апостолом Петром, что он не в силах был ответить.

– Что тебя так печалит, Петр? – снова спросил Господь.

Когда Господь повторил вопрос, апостол Петр снял со своей головы золотой венец и бросил его к ногам Господа, как бы говоря этим, что он не хочет больше иметь доли в его славе и величии.

Но Господь хорошо понимал, что в своем великом отчаянии апостол Петр сам не знает, что делает. Он не разгневался на него.

– Скажи же мне, наконец, что тебя так мучает, – произнес он так же кротко, как и прежде, и с еще большей любовью в голосе.

Но тут апостол Петр вскочил, и Господь увидел, что он не только опечален, но и разгневан. Он подошел к Господу со сжатыми кулаками и сверкающими глазами.

– Я хочу просить освободить меня от служения тебе, – сказал он. – Ни одного дня не могу я больше оставаться в раю.

Господь попытался успокоить его, как делал это много раз и раньше, когда апостол Петр горячился.

– Ты, конечно, можешь уйти, – сказал он, – но ты должен сначала сказать мне, что тебе здесь не нравится.

– Я могу сказать тебе, что я ожидал лучшей награды, когда мы вместе терпели великие бедствия на земле, – сказал апостол Петр.

Господь видел, что душа апостола Петра преисполнена горечи, и не почувствовал против него гнева.

– Говорю тебе, что ты волен идти, куда хочешь, – сказал он, – объясни мне только, что тебя огорчает.

Тогда апостол Петр рассказал, наконец, в чем его несчастье.

– У меня была старуха-мать, – сказал он, – и несколько дней тому назад она умерла.

– Теперь я знаю, что тебя мучает, – сказал Господь. – Ты страдаешь оттого, что твоя мать не попала в рай.

– Да, – ответил апостол Петр, и его охватило такое горе, что он начал рыдать и стонать.

– Я думаю, что я заслужил, чтобы она была здесь со мной, – сказал он.

Но когда Господь узнал, о чем скорбит апостол Петр, он тоже огорчился, ибо не таким человеком была мать апостола Петра, чтобы могла сподобиться Царствия Небесного. Всю свою жизнь она думала только о деньгах, и беднякам, стучавшимся в ее дверь, никогда не подала ни гроша денег, ни кусочка хлеба. Но Господь понимал, что апостол Петр не может взять в толк, что его мать была так скупа, что теперь недостойна небесного блаженства.

– Петр, – сказал Господь, – ты уверен, что твоей матери будет здесь хорошо?

– Ну, это ты говоришь только для того, чтобы не исполнить моей просьбы, – сказал апостол Петр. – Кому же не будет хорошо в раю?

– Кто не умеет радоваться чужой радости, тот не может быть здесь счастлив, – сказал Господь.

– Тогда есть тут и другие, кроме моей матери, кому здесь не место, – сказал апостол Петр, и Господь видел, что он думает о нем.

И глубоко опечалился Господь тем, что апостол Петр так поглощен своим горем, что уже не понимает, что говорит. Он постоял немного, надеясь, что апостол Петр раскается и поймет, что его матери не место в раю, но тот и не думал об этом.

Тогда Господь призвал к себе ангела и повелел ему спуститься в ад и перенести оттуда в рай мать апостола Петра.

– Так позволь уж мне посмотреть, как он будет переносить ее, – сказал апостол Петр.

Господь взял апостола Петра за руку и повел его к скале, круто падавшей вниз. И он показал ему, что стоит только слегка нагнуться над пропастью, чтоб увидеть прямо перед собой ад.

Когда апостол Петр заглянул вниз, он сначала не мог ничего различить; он словно смотрел в глубокий колодец. Точно бездонная пропасть разверзлась под ним.

Первое, что он мог смутно разглядеть, был ангел, который уже пустился в путь в бездну. Апостол Петр видел, как ангел без всякого страха несся вниз, в непроницаемую тьму, и только не во всю ширь расправлял свои крылья, чтобы не слишком быстро спускаться.

Когда же глаза апостола Петра немножко привыкли к мраку, он начал видеть все больше и больше. Он увидел, во-первых, что рай расположен на горе, кольцом окружаящей бездонную пропасть, в которой томятся грешники. Он видел, как ангел очень долго спускался и спускался, все еще не достигая дна. Эта страшная глубина адской пропасти испугала апостола Петра.

– Лишь бы только он смог вернуться сюда вместе с моей матерью! – сказал он.

Господь только взглянул на апостола Петра большими, грустными глазами.

– Нет такой тяжести, которой мой ангел не мог бы поднять! – произнес он.

Так глубока была бездна, что туда не проникали солнечные лучи; сплошной мрак царил там. Но ангел во время своего полета как будто внес с собой немного света, так что апостол Петр мог разглядеть, что представляет собой эта пропасть.

Это была беспредельная, черная пустыня. Крутые, остrokонечные скалы покрывали все ее дно, а между ними поблескивали лужи черной воды. Ни одной зеленой былинки не было тут, ни одного деревца, ни малейшего признака жизни.

И всюду на острых скалах видны были карабкавшиеся по ним грешники. Они висели над утесами, на которые взобрались в надежде спастись из бездны, но, увидев, что им некуда уйти отсюда, так и оставались наверху, окаменев от отчаяния.

Апостол Петр видел, как одни из них сидят или лежат, вытянув руки в безысходной тоске, с неподвижным, устремленным вверх взором. Другие закрыли лицо руками, как бы стараясь не видеть ужаса, окружавшего их. Все оставались недвижимы; никто из них не шевелился. Некоторые лежали в лужах воды, не пытаясь выбраться из них.

Но более всего приводило в содрогание то, что грешников было так много. Все дно ущелья как будто было сплошной массой тел и голов.

И новая тревога охватила апостола Петра.

– Ты увидишь, что он не найдет ее, – сказал он Господу.

Господь посмотрел на него так же печально, как прежде. Он хорошо знал, что апостолу Петру не следует беспокоиться об ангеле.

Но апостолу Петру казалось, что ангелу не удастся найти его мать среди великого множества осужденных на вечные мучения. Ангел, взмахивая крыльями, реял над дном пропасти в поисках матери апостола Петра.

Вдруг один из несчастных грешников увидел ангела. Он вскочил, простер к нему руки и закричал:

– Возьми меня с собой, возьми меня! И разом все оживилось. Все миллионы миллионов изнывавших в аду в одно мгновение вскочили, подняли руки и стали взывать к ангелу, моля его перенести их в райскую обитель.

Вопли грешников были слышны даже наверху, где стояли Господь и апостол Петр, и наполнили трепетом скорби их сердца.

Ангел высоко парил над грешниками; но пока он носился в поисках матери апостола Петра, все они мчались вслед за ним, точно гонимые вихрем.

Наконец, ангел увидел ту, которую должен был взять. Он сложил над спиной крылья и, как молния, ринулся вниз. И апостол Петр вскрикнул от радости, видя, как ангел обвил рукой и поднял его мать.

– Да будешь благословен ты, несущий ко мне мою мать! – сказал он.

Господь тихо положил руку на плечо апостола Петра, как бы предупреждая его, что он не должен слишком рано предаваться радости.

Но апостол Петр готов был плакать от счастья, что мать его спасена. Он не мог представить себе, что что-нибудь еще может разлучить их. И радость его еще усилилась, когда он увидел, что, как ни быстро поднял ангел его мать, все же некоторым грешникам удалось ухватиться за душу, которую ожидало спасение, чтоб и самим перенестись в рай вместе с ней.

Их, наверное, не менее дюжины повисло на плечах старой женщины, и апостол Петр подумал, что это великая честь для его матери – помочь стольким несчастным избавиться от гибели.

Ангел, со своей стороны, ничего не делал, чтобы помешать им. Казалось, ноша совсем не была для него тяжелой. Он поднимался все выше и выше, и взмахи его крыльев были так легки, словно он нес на небо мертвую птичку.

Но вдруг апостол Петр увидел, что мать его начала освобождаться от уцепившихся за нее грешников. Она хватала их за руки и разжимала их пальцы, так что несчастные один за другим падали стремглав в ад.

Апостолу Петру было слышно, как они умоляли ее о пощаде, но старуха, очевидно, не хотела и подумать, чтобы кто-нибудь кроме нее получил вечное блаженство. Она освобождалась от несчастных, сбрасывая их одного за другим в пучину ада. И, когда они падали туда, все пространство оглашалось стенаниями и проклятиями.

Тогда апостол Петр окликнул свою мать и стал молить ее быть милосердной, но она ничего не хотела слышать и продолжала делать по-своему. И апостол Петр увидел, что ангел поднимается тем медленнее, чем легче становится его ноша.

И такой великий страх охватил апостола Петра, что ноги у него подкосились, и он упал на колени.

Наконец, осталась только одна единственная из всех грешных душ, крепко прижавшаяся к матери апостола Петра. То была молодая женщина, повисшая у нее на шее и умолявшая ее взять вместе с собой в рай.

В это время ангел со своей ношей был настолько близко от рая, что апостол Петр уже протягивал руки, чтобы принять свою мать. Ему казалось, что ангелу оставалось сделать лишь два-три взмаха крыльями, чтобы очутиться на вершине горы.

Но вдруг ангел совсем перестал двигать крыльями, и лик его сделался темнее ночи.

Ибо старуха, закинув назад руки, вцепилась ими в висевшую на ее спине грешницу, стараясь оторвать ее от себя.

Наконец, ей удалось разжать ее стиснутые пальцы и она освободилась и от этой последней души.

Когда грешница рухнула вниз, ангел опустил немного и, казалось, не в силах был больше взлететь.

Он посмотрел на старуху с глубокой скорбью во взоре; его руки отделились от ее тела, и он выронил ее, словно она сделалась для него слишком тяжелой ношей с той минуты, как осталась одна.

Затем одним взмахом крыльев он взлетел в рай.

Апостол Петр еще долго лежал на том же месте, громко рыдая. Господь же молча стоял возле него.

– Петр, – сказал наконец Господь, – никогда бы я не подумал, что будешь так плакать, живя в раю.

Тогда старый слуга Господа поднял голову и воскликнул:

– Как я могу быть счастлив, когда слышу здесь вопли самых дорогих мне и вижу страдания моих собратьев!

Лик Господень омрачился глубочайшей печалью.

– Ничего бы я так не желал, – сказал он, – как всем вам даровать рай, полный одного только светлого счастья. Разве ты не понимаешь, что только ради этого я сошел на землю к людям и учил их любить ближних, как самих себя? Ведь без такой любви не найдется ни на земле, ни в небесах места, где не могли бы настичнуть их мучения и горе.

Свеча от Гроба Господня

Много, много лет тому назад, когда Флоренция только что была провозглашена республикой, жил в ней человек по имени Раниеро ди Раниери. Он был сын оружейного мастера и знал ремесло своего отца, но не очень-то любил его. Этот Раниеро был необыкновенно сильный человек. О нем говорили, что железные доспехи он может носить так же легко, как другой – шелковую рубашку. Он был еще молод, но уже много раз доказывал свою силу. Однажды ему пришлось быть в одном доме, на чердаке которого было ссыпано зерно. Но зерна оказалось слишком много, и как раз тогда, когда Раниеро был в доме, одна из чердачных балок надломилась, и весь потолок грозил обрушиться. Все выбежали на улицу, кроме одного Раниеро. Он поднял руки и поддерживал потолок до тех пор, пока люди не натаскали балок и жердей, чтобы подпереть его.

Раниеро слыл также величайшим храбрецом, какой когда-либо жил во Флоренции, и неутомимым в бою. Как только с улицы доносился шум, он стремглав бросался вон из мастерской, в надежде, что завяжется драка, в которой и он сможет принять участие. Лишь бы только был случай вступить в борьбу; сражался же он одинаково охотно и с одетыми в железные латы рыцарями, и с простыми поселянами. Он, как бешеный, кидался в бой, не считая, сколько у него противников.

В то время Флоренция была не особенно могущественна. Население ее состояло, главным образом, из прядильщиков и ткачей, которые больше всего дорожили возможностью мирно трудиться. В городе было немало даровитых людей, но они не отличались воинственностью и славу для себя видели в том, чтобы установить во Флоренции наилучшие законы и порядок.

Раниеро часто сетовал на то, что не родился в стране, управляемой королем, который собирал бы вокруг себя храбрых воинов. И всякий раз он прибавлял, что в такой стране он достиг бы великой славы, почестей и высокого положения.

Раниеро был хвастлив и криклив, жесток с животными, груб со своей женой и неуживчив с людьми. Его можно было бы назвать красивым мужчиной, если бы несколько глубоких шрамов не безобразили его лица. Он был быстр в принятии решений, а его поступки, хотя часто необузданные, говорили о широкой натуре.

Раниеро был женат на Франческе, дочери Джакопо дель Уберти, мудрого и влиятельного человека.

Джакопо не очень-то хотелось выдавать свою дочь за такого буяна, как Раниеро, и он изо всех сил противился этому браку. Но Франческа заставила отца уступить, сказав ему, что никогда не выйдет замуж ни за кого другого. Когда Джакопо дал, наконец, свое согласие, он обратился к Раниеро со следующими словами:

– По моим наблюдениям, таким мужчинам, как ты, легче приобрести любовь женщины, чем сохранить ее; поэтому я хочу взять с тебя обещание, что если моей дочери будет так тяжело жить с тобой, что она пожелает вернуться в мой дом – ты по первому слову отпустишь ее ко мне.

Франческа возразила, что подобное условие совершенно излишне – Раниеро так дорог ей, что ничто не в силах разлучить ее с ним. Раниеро же тотчас же дал это обещание.

– Можешь быть уверен, Джакопо, – сказал он, – что я не буду удерживать у себя женщину, которая вздумает уйти от меня.

Франческа вошла в дом Раниеро и на первых порах все шло у них хорошо. Спустя несколько недель после их свадьбы Раниеро вздумал поупражняться в стрельбе в цель. Несколько дней подряд он стрелял в картину, висевшую на стене. Он скоро пристрелялся и бил без промаха. Под конец ему захотелось попробовать свою меткость на какой-либо более трудной цели. Он стал подыскивать подходящую мишень, но ничего не нашел, кроме перепела, висевшего в клетке над воротами. Птица принадлежала Франческе, которая очень любила ее, но Раниеро приказал слуге отворить клетку и, когда перепел взвился в воздух, застрелил его на лету.

Этот выстрел показался ему очень удачным и он стал хвалиться им перед каждым, кто только готов был его слушать.

Когда Франческа узнала, что Раниеро убил ее любимую птицу, она побледнела и посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Она недоумевала, как мог он так огорчить ее. Но она тотчас же простила его и продолжала любить его по-прежнему.

Все опять шло хорошо некоторое время.

Тесть Раниеро, Джакопо, был ткачом. Он имел большую мастерскую, где всегда было много заказов. Раниеро показалось, будто в мастерской Джакопо примешивают в лен пеньку, и он стал рассказывать об этом всему городу. Дошли эти сплетни и до Джакопо, и он тотчас же решил положить им конец. Он предложил нескольким другим ткачам исследовать его пряжу и ткани, и они нашли, что все это был чистейший лен. Только в одном тюке, предназначавшемся для вывоза из Флоренции, была найдена небольшая примесь.

Джакопо заявил, что этот обман был совершен без его ведома кем-нибудь из его подмастерьев. Но он сам понимал, что ему трудно будет заставить всех поверить этому. Он всегда славился своей честностью, и тяжело было ему сознавать, что имя его запятнано.

Раниеро же гордился тем, что ему удалось раскрыть мошенничество, и похвалялся этим даже при Франческе.

Она была глубоко опечалена и удивлена, как и тогда, когда он убил ее любимую птичку. Она упорно думала о поступках мужа и ей вдруг показалось, что она видит перед собой свою любовь и эта любовь подобна большому куску блестящей золотистой ткани. Она видела, как велика эта любовь и как прозрачна. Но с одного конца кусок ткани был отрезан, так что она не была уже так велика и так чудесна, как вначале.

Впрочем, она была еще так мало повреждена, что Франческа думала: «Моей любви, наверное, еще хватит на всю мою жизнь. Она так велика, что конца ей никогда не будет».

Прошло еще некоторое время, она и Раниеро были так же счастливы, как в самом начале.

У Франчески был брат по имени Таддео. Он ездил в Венецию по торговым делам и купил себе там платье из шелка и бархата. Возвратившись в родной город, он стал им хвастаться; но во Флоренции не было в обычае одеваться роскошно, так что многие смеялись над ним.

Однажды вечером Таддео и Раниеро были вместе в таверне. На Таддео был зеленый плащ с собольей опушкой и фиолетовый камзол. Раниеро подпоил шурина и, когда тот заснул, снял с него плащ и повесил его на пугало, стоявшее в одном огороде.

Когда Франческа услышала об этом, гнев на Раниеро снова охватил ее. И тотчас же она увидела перед собой кусок золотистой ткани, изображавшей ее любовь, и ей показалось, что ткань эта все уменьшается, так как Раниеро сам отрезает от нее кусок за куском.

После этого между ними снова установился мир и все шло хорошо, но Франческа не была так счастлива, как прежде. Она постоянно ожидала, что Раниеро опять совершит какой-нибудь поступок, который нанесет рану ее любви.

Франческе долго не пришлось ждать, потому что Раниеро никогда не мог жить спокойно. Ему хотелось, чтобы все только о нем и говорили, чтобы неустанно удивлялись его смелости и отваге.

На верхушке одной из башен флорентийского собора, который был тогда гораздо ниже теперешнего, кем-то из предков Франчески был повешен большой тяжелый щит. Говорили, что такого тяжелого щита не было никогда ни у кого другого во всей Флоренции, и весь род Уберти гордился тем, что один из его представителей смог подняться на башню и повесить там этот щит.

Но вот однажды Раниеро снял щит, повесил его себе на спину и спустился с ним с собора.

Когда Франческа узнала об этом, она впервые высказала Раниеро то, что ее мучило, и стала просить его, чтоб он не старался унижать тот род, к которому она принадлежит. Раниеро, ожидавший, что она будет восхвалять его за его подвиг, страшно рассердился. Он сказал ей в ответ, что давно заметил, что она не радуется его успехам, а думает только о своей родне.

– Я думаю совсем о другом, – с грустью сказала Франческа, – и это другое – моя любовь. Я не знаю, что станет с ней, если ты будешь и дальше так поступать.

С этого времени им часто приходилось ссориться, так как Раниеро всегда ухитрялся делать то, что могло глубоко опечалить Франческу.

В мастерской Раниеро был подмастерье, щедушный и хромой. Он полюбил Франческу, когда она была девушкой, и продолжал любить ее и после ее замужества. Раниеро, знавший об этом, любил потешаться над ним, особенно когда они вместе сидели за столом. Наконец, дело дошло до того, что несчастный, не будучи в силах выносить

насмешек в присутствии Франчески, кинулся однажды на Раниеро и хотел сразиться с ним. Но Раниеро только презрительно усмехнулся и ногой отшвырнул его в сторону. Тогда бедняга почувствовал, что жизнь стала ему нелегкой; он пошел и повесился.

Это случилось, когда Раниеро и Франческа были женаты около года. Франческе по-прежнему казалось, что любовь ее расстилается перед ней в виде блестящей, драгоценной ткани, но со всех сторон из нее были отрезаны большие куски, и едва ли в ней оставалась половина того, что было вначале.

Молодая женщина испугалась, когда увидела это, и подумала про себя: «Если я еще год останусь с Раниеро, он окончательно уничтожит мою любовь. Я сделаюсь тогда так несчастна, как была до сих пор счастлива».

Тогда она решила покинуть дом Раниеро и вернуться к своему отцу, чтобы никогда не наступил тот день, когда она так же сильно возненавидит мужа, как еще и теперь она его любила.

Джакопо Уберти сидел за своим ткацким станом, а вокруг него работали все его подмастерья, когда он увидел входящую в его дом Франческу. Он сказал, что, наконец, случилось то, чего он давно ждал, и радушно приветствовал свою дочь. Он тотчас же велел всем своим людям прекратить работу, вооружиться и запереть дом.

Затем Джакопо отправился к Раниеро. Он застал его в мастерской.

– Моя дочь вернулась сегодня ко мне и просила позволения жить снова под моим кровом, – сказал он своему зятю.

– И я надеюсь теперь, что ты, как обещал когда-то, не станешь принуждать ее возвратиться.

Раниеро, по-видимому, отнесся к случившемуся не особенно серьезно и ответил спокойно:

– Если б даже я и не давал раньше тебе никакого обещания, я не стал бы требовать обратно женщину, не желающую быть моей.

Он знал, как сильно любит его Франческа, и говорил самому себе: «Еще вечер не наступит, как она снова будет здесь».

Но она не явилась ни в тот день, ни на следующий.

На третий день Раниеро вышел из дому и пустился в погоню за двумя разбойниками, давно уже беспокоившими флорентийских купцов. Ему удалось с ними справиться, и он связанными привел их обоих во Флоренцию.

Два-три дня он просидел спокойно, дожидаясь, когда этот его подвиг делается известным всему городу. Но вышло не так, как он надеялся, и его удалство не вернуло ему Франческу.

Раниеро очень хотелось на основании закона принудить Франческу вернуться в его дом, но он понимал, что не может этого сделать вследствие данного им обещания. Жить же в одном городе с женой, которая его покинула, ему казалось невозможным, и поэтому он уехал из Флоренции.

Сначала он нанялся в солдаты, а вскоре сам сделался предводителем отряда добровольцев-наемников. Он участвовал во многих битвах и служил многим государям.

Он заслужил большую известность и славу как военачальник, как всегда сам предсказывал. Император посвятил его в рыцари, и он считался теперь вельможей.

Уезжая из Флоренции, он дал обет перед статуей святой Мадонны в соборе присылать в дар Пресвятой Деве все самое дорогое и самое прекрасное, что он добудет в бою. И у подножия этой статуи постоянно можно было видеть драгоценные приношения Раниеро.

Раниеро знал таким образом, что подвиги его известны в его родном городе. Он удивлялся, почему Франческа дель Уберти не возвращается к нему, раз она знает обо всех его успехах.

В это время рыцарей призывали участвовать в Крестовом походе для освобождения Гроба Господня, и Раниеро, взяв крест, отправился на Восток. Он надеялся завоевать себе там замки и владения, но, кроме того, он рассчитывал совершить теперь такие блистательные подвиги, что Франческа снова полюбит его и вернется к нему.

В ночь после того дня, когда был взят Иерусалим, в лагере крестоносцев у стен города было большое веселье. Почти в каждом шатре шла попойка, и далеко кругом были слышны шум и хохот.

Раниеро ди Раниери тоже пировал с некоторыми боевыми товарищами, и у него было, пожалуй, еще разгульней, чем в других шатрах. Слуги едва успевали наполнять кубки, как они уже оказывались опорожненными.

Раниеро более чем кто-либо, имел повод праздновать победу, потому что в этот день он отличился, как никогда. Утром, при взятии Иерусалима приступом, он первым, рядом с Готфридом Бульонским, вступил на городские стены и вечером перед всем войском его чествовали за храбрость.

Когда кончились грабеж и резня и когда крестоносцы в власяницах и с незажженными восковыми свечами в руках вступили в храм Гроба Господня, Готфрид объявил Раниеро, что ему разрешается первому зажечь свою свечу у священного пламени, горящего перед гробом Спасителя. Раниеро подумал, что Готфрид хочет этим показать, что считает его самым храбрым во всем войске, и очень обрадовался подобной награде за свои подвиги.

Около полуночи, когда у Раниеро и его гостей веселье было в самом разгаре, в его шатер вошел в сопровождении двух музыкантов шут, расхаживавший по всему стану и забавлявший воинов своими выдумками. Шут попросил у Раниеро позволения рассказать смешную историю.

Раниеро знал, что этот шут славится как большой выдумщик, и согласился выслушать его рассказ.

– Случилось однажды, – начал шут, – что Господь и апостол Петр целый день просидели на самой высокой башне райской твердыни и все смотрели оттуда на землю. Им столько пришлось там увидеть, что у них почти не было времени перекинуться словечком друг с другом. Господь все время был спокоен, но апостол Петр то хлопал от радости в ладоши, то отворачивался с отвращением. Он то смеялся и ликовал, то плакал и сокрушался. Наконец, когда день уже склонялся к вечеру и сумерки спускались над раем, Господь обернулся к апостолу Петру и сказал, что теперь он должен радоваться и быть доволен.

– Чему это я должен радоваться? – запальчиво спросил апостол Петр.

– Да как же, – кротко ответил Господь, – я думал, что ты должен быть доволен тем, что видел сегодня. – Но эти слова не смягчили апостола Петра.

– Правда, – сказал он, – в течение многих лет я сетовал на то, что Иерусалим находится во власти неверных, но после всего, что произошло сегодня, я думаю, что лучше бы все оставалось по-прежнему.

Раниеро понял теперь, что шут говорит о том, что произошло в этот день. И он, и другие рыцари стали прислушиваться к рассказу с большим вниманием, чем вначале.

– С этими словами, – продолжал шут, бросая лукавый взгляд на рыцарей, – апостол Петр перегнулся через зубцы башни и указал Господу на город на вершине высокой скалы, одиноко поднимающейся из горной ложины. «Видишь Ты там груды трупов, – сказал он, – видишь Ты кровь, заливающую улицы, видишь нагих, несчастных пленников, стонущих среди ночной стужи, видишь Ты все эти дымящиеся пожарища?»

– Господь ничего не хотел, по-видимому, сказать ему в ответ, но апостол Петр продолжал сокрушаться. Он говорил, что хотя много раз негодовал на этот город, никогда не желал ему такого несчастья, какое теперь обрушилось на него. Тогда Господь нарушил молчание и попытался возразить. «Не можешь же ты отрицать, – сказал он, – что христианские рыцари с величайшей отвагой шли на гибель».

Тут возгласы одобрения прервали речь шута, но он поспешил продолжать.

– Нет, не перебивайте меня! – сказал он. – Теперь я забыл, на чем остановился ... Да, я хотел, кажется, сказать, что апостол Петр отер слезы, выступившие у него на глазах и мешавшие ему видеть. «Никогда бы я не мог поверить, что они окажутся свирепыми, как дикие звери, – сказал он. – Ведь они весь день только убивали и грабили. Я не понимаю, как мог Ты предать себя на распятие, чтобы приобрести себе потом таких последователей».

Рыцарям понравилась шутка. Они начали громко и весело смеяться.

– Неужели, шут, апостол Петр так гневался на нас? – крикнул один из них.

– Замолчите! Послушаем лучше, не стал ли Господь защищать нас! – подхватил другой.

– Нет, Господь долго оставался безмолвен, – сказал шут. – Он знал с давних пор, что когда апостол Петр дал волю своему гневу, ему не стоит противоречить. Апостол Петр продолжал горячиться и сказал, что Господь может не говорить, что все эти рыцари вспомнили, наконец, в какой они прибыли город, и, босоногие, в покаянных одеждах, отправились в храм. Не так уж долго продолжалось их покаяние, чтобы стоило о нем толковать. И затем апостол Петр еще раз перегнулся через зубцы башни и указал Господу на Иерусалим и христианский лагерь у его стен. «Видишь Ты, – сказал он, – как Твои рыцари празднуют победу?» И Господь увидел, что повсюду в стане шли

кутежи. Рыцари и воины сидели и смотрели на пляски сирийских танцовщиц. Полные чаши ходили кругом, пирующие бросали кости, деля между собой военную добычу, и...

– И слушали шутов, рассказывающих глупые истории, – подхватил Раниеро. – Не было ли и это большим грехом? Шут засмеялся и кивнул ему головой, как бы говоря: «Погоди, я тебе отплачу».

– Нет, не прерывайте меня! – снова попросил он. – Бедному шуту так легко забыть, что он хочет сказать... Да, так вот: апостол Петр самым строгим голосом спросил Господа, неужели Он считает, что эти люди возвеличивают своими делами Его имя, на что Господь должен был, конечно, ответить, что Он этого не думает. «Они были разбойниками и убийцами, прежде чем покинули свою отчизну, – сказал апостол Петр, – и так и остались разбойниками и убийцами. И Ты лучше бы сделал, если бы не допустил этого похода. Ничего хорошего из него не выйдет».

– Ну-ну, шут! – сказал Раниеро предостерегающим голосом. Но шут считал для себя, по-видимому, вопросом чести испытать, когда же, наконец, кто-нибудь вскочит и вышвырнет его вон. И он бесстрашно продолжал:

– Господь только опустил голову, словно признаваясь, что Его постигла справедливая кара. Но почти в то же мгновение Он порывисто наклонился вперед и стал к чему-то присматриваться еще внимательнее, чем прежде. Апостол Петр тоже заглянул вниз. «На что Ты смотришь?» – спросил он.

Шут очень живо показал все это в лицах. Рыцари, казалось, увидели перед собой и Господа, и апостола Петра, и спрашивали себя, что это Господь заметил.

– Господь отвечал, что там нет ничего особенного, – возобновил шут свой рассказ, – но Он все-таки продолжал смотреть вниз. Апостол Петр взглянул в ту сторону, куда был устремлен взор Господа, и увидел только большой шатер, у входа в который высились воткнутые на длинные копыя сарацинские головы. Внутри же были во множестве навалены великолепные ковры, золотая посуда и драгоценное оружие, награбленное в Святом Городе. В этом шатре было то же, что и во всем лагере. Здесь сидела кучка рыцарей и осушала кубки. Единственная разница была, пожалуй, в том, что здесь больше всех шумели и пили. Апостол Петр не мог понять, почему Господь, глядя на эту попойку, так доволен, что радость светится в Его очах. Никогда апостол, кажется, не видывал пиршеств, где теснилось бы вокруг стола столько суровых и страшных лиц. Тот же, кто был здесь хозяином и сидел на верхнем конце стола, был ужасней всех других. Это был человек лет тридцати пяти, очень высокий и толстый, с медно-красным лицом, изборожденным рубцами и шрамами, с громадными кулаками и оглушительным голосом.

Здесь шут смолк на минуту, как бы боясь продолжать свой рассказ, но и Раниеро, и всем другим было забавно слушать, как он рассказывал им о них самих, и они только посмеялись над его дерзостью.

– Смелый ты малый! – сказал Раниеро. – Посмотрим-ка, куда ты гнешь!

– Наконец, – продолжал шут, – Господь произнес несколько слов, из которых апостол Петр понял, чему Он радуется. Он спросил апостола Петра, ошибается Он, или, действительно, возле одного из рыцарей стоит зажженная свеча.

Раниеро вздрогнул при этих словах. Сначала он рассердился на шута и потянулся было за тяжелой кружкой, чтобы бросить ее в лицо рассказчику, но удержался, желая послушать, будет ли тот хвалить его или порицать.

– Тогда апостол Петр увидел, – продолжал шут, – что, хотя весь шатер был освещен факелами, возле одного рыцаря, действительно, стояла зажженная восковая свеча. Это была большая, толстая свеча, которая могла гореть целые сутки. Так как у рыцаря не было для нее подсвечника, он набрал множество камней и обложил ими свечу, чтобы она не упала.

При этих словах пирующие разразились громким смехом. Все стали указывать на свечу, стоявшую на столе подле Раниеро и совершенно такую, как описывал шут. Но у Раниеро кровь бросилась в голову, так как это была свеча, которую он за несколько часов перед тем зажег у Гроба Господня. Он не мог решиться погасить ее.

– Когда апостол Петр увидел эту свечу, – рассказывал шут, – ему стало понятно, чему так радуется Господь, но вместе с тем он не мог не пожалеть Его немножко. «Так, так, – сказал он, – это тот рыцарь, который сегодня утром первым вслед за герцогом Бульонским взобрался на стены Иерусалима, а вечером прежде всех других зажег свою свечу у святого Гроба?»

«Да, это он, – сказал Господь, – и, как видишь, у него свеча горит до сих пор?»

Шут стал рассказывать теперь очень быстро, по временам взглядывая на Раниеро.

– Апостол Петр и теперь не мог подавить в себе некоторого чувства жалости к Господу.

«Неужели ты не понимаешь, – сказал он, – ради чего у него горит эта свеча. Ты, наверное, думаешь, что, глядя на нее, он вспоминает твои страдания и твою смерть на кресте! Ничуть не бывало! Он думает только о почестях, которые стяжал, когда был признан самым храбрым в войске после Готфрида».

При этих словах все гости Раниеро расхохотались. Раниеро был очень зол, но тоже заставил себя расхохотаться. Он знал, что все найдут смешным, если он не сумеет отнестись добродушно к словам шута.

– Но Господь возразил апостолу Петру, – продолжал шут. «Разве ты не видишь, как он оберегает свечу? – спросил он. – Всякий раз, как кто-нибудь поднимет полу шатра, он заслоняет пламя рукой из боязни, что ветер его задует. И он постоянно отгоняет мотыльков, летающих вокруг свечи и угрожающих погасить пламя».

Смех стал еще сильнее, так как все, что рассказывал шут, было чистой правдой. Раниеро все труднее было владеть собою. Ему казалось, что он не в силах будет выдержать, если кто-нибудь вздумает смеяться над священным пламенем его свечи.

– Апостол Петр все еще смотрел недоверчиво, – говорил шут. – Он спросил Господа, да знает ли Он этого рыцаря. Не из тех ведь он, которые часто ходят к обедне или преклоняют колени для молитвы. Но Господь непоколебимо стоял на своем. «Петр, Петр! – торжественно сказал он. – Помни мое Слово. Этот рыцарь будет набожнее Готфрида! Где источник кротости и благочестия, как не в Гробе моем? Ты увидишь, как Раниеро ди Раниери будет приходить на помощь вдовам и несчастным узникам. Ты увидишь, как он будет ходить за больными и утешать сокрушенных сердцем, подобно тому, как теперь он охраняет священное пламя своей свечи».

Это место рассказа вызвало неудержимый хохот. Оно показалось необыкновенно забавным всем знавшим характер и образ жизни Раниеро. Но сам он нашел и шутку, и смех нестерпимыми. Он вскочил, чтобы расправиться с шутком. При этом он так сильно толкнул стол, представлявший не что иное, как дверь, положенную на неустойчивые подставки, что он покачнулся, и свеча опрокинулась. Теперь стало ясно, насколько Раниеро дорожил тем, чтобы свеча оставалась горячей. Он подавил свой гнев и, прежде чем броситься на шута, поднял свечу и снова зажег ее. Но пока он занимался свечой, шут уже исчез из шатра, и Раниеро понял, что гнаться за ним среди ночного мрака было бы бесполезно. «Я, наверное, поймаю его как-нибудь в другой раз» – подумал он и сел на свое место.

Между тем гости его насмеялись досыта, и один из них обратился к Раниеро, желая продолжить шутку.

– Одно во всяком случае несомненно, Раниеро, – сказал он, – на этот раз ты не сможешь послать Мадонне во Флоренцию самое драгоценное из того, что ты добыл в бою.

Раниеро спросил, почему тот думает, что на этот раз он не последует своему давнишнему обычаю.

– По той простой причине, – отвечал рыцарь, – что самое драгоценное из твоей добычи – это пламя свечи, зажженной тобой пред лицом всего войска в храме Гроба Господня. А его послать во Флоренцию ты, конечно, не сможешь.

Снова стали смеяться рыцари, но Раниеро пришел в такое возбуждение, что готов был решиться на самый отчаянный поступок, лишь бы положить конец их смеху. Он быстро принял решение, позвал к себе старого оруженосца и сказал ему:

– Собирайся в долгий путь, Джованни! Завтра ты отправишься во Флоренцию с этим священным пламенем.

Но оруженосец ответил на это повеление резким отказом.

– За такое дело я не возьмусь – сказал он. – Как это возможно ехать во Флоренцию с зажженной свечой? Она погаснет раньше, чем я успею покинуть лагерь.

Раниеро переспросил одного за другим всех своих людей. От всех он получил один и тот же ответ. Да казалось, что они не принимали всерьез это его приказание.

Конечно, рыцари, пировавшие у Раниеро, смеялись все громче и веселее по мере того, как оказывалось, что никто из его людей не желает исполнить его приказание.

Раниеро горячился все сильнее и сильнее. Наконец, он потерял терпение и вскричал:

- Это пламя будет все-таки отвезено во Флоренцию, и, если никто другой не хочет отвезти его, то я сам это сделаю.
- Подумай, прежде чем давать такой обет! – сказал один из рыцарей. – Ты упустишь из рук княжество!
- Клянусь вам, что я доставлю это пламя во Флоренцию! – воскликнул Раниеро. – Я сделаю то, что никто другой не хотел взять на себя!

Старый оруженосец стал оправдываться:

– Господин, для тебя это совсем другое дело. Ты можешь взять с собой большую свиту, меня же ты хотел послать одного.

Раниеро был совершенно вне себя и не обдумывал своих слов.

– Я тоже поеду один, – сказал он. Но этим он достиг своей цели. Все присутствующие перестали смеяться. Они сидели, объятые страхом, и с изумлением смотрели на него.

– Почему вы не смеетесь больше? – спросил Раниеро. – Ведь это предприятие – просто детская игра для храброго человека.

На следующее утро, на рассвете, Раниеро сел на коня. Он был в полном рыцарском одеянии, но поверх его он накинул грубый плащ пилигрима, чтобы железная броня не слишком раскалялась от солнечных лучей. Он был вооружен мечом и секирой и ехал на добром коне. В руке он держал горящую свечу, а к седлу привязал два пучка больших восковых свечей, чтобы постоянно поддерживать пламя.

Раниеро медленно ехал между длинными рядами шатров. Пока все шло хорошо. Было еще так рано, что не успел рассеяться туман, поднявшийся из глубоких долин вокруг Иерусалима, и Раниеро ехал как бы среди белой мглы. Весь лагерь спал, и Раниеро легко миновал сторожевые посты. Никто его не окликнул, ибо в густом тумане никто не мог его увидеть, дорога же была покрыта толстым слоем пыли, заглушавшим стук конских копыт.

Раниеро скоро оставил позади себя лагерь крестоносцев и свернул на дорогу, ведущую в Яффу. Теперь дорога стала лучше, но он двигался медленно из-за горящей свечи. Среди густого тумана пламя горело слабо, каким-то красноватым трепещущим светом. То и дело большие насекомые налетали прямо на свечу и задевали пламя своими крыльями. Раниеро все время приходилось оберегать свечу, но он был в прекрасном расположении духа и по-прежнему думал, что задача, которую он на себя взял, так легка, что ее мог бы выполнить и ребенок.

Между тем конь устал от медленного шага и побежал рысью. Тогда пламя от ветра начало колебаться. Раниеро старался защитить его рукой и плащом, но ничего не помогало. Он видел, что оно совсем готово погаснуть.

Но он не был намерен так скоро отказаться от задуманного. Он остановил коня и некоторое время просидел неподвижно, о чем-то размышляя. Наконец, он соскочил с седла и попробовал сесть на коня задом, чтоб своим телом защищать свечу от ветра. Так ему удалось сохранить ее горячей, но теперь он убедился, что его путешествие будет гораздо труднее, чем он предполагал.

Когда он спустился с гор, окружающих Иерусалим, туман растаял. Раниеро ехал теперь по совершенно пустынной местности. Кругом не было ни людей, ни построек, ни зеленых деревьев, ни какой-либо растительности, а высились только голые холмы.

Здесь на Раниеро напали разбойники. Это были бродяги, без ведома военачальников следовавшие за войском и жившие разбоем и грабежом. Они скрывались в засаде за холмом, и Раниеро, ехавший задом, заметил их лишь тогда, когда они окружили его, замахиваясь на него своими мечами.

Их было двенадцать. Вид у них был жалкий, лошади под ними – плохие. Раниеро тотчас же увидел, что для него не составило бы никакого труда пробиться сквозь эту ватагу и умчаться от нее прочь. Но он понимал, что он сможет это сделать, лишь бросив свечу. А после гордых слов, произнесенных им прошлой ночью, ему не так-то легко было отказаться от своего предприятия. Поэтому он не нашел для себя другого выхода, как вступить в переговоры с разбойниками. Он сказал, что так как он хорошо вооружен и едет на хорошем коне, то им трудно было бы одолеть его, если бы он стал защищаться. Но так как он связан обетом, он не окажет им сопротивления и отдаст им без боя все, что они хотят, если только они обещают не гасить его свечу.

Разбойники ожидали жестокой борьбы. Они очень обрадовались неожиданному предложению Раниеро и тотчас же принялись его грабить. Они взяли у него и доспехи, и коня, и оружие, и деньги. Единственное, что они ему

оставили, это грубый плащ и оба пучка свечей. При этом они честно сдержали свое обещание и не погасили зажженной свечи.

Один из них вскочил на коня Раниеро. Поняв, какой это славный конь, он как будто почувствовал некоторое сострадание к рыцарю. Он крикнул ему:

– Послушай, мы не будем чересчур жестоки к христианину. Ты можешь взять себе мою старую лошадь.

Это была несчастная кляча, которая двигалась так вяло и медленно, словно была деревянная.

Когда разбойники скрылись, наконец, из виду и Раниеро стал садиться на этого жалкого коня, он сказал сам себе: «Меня, должно быть, околдовало это пламя. Из-за него я буду ехать теперь, как какой-то жалкий нищий».

Он понимал, что было бы разумней повернуть назад, так как его предприятие казалось действительно неосуществимым. Но им овладело такое страстное желание выполнить обет, что противостоять ему он был не в силах.

Поэтому он двинулся дальше. Он видел вокруг себя все те же голые, лишенные растительности желтые высоты.

Спустя некоторое время ему встретился молодой пастух, пасший четырех коз. Когда Раниеро увидел, что они пасутся на голой земле, он подумал с удивлением: «Неужели они едят песок?»

У пастуха было, вероятно, прежде большое стадо, отнятое у него крестоносцами. Когда он увидел теперь едущего верхом одинокого христианина, он постарался причинить ему как можно больше зла.

Он бросился на Раниеро и стал бить по его свече своим посохом. Пламя свечи до такой степени связывало Раниеро руки, что не давало ему даже возможности обороняться от пастуха. Он только прижал к себе свечу, чтобы защитить ее. Пастух ударил по ней еще несколько раз, но затем остановился в изумлении. Он увидел, что плащ на Раниеро загорелся, но что тот ничего не делал, чтобы потушить огонь, пока пламя свечи было в опасности. Пастух устыдился. Он долго шел следом за Раниеро, и в одном месте, где дорога вилась узкой лентой между двумя пропастями, он приблизился к нему и провел его лошадь.

Раниеро улыбнулся при мысли, что пастух, наверное, принял его за святого, исполняющего свой обет.

Под вечер Раниеро начали встречаться люди. Еще ночью весть о падении Иерусалима распространилась по всему побережью, и тотчас же множество народа направилось в Святой Город. Тут были и пилигримы, долгие годы ожидавшие возможности попасть в Иерусалим, и вновь прибывшие войска крестоносцев, и главным образом – купцы, спешившие туда с обозами съестных припасов.

При виде Раниеро, сидевшего спиной к голове лошади с зажженной свечой в руке, эти люди стали кричать:

– Сумасшедший, сумасшедший. Большею частью то были итальянцы, и Раниеро слышал, как они кричали на его родном языке:

– Pazzo, pazzo! что значит: сумасшедший, сумасшедший.

Раниеро, так хорошо владевшего собой весь этот день, эти непрерывные крики привели в сильное раздражение. Он внезапно соскочил с лошади и своими могучими кулаками стал расправляться с кричавшими. Когда люди увидели, как тяжелы его удары, они обратились в бегство, и Раниеро остался один на дороге.

Теперь он снова пришел в себя.

– Поистине, были правы те, что звали тебя безумным, – сказал он, ища глазами свечу, так как на мгновение забыл о ней. Наконец, он увидел, что она скатилась с дороги в яму. Она погасла, но совсем рядом с ней, на кочке, покрытой сухой травой, Раниеро заметил огонь и понял, что счастье не оставило его, и что, прежде чем погаснуть, свеча зажгла траву.

«Плачевно могли бы кончиться мои труды», – подумал он, зажигая свечу и снова садясь в седло. Он чувствовал себя совершенно подавленным. Не слишком-то вероятным представлялся ему теперь успех его дела.

К вечеру Раниеро прибыл в Рамле и подъехал к тому месту, где обыкновенно останавливались на ночлег караваны. Это был большой двор. Вокруг него были устроены стойла, где путешественники на ночь привязывали лошадей. Комнат здесь не было, и людям приходилось спать рядом с животными.

Народу набралось много, но хозяин все-таки нашел место для Раниеро и его лошади. Вдобавок он дал корму коню и угостил ужином всадника.

Когда Раниеро заметил, как к нему хорошо относятся, он подумал: «Мне начинает казаться, что разбойники оказали мне услугу, отняв у меня моего коня и мои доспехи. Мне, наверное, легче будет путешествовать со своей ношей по этой стране, если меня будут принимать за сумасшедшего».

Поставив лошадь в стойло, Раниеро со свечей в руках присел на связку соломы. Он решил, что не будет спать, а будет бодрствовать всю ночь.

Едва успел он, однако, сесть, как тотчас же задремал. Страшно утомленный, он во время сна растянулся во весь свой рост и проспал до самого утра.

Проснувшись, он не увидел возле себя ни пламени, ни свечи. Он стал искать свечу в соломе, но нигде ее не находил. «Кто-нибудь взял ее у меня и погасил ее», – сказал он себе. И он старался уверить себя, будто он рад тому, что все теперь кончено, и что ему не нужно выполнять неразрешимую задачу.

Но вместе с тем он почувствовал какую-то тоску и пустоту. Ему казалось, что никогда он так страстно не желал исполнить задуманное, как теперь.

Он вывел лошадь, вычистил ее и оседлал. Когда он был совсем готов, хозяин караван-сарая подошел к нему с зажженной свечой и сказал на языке франков:

– Я должен был взять у тебя вчера твою свечу, так как ты заснул; но вот я тебе ее возвращаю.

Раниеро, притворяясь равнодушным, сказал совершенно спокойно:

– Ты хорошо сделал, что ее погасил.

– Я не гасил ее, – ответил хозяин. – Я видел, что свеча была у тебя зажжена, когда ты приехал, и подумал, что для тебя важно, чтоб она продолжала гореть. Если ты посмотришь, насколько она уменьшилась, то поймешь, что она горела всю ночь.

Раниеро просиял от радости. Он горячо поблагодарил хозяина и поехал далее в самом прекрасном расположении духа.

Покидая Иерусалим, Раниеро предполагал ехать из Яффы в Италию морем. Но, когда разбойники отняли у него деньги, он решил ехать сухим путем.

Долгое было это странствование. Из Яффы он направился к северу, держась берегов Сирии. Далее путь его шел на запад, вдоль Малоазиатского полуострова. Затем опять к северу до самого Константинополя. Отсюда ему еще предстоял продолжительный путь до Флоренции.

Все это время Раниеро жил благочестивыми подаяниями. С ним чаще всего делились своим хлебом пилигримы, во множестве устремлявшиеся теперь в Иерусалим.

Хотя Раниеро ехал почти всегда один, дни не казались ему долгими и однообразными. Ему все время приходилось охранять пламя свечи, за которое он никогда не мог быть спокойным. Стоило подуть ветру, упасть дождевой капле и оно могло навсегда погаснуть.

Когда Раниеро ехал пустынными дорогами и думал только о том, как бы сберечь священное пламя, ему вдруг пришло в голову, что когда-то в былое время ему пришлось наблюдать нечто подобное. Он видел когда-то в своей жизни человека, который оберегал что-то столь же непрочное как пламя свечи.

Вначале это воспоминание носилось перед ним так неясно, что он спросил себя, не видел ли он это во сне.

Но по мере того как он подвигался все дальше и дальше в своем одиноком пути, ему все чаще и чаще приходила мысль, что нечто подобное уже было с ним когда-то в минувшие дни.

«Точно всю свою жизнь я не думал ни о чем другом», – мелькало у него в голове.

Однажды Раниеро въехал в какой-то город. Был вечер, и женщины стояли в дверях, поджидая своих мужей. Среди них Раниеро увидел одну – высокую, стройную, с печальными глазами. Она напомнила ему Франческу дель Уберти.

И в ту же минуту Раниеро понял, о чем вспоминал он все это время. Он подумал, что для Франчески ее любовь была, наверное, тем же, чем для него пламя свечи. Эту любовь она хотела навсегда сохранить неугасимой, постоянно опасаясь, что Раниеро потушит ее пламя. Эта мысль удивила его, но он все более и более убеждался, что именно так и было. Впервые начал он понимать, почему Франческа ушла от него; впервые осознал он, что не воинскими подвигами может он ее вернуть.

Путешествие Раниеро шло очень медленно. И одной из причин этого было то, что в плохую погоду он не мог продолжать его. Он сидел тогда в каком-нибудь караван-сараях и оберегал священный пламя. Это были очень тяжелые дни.

Однажды, когда Раниеро ехал по горе Ливан, он заметил, что приближается буря. Он находился тогда высоко, среди горных ущелий и обрывов, далеко от всякого человеческого жилья. Наконец на гребне одного утеса он заметил могилу сарацинского святого. Это было небольшое четырехугольное каменное здание со сводчатой крышей. Он подумал, что ему всего лучше будет укрыться здесь.

Едва он успел войти под своды, как разразилась снежная буря, бушевавшая целых два дня. Она принесла с собой такой страшный холод, что Раниеро чуть не замерз.

Он знал, что на горе найдется много сучьев и хворосту, так что ему не трудно было бы набрать топлива, чтоб развести себе огонь. Но пламя свечи, которое он нес, он считал настолько священным, что не хотел им зажечь ничего, кроме свечи пред алтарем Пресвятой Девы.

Непогода все усиливалась, и, наконец, он услышал гром и увидел молнии, бороздившие небо.

И вот одна молния ударила в гору, совсем рядом с могилой, и зажгла дерево. И Раниеро смог развести себе костер, не прикасаясь к священному огню.

Когда Раниеро проезжал по пустынной гористой местности в Киликии, свеча его стала подходить к концу. Свечи, взятые им из Иерусалима, давным-давно были сожжены, но он все-таки мог выходить из затруднения, потому что на пути ему встречались время от времени паломники, у которых он мог выпросить себе новые свечи.

Но теперь его запас истощился, и он думал, что настает конец его странствованию.

Когда свеча почти совсем догорела, так что пламя жгло ему руку, он соскочил с лошади, набрал сучьев и сухой травы и зажег их последним остатком пламени. Но на этой горе было мало горючего материала, так что огонь должен был скоро потухнуть.

Раниеро сидел и сокрушался о том, что святое пламя должно погаснуть, как вдруг он услышал на дороге пение и увидел процессию паломников, которая взбиралась на гору со свечами в руках.

Процессия направлялась в пещеру, где жил когда-то святой угодник, и Раниеро последовал за ней. Между паломниками была одна старая женщина, которой трудно было идти, и Раниеро помог ей подняться на гору.

Когда она стала потом благодарить его, он знаком попросил у нее свечу. Она дала ему ее, и многие другие подарили ему свои свечи.

Он потушил их, поспешно сбежал вниз по тропинке и зажег одну из свечей уже потухавшим было огнем, зажженным священным пламенем.

Как-то раз в очень знойный полдень Раниеро лег вздремнуть в кустах. Он заснул крепким сном, а свеча стояла возле него между двух камней. Спустя некоторое время пошел дождь и шел довольно долго, а Раниеро не просыпался. Когда же он, наконец проснулся, земля вокруг него была мокрая, и он едва мог решиться взглянуть на свечу, боясь, что она погасла.

Но свеча горела под дождем тихим и ровным светом, и Раниеро увидел, что это происходило оттого, что над пламенем летали и трепетали крылышками две маленькие птички. Они держались друг за друга клювами и распростерли крылья, защищая таким образом пламя свечи от дождя.

Раниеро тотчас же снял с себя капюшон и повесил его над свечой. Затем он протянул руку к птичкам, так как ему захотелось их приласкать. И ни та, ни другая не улетела от него.

Раниеро был поражен тем, что птицы не испугались его. Но он подумал: «Они знают, что нет у меня иной мысли, как охранять самую хрупкую на свете вещь. Оттого-то они меня и не боятся».

Раниеро проезжал недалеко от Никеи. Здесь ему повстречались рыцари из западных стран, шедшие с вспомогательными отрядами в Святую Землю. Среди них находился и Роберт Тайльфер, странствующий рыцарь и трубадур.

Раниеро приближался к ним в своем рваном плаще и со свечой в руке, и воины при виде его начали кричать: – Сумасшедший, сумасшедший!

Но Роберт заставил их замолчать и обратился к страннику:

– Давно ли ты путешествуешь таким образом? – спросил он его.

– Я еду так от самого Иерусалима! – отвечал Раниеро.

– Много ли раз гасла дорогой твоя свеча?

– Моя свеча горит все тем же пламенем, которое я вывез из Иерусалима, – сказал Раниеро. Тогда Роберт Тайльфер сказал ему:

– Я тоже один из тех, что несут с собой пламя, и я хотел бы, чтоб оно горело вечно. Может быть, ты, несущий горящую свечу из самого Иерусалима, скажешь мне, что мне делать, чтобы мое пламя не погасло?

Тогда Раниеро ответил:

– Рыцарь, это тяжелый труд, хотя он и кажется очень простым. Я не посоветовал бы вам братья за него, ибо этот слабый огонек потребует от вас, чтоб вы забыли обо всем, кроме него. Он не позволит вам иметь возлюбленную, если у вас явится желание любить, и ради этого пламени не решитесь вы сесть за стакан вина. Ни о чем другом вы не должны думать, кроме этого пламени, и никакой иной радости не должно быть для вас. Но главное что заставляет отговаривать вас от такого странствия, на какое я отважился, это то, что ни на одно мгновение вы не будете чувствовать себя спокойным, через сколько бы опасностей вы ни пронесли пламя невредимым, вы не можете быть уверены в том, что в следующую же минуту вы не лишитесь его.

Но Роберт Тайльфер гордо поднял голову и ответил:

– То, что ты сделал для пламени своей свечи, то я сумею сделать для моей.

Раниеро прибыл в Италию. Однажды он ехал в горах глухой тропинкой. Какая-то женщина побежала за ним вдогонку и стала просить у него огня от его свечи.

– У меня огонь погас, – говорила она, – мои дети голодны. Дай мне огня, чтоб я могла затопить печь и испечь им хлеба!

Она протягивала руку за свечой, но Раниеро не давал ее, потому что не хотел допустить, чтобы этим пламенем было зажжено, что бы то ни было, кроме свечи пред алтарем Пресвятой Девы.

Тогда женщина сказала ему:

– Дай мне огня, пилигрим, ибо жизнь моих детей – это пламя, которое мне предназначено поддерживать! – И эти слова заставили Раниеро дать ей зажечь фитиль в ее лампаде от его свечи.

Спустя несколько часов Раниеро въезжал в какой-то городок, лежавший высоко в горах. Там было очень холодно. Молодой крестьянин, стоявший у дороги, увидел бедного всадника в его рваном плаще. Он быстро скинул с себя свою коротенькую епанчу и набросил ее на Раниеро. Но епанча упала на самую свечу и погасила пламя.

Раниеро вспомнил тогда о женщине, попросившей у него огня. Он возвратился к ней и снова зажег свою свечу святым пламенем.

Готовясь ехать дальше, он сказал ей:

– Ты говоришь, что пламя, которое ты должна охранять, это жизнь твоих детей. Можешь ли ты сказать мне, как называется то пламя, которое я везу из далеких стран?

– Где ты зажег свое пламя? – спросила женщина.

– У святого Гроба Господня, – отвечал Раниеро.

– Тогда не может быть ему иного имени, как кротость и любовь к людям, – сказала женщина.

Раниеро засмеялся, услышав ее ответ. Ему казалось, что для таких добродетелей он слишком неподходящий человек.

Теперь дорога Раниеро шла среди прелестных голубых холмов. Он чувствовал, что находится недалеко от Флоренции.

Он думал о том, что теперь уже скоро освободится от свечи. Он вспоминал свой шатер в Иерусалиме, полный военной добычи, вспоминал о храбрых воинах, которых оставил в Палестине и которые обрадуются, когда он вернется опять к военному ремеслу и поведет их к победам.

Но тут Раниеро заметил, что сам он, думая об этом, не испытывает никакой радости, и что мысли его принимают совсем иное направление.

Впервые понял Раниеро, что он уже не тот человек, каким выехал из Иерусалима. Это странствие с пламенем свечи заставило его сблизиться с теми, кто миролюбив, благоразумен и милосерден, и внушило ему отвращение к людям жестоким и воинственным.

Он радовался каждый раз, когда думал о тех, кто мирно трудится у домашнего очага, и ему приходило в голову, что ему приятно будет вернуться в свою старую мастерскую во Флоренции и работать над прекрасными и искусными изделиями.

«Поистине это пламя преобразило меня, – подумал он. – Мне кажется, оно сделало меня совсем другим человеком».

Был последний день перед Пасхой, когда Раниеро въехал во Флоренцию.

Едва проехал он городские ворота, сидя на лошади задом, со спущенным на лицо капюшоном и с зажженной свечой в руке, как с мостовой поднялся нищий и закричал обычное: – Pazzo, pazzo!

При этом крике из ворот одного дома выбежал уличный мальчишка, вскочил на ноги шалопай, целый день лежавший и смотревший в небо, и оба они начали вторить нищему, крича: Pazzo, pazzo!

Так как теперь кричало уже трое, то шуму было достаточно, чтобы взбудоражить всех мальчишек на этой улице. Они высыпали из всех углов и щелей и, как только увидели Раниеро в его рваном плаще и на жалкой кляче, тотчас же принялись кричать: Pazzo, pazzo!

Но Раниеро привык уже к этому. Он молча ехал по улице, не обращая внимания на крикунов.

Они не удовольствовались криками. Один из них подпрыгнул и попробовал задуть свечу.

Раниеро поднял свечу высоко над собой. Вместе с тем он постарался заставить лошадь прибавить ходу, чтоб скрыться от мальчишек.

Но они не отставали от него и всячески старались потушить свечу.

Чем больше усилий делал Раниеро, чтоб уберечь от них пламя, тем больше это их раззадоривало. Они вскакивали на плечи друг к другу, надували щеки и дули изо всех сил, бросали шапками в свечу. И только потому, что их было так много и они толкали друг друга, им не удавалось погасить пламя.

Улица представляла забавное для всех зрелище. В окнах стояли люди и смеялись. Никто не чувствовал сострадания к безумцу, хотевшему защитить свою свечу. Раздавался колокольный звон, и много народа направлялось в церковь. По пути люди останавливались и тоже смеялись, смотря на эту потеху.

Но вот Раниеро, чтобы защитить пламя, во весь свой рост встал в седле. Вид у него был какой-то дикий. Капюшон упал назад и открыл лицо, исхудалое и бледное, как лик мученика. Свечу Раниеро поднял над собой так высоко, как только мог.

На улице была страшная толкотня. Даже взрослые люди начали принимать участие в игре. Женщины махали своими головными платками, а мужчины бросали свои береты. Все старались во что бы то ни стало потушить свечу.

Раниеро проезжал в это время мимо одного дома с балконом. На балконе стояла женщина. Она перегнулась через перила, выхватила у него свечу и скрылась с нею в доме.

Вся толпа разразилась оглушительным хохотом и гоготанием, а Раниеро покачнулся в седле и упал на мостовую.

Видя, что он лежит без чувств, все тотчас же покинули улицу. Никто не захотел позаботиться об упавшем. Только его лошадь осталась возле него.

Как только толпа рассеялась, Франческа дель Уберти вышла из своего дома, держа в руке горящую свечу. Она все еще была очень красива, черты лица ее были нежны, глаза серьезны и глубоки.

Она подошла к Раниеро и наклонилась над ним. Он лежал без сознания, но когда свет от свечи упал на его лицо, он пошевелился и вздохнул. Казалось, святое пламя держало его всецело в своей власти. Когда Франческа увидела, что он пришел в себя, она сказала ему:

– Вот твоя свеча. Я выхватила ее у тебя, потому что видела, как сильно хочешь ты сохранить ее горячей. Я ничего другого не могла придумать, чтобы помочь тебе.

Раниеро упал неловко и сильно расшибся. Но ничто не могло теперь остановить его. Он начал с трудом подниматься, хотел идти, но пошатнулся и чуть было не свалился с ног. Тогда он попытался сесть на лошадь. Франческа помогла ему.

– Куда ты хочешь ехать? – спросила она, когда он уселся.

– В собор, – отвечал он.

– Так я провожу тебя, – сказала она, – я как раз иду к обедне. – И она взяла лошадь за повод и повела ее.

Франческа сразу узнала Раниеро. Но Раниеро не знал, кто она, потому что не дал себе времени посмотреть на нее. Он не отрывал своего взора от пламени свечи.

Всю дорогу они молчали. Раниеро думал только о пламени и о том, чтобы сохранить его в эти последние мгновения. Франческа же не могла говорить, потому что боялась того, что пришло ей в голову. Она не могла отогнать от себя мысль, что Раниеро вернулся на родину безумным. И хотя она была почти убеждена в этом, она все-таки предпочитала не говорить с ним, чтобы окончательно не увериться в его сумасшествии.

Спустя немного Раниеро услышал, что кто-то возле него плачет. Он оглянулся и заметил, что это Франческа дель Уберти идет с ним рядом и что это она плачет. Но Раниеро посмотрел на нее только один миг и ничего не сказал ей. Он не о чем не хотел думать, кроме своей свечи.

Раниеро попросил подвести его к ризнице. Там он сошел с лошади. Он поблагодарил Франческу за помощь, но все время смотрел не на нее, а на свечу. Один вошел он в ризницу к священникам.

Франческа вошла в храм. Был вечер страстной субботы, и все свечи в храме стояли незажженные в знак печали. Франческе казалось, что всякое пламя надежды, горевшей в ее сердце, теперь тоже погасло.

Храм имел очень торжественный вид. Пред алтарем стояло множество священников. Каноники были в полном сборе на хорах, а на самом высоком месте восседал епископ.

Немного погодя, Франческа заметила, что среди священников началось какое-то движение. Почти все те, кто не обязан был присутствовать при богослужении, поднялись и вышли в ризницу. Под конец удалился и епископ.

Когда служба кончилась, на хорах появился священник и обратился к народу. Он объявил, что Раниеро и Раниери прибыли из Иерусалима во Флоренцию со священным огнем от Гроба Господня. Он рассказал все, что рыцарь вынес и вытерпел на своем пути. И он восхвалял его и превозносил.

Народ сидел, пораженный изумлением, и слушал. Никогда еще Франческа не переживала таких сладостных минут: «О Боже! – вздыхала она, – у меня нет сил перенести это счастье!»

Слезы струились из ее глаз, в то время как она ловила каждое слово священника.

Священник говорил долго и красноречиво. Под конец он сказал громким голосом:

– Иным может, конечно, показаться чем-то незначительным привезти во Флоренцию горящую свечу. Но я говорю вам: молитесь Богу, чтоб он даровал Флоренции побольше носителей бессмертного огня, ибо тогда она делается великим городом и будет прославляема пред другими городами!

Когда священник кончил свою проповедь, главные врата собора распахнулись, и в храм вступила наскоро составленная процессия. Тут были настоятели, монахи и священники, и все они двинулись через средний проход к алтарю. Самым последним шел епископ, а возле него Раниеро в том самом плаще, который был на нем во все время его странствования.

Но в тот момент, когда Раниеро переступил порог храма, с одной из скамей поднялся старик и пошел к нему навстречу. То был Оддо, отец подмастерья, работавшего когда-то у Раниеро и повесившегося из-за него.

Подойдя к епископу и Раниеро, старик низко поклонился. Затем он произнес таким громким голосом, что все в храме должны были его слышать:

– Великое это событие для Флоренции, что Раниеро привез священный огонь из Иерусалима. Никогда у нас ни о чем подобном и не слыхивали. Многие, может быть, осмелятся даже сказать, что это невероятно. Поэтому я и прошу оповестить весь народ о том, какие доказательства и каких свидетелей имеет Раниеро в подтверждение того, что это действительно огонь, зажженный в Иерусалиме.

Когда Раниеро услышал эти слова, он сказал:

– Боже милостивый! Откуда мне взять свидетелей? Я весь путь совершил один. Пусть явятся сюда дебри и пустыни, чтобы свидетельствовать обо мне!

– Раниеро – честный рыцарь, – сказал епископ, – и мы на слово верим ему.

– Раниеро сам должен был бы знать, что здесь могут возникнуть сомнения, – продолжал Оддо. – Наверное он ехал не совсем один. Его слуги могут свидетельствовать о нем.

Тогда из толпы народа поспешно выступила Франческа дель Уберти и подошла к Раниеро.

– Зачем нам свидетели? – сказала она. – Все женщины Флоренции готовы поклясться, что Раниеро говорит правду. Раниеро улыбнулся, и лицо его на мгновение просветлело. Но затем он снова устремил свой взор и свои мысли к пламени свечи.

Великое волнение началось в храме. Некоторые говорили, что Раниеро не смеет зажигать свечу на алтаре, пока не докажет своей правоты. К ним присоединились многие из его старых врагов.

Тогда поднялся со своего места Джакопо дель Уберти и заступился за Раниеро.

– Я думаю, всем здесь известно, – сказал он, – что между мной и моим зятем не было чрезмерной приязни, но теперь и я, и мои сыновья готовы за него поручиться. Мы верим, что он совершил свой подвиг, и знаем, что тот, кто смог выполнить такой обет – мудрый и благородный человек, которого мы с радостью примем в свою среду.

Но Оддо и многие другие не хотели допустить, чтобы Раниеро вкусил счастья, которого он домогался. Они собрались в тесный кружок, и легко было видеть, что от своих требований они не отступят.

Раниеро понимал, что если произойдет столкновение, они прежде всего постараются потушить пламя. Не отрывая взоров от своих противников, он поднял свечу так высоко, как только мог.

Лицо его выражало страшную усталость и отчаяние. Видно было, что как ни твердо он решил бороться до последних сил, он ожидает только поражения. Слова Оддо были смертельным ударом. Раз сомнение пробудилось, оно будет распространяться и расти. Ему казалось, что Оддо уже погасил и погасил навеки его священное пламя.

Маленькая птичка впорхнула в храм через широкие, настежь раскрытые двери. Она полетела прямо на свечу Раниеро. Он не успел опустить ее, птичка задела ее крылом и погасила.

У Раниеро сердце упало, и слезы брызнули из глаз. Но в первую минуту он почувствовал даже облегчение. Это все-таки было лучше, чем если бы пламя погасили люди.

Птичка продолжала летать по храму, растерянно кидаясь то туда, то сюда, как это бывает с птицами, когда они попадут в закрытое помещение.

Но вдруг весь храм огласился громким криком:

– Птичка горит! Священный огонь зажег ее крылья!

Маленькая птица жалобно пищала. Несколько минут она, словно порхающее пламя, кружилась под высокими сводами хоров. Потом она быстро опустилась и упала мертвая на алтарь Мадонны.

Но в тот самый миг, как птичка упала на алтарь, Раниеро был уже там. Он пробился сквозь толпу; ничто не могло остановить его. И пламенем, пожирившим крылышки птички, он зажег свечу пред алтарем Мадонны.

Тогда епископ простер к нему свой посох и возгласил:

– Так хочет Бог! Бог явился свидетелем Раниеро!

И весь народ в храме, и друзья Раниеро, и недруги, все перестали сомневаться и недоумевать. Все они, воодушевленные чудом Божиим, восклицали:

– Так хочет Бог! Бог явился свидетелем Раниеро!

О Раниеро остается теперь только сказать, что он до конца дней своих наслаждался великим счастьем и был мудр, заботлив и милосерден. Но народ во Флоренции постоянно называл его Pazzo degli Ranieri в память о том, что его сочли сумасшедшим. И это прозвище стало для него почетным титулом. Раниеро положил начало благородному роду, принявшему имя Пацци, которое он носит и поныне.

Следует еще упомянуть, что во Флоренции вошло в обычай устраивать каждый год в страстную субботу особое торжество в память возвращения Раниеро на родину со священным огнем, причем по собору пускали летать

искусственную зажженную птичку. В нынешнем году это торжество тоже состоялось бы, если бы совсем недавно его не отменили.

Но правда ли, как многие полагают, что носители священного огня, жившие во Флоренции и сделавшие ее одним из самых прекрасных городов во всем мире, брали себе за образец Раниеро, учась у него жертвовать собой, страдать и терпеть, – об этом мы предпочитаем здесь не говорить.

Ибо всего того, что было совершено благодаря огню, исходившему в те мрачные времена из Иерусалима, невозможно ни исчислить, ни измерить.